

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Филологический факультет

на правах рукописи

ИВАНОВА АННА ВИКТОРОВНА

**Роль категории посессивности в семантико-синтаксической организации
простого предложения в испанском и каталанском языках**

Специальность: 10.02.05 – романские языки

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Зеликов М. В.**

МОСКВА 2015

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Категория посессивности как категория «связующего семиологического звена»	13
1.1. Логико-философский аспект рассмотрения категории посессивности.....	13
1.2. Лингвистический аспект рассмотрения категории посессивности.....	16
1.3. Феномен посессивности в свете проблемы межкатегориальных связей.....	24
1.4. Конструкции с <i>verba habendi</i> и развитие субъектно-объектной структуры простого предложения.....	31
1.5. Глаголы с семантикой обладания в образовании перфекта и результата.....	38
Глава 2. Структурно-семантические и функциональные аспекты изучения единиц с семантикой посессивности в испанском и каталанском языках	45
2. 1. Стадии эволюции посессивного перфекта	45
2.2. Центральная и периферийная форма перфекта.....	53
2. 3. Диатезные типы аналитического перфекта и результата	68
2. 4. Глаголы <i>tener / tenir</i> и <i>haber / haver</i> как самостоятельные единицы (<i>verba habendi</i> por <i>excelentia</i>).....	84
2. 5. Вторичные способы выражения обладания (лексико-синтаксические корреляты глаголов <i>tener / tenir</i>)	92
2. 6. Роль местоименных конструкций в развитии субъектно-объектной структуры простого предложения.....	95
Глава 3. Сопоставительный анализ моделей с семантикой посессивности в испанском и каталанском языках	128
3.1. Глагольные модели с семантикой посессивности в испанском и каталанском языках.....	128
3.1.1. Модели, полностью совпадающие в сопоставляемых языках.....	129
3.1.2. Модели, имеющие частичное сходство в сопоставляемых языках.....	153
3.1.3. Модели, не имеющие аналога в одном из сопоставляемых языков.....	159

3.2. Местоименные конструкции с семантикой посессивности в испанском и каталанском языках.....	170
3.2.1. Модели, полностью совпадающие в сопоставляемых языках.....	171
3.2.2. Модели, имеющие структурно-семантические отличия.....	180
Заключение.....	184
Библиография	189
Словари.....	206
Источники и принятые сокращения.....	207

Введение

В основу настоящего диссертационного исследования положен семиотический анализ категории посессивности (далее КП) в испанском и каталанском языках. Под *семиотическим анализом* традиционно понимается трехаспектный анализ, осуществляемый в рамках семиотического тривиума (*синтактики, семантики и прагматики*), введенного в лингвистический обиход Чарльзом Моррисом, который, как об этом позднее писал Ю. С. Степанов¹, является своего рода повторением средневекового «тривия» гуманитарных наук (грамматики, логики (диалектики) и риторики).

Подход, положенный в основу нашего исследования, позволяет рассматривать языки как динамические системы, а учет прагматической составляющей ориентирован на выявление феноменологии «языка в действии»², предопределяя направление анализа конкретного языкового материала, осуществляемого в рамках нашего исследования. В основе настоящей стратегии лежит опора на "теорию функциональной грамматики", задачей которой является «исследование семантических функций на уровне высказывания с учетом всех взаимодействующих формальных средств, осуществляющегося в обоих направлениях (от средств к функциям и от функций к средствам)»³.

Другими словами, **теоретической основой исследования** послужили принципы семиологической грамматики, как части современной семиотики, которая предполагает, исходя из центральной роли предложения-высказывания, с помощью «челночной процедуры» совершение операций абстрагирования от синтаксиса к семантике и, наоборот, от семантики к синтаксису, до тех пор, пока не будут установлены, на гипотетическом уровне все структурно-

¹ Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика / Сб. переводов под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 37 – 89;

Степанов Ю. С. Семиотика - Издательство: М.: Радуга, 1983. С. 28 – 29.

² Витгенштейн Л. Избранные философские работы. – Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994. С. 54.

³ Бондарко А. В. Функциональная грамматика / [Отв. ред. В.Н.Ярцева]. – Л.: Наука, 1984. С. 5.

семантические связи. Завершающим этапом является обращение к выявлению прагматической составляющей предложения-высказывания⁴.

Выбранная методология предполагает опору на достижения в области таких дисциплин традиционного языкознания, как компаративистика, контрастивная лингвистика, а также функциональная и контенсивная типология, дающих возможность сконцентрировать основное внимание на сходствах и различиях сопоставляемых языков. Важным в этой связи становится положение о том, что часть универсальных смыслов категоризуется в «явной» грамматике анализируемых языков, а часть проявляется на периферии их грамматической системы, т. е. в «скрытой» грамматике⁵. Таким образом, первостепенным здесь становится выявление определенной идиоэтнической специфики некоторых фрагментов грамматической «картины мира» испанского языка при его сопоставлении с близкородственным каталанским. Весомым аргументом в пользу этого подхода могут послужить слова известного каталанского лингвиста П. Фабра, отметившего, что «после фонетических различий, каталанский и кастильский наиболее противопоставлены в *глагольной системе*»⁶. В свою очередь, выступая еще на I Международном Конгрессе, посвященном исследованиям каталанского языка в 1906 г., один из участников Ф. Жуве-и-Вергес, провозглашая необходимость остановить, наконец, экспансию кастильского, призвал аудиторию обратить внимание на *самые важные вопросы своеобразия каталанского синтаксиса*. Среди перечисленных им пяти пунктов два первых - *посессивы* и *вспомогательные глаголы*⁷ - и составляют собственно объект сопоставительной части нашего исследования.

⁴ Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. (Семиологическая грамматика). – М.: Едиториал УРСС, 2002.

⁵ Уорф Б. Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 44 – 60.

Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 213 с.

⁶ Fabra P. L'idioma català enfront del castellà. – Barcelona, 1932. P. 8.

⁷ Jové y Vergés F. Partícules pronominals hi, en, ho // Primer Congrés Internacional de la Llengua Catalana (1906). – Barcelona: Estampa d'En Joaquim Horta Méndez Núñez, 1908. P. 113 – 114.

Удельный вес предложений, содержащих единицы с семантикой посессивности в языках Пиренейского п-ва в целом, а в испанском и каталанском в частности, весьма значителен, и факт их широкого использования носителями языка в различных ситуациях подтверждается анализом эмпирического материала, содержащегося в произведениях художественной литературы, а также в СМИ. Тем не менее, в теоретических грамматиках рассматриваемых языков⁸ особенности реализации КП эксплицированы далеко не в полном объеме. Между тем, более углубленное и последовательное изучение сложной динамики функционирования глагола «иметь», обладающего в иберо-романских языках «чрезвычайно широким спектром употребления, реальная сочетаемость которого тесно связана с семантикой и синтаксисом каждого конкретного языка»⁹ было, можно сказать, завещано Е. М. Вольф новым поколениям романистов, однако до настоящего времени так и не нашло своего исследователя.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, всё возрастающей ролью каталанского языка в современном социополитическом и лингвокультурном контексте, а с другой стороны - крайне малой исследованностью его структурно-семантических особенностей на фоне сопоставления с испанским языком. Результаты глубокого и последовательного изучения многочисленных синтаксических особенностей испанского и каталанского языков, до сих пор освещенных в отечественной и зарубежной лингвистике недостаточно и фрагментарно, выявленные сходства и различия в семантико-синтаксической организации простого предложения открывают новые перспективы для исследований в области лингводидактики и,

⁸ Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи: Учебник. – 2 изд. – М.: Высшая школа, 1972.

Alarcos Llorach E. Gramática de la lengua española / Colección Nebrija y Bello. – Madrid: Espasa Calpe, 2003.

Badia i Margarit A. M. Gramàtica catalana (2 vols.). – Madrid: Gredos, 1962.

Bosque I., Demonte V. Gramática descriptiva de la lengua española. – Vol. 1, 2. – Madrid: Espasa, 1999.

Fabra P. Gramàtica catalana. – Barcelona: Ed. Teide, 1979.

⁹ Вольф Е. М. Некоторые особенности местоименных посессивных конструкций (иберо-романские языки) // Категория бытия и обладания в языке. – М.: Наука, 1977. – С. 149.

несомненно, будут востребованы при разработке наиболее оптимальных методик преподавания этих близкородственных языков.

Научная новизна заключается в том, что в отечественной и зарубежной романистике сопоставительное исследование испанского и каталанского языков на синтаксическом уровне до сих пор не предпринималось, и данная работа – первая попытка изучения структурно-семантической организации простого предложения в этих близкородственных языках посредством выявления роли категории посессивности при отражении субъектно-объектных отношений.

Объект исследования составляют модели простого предложения, содержащие языковые средства реализации категории посессивности в испанском и каталанском языках. При этом объем рассмотрения КП намеренно ограничивается только теми её проявлениями, которые действительно являются актуальными для иберо-романского языкознания. Так, в центре внимания оказываются преимущественно предикативные модели КП, а именно: вопросы функционирования синтаксических образований с глаголами *haber* (*haver*) и *tener* (*tenir*) как посессивного фрагмента коррелирующей четверки базовых иберо-романских глаголов *ser* (*esser*) / *haber* (*haver*) / *estar* (*estar*) / *tener* (*tenir*), а также местоименные (дативно-аблативные) конструкции. Следует подчеркнуть, что приименные посессивы (притяжательные местоимения) не являются непосредственным объектом нашего внимания, так как последние были тщательно исследованы как в отечественной, так и в зарубежной испанистике и каталанистике.

Материалом исследования послужила диалогическая речь персонажей художественных произведений испанских и каталанских авторов преимущественно второй половины XX века: К. Х. Селы, М. Унамуно, Р. Санчеса Ферлосьо, А. Галы, М. Родореды, М. Роч, Ж. Педроло и др. При сборе эмпирического материала на начальном этапе был использован метод сплошной выборки, на последующих этапах применялся метод произвольной выборки. Всего было проанализировано 3200 предложений, содержащих

единицы, выражающие отношения посессии, из них 1620 на испанском и 1580 на каталанском языке.

Цель исследования состоит в экспликации особенностей функционирования предикативных единиц посессивной семантики и выявлении роли КП в семантико-синтаксической организации простого предложения в двух близкородственных языках - испанском и каталанском.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Проанализировать различные подходы к проблеме изучения категории посессивности в отечественном и зарубежном языкознании и выработать адекватную поставленной цели исследования методику анализа конкретного языкового материала.
2. Рассмотреть структурно-семантические и прагматические аспекты функционирования единиц посессивной семантики в испанском и каталанском языках (центральные и периферийные средства выражения перфекта, диатезные типы результативных конструкций, лексико-грамматические корреляты глаголов обладания, особенности моделей посессивного датива).
3. Произвести выборку примеров на испанском и каталанском языке, содержащих единицы посессивной семантики, и посредством семиотического анализа выявить парадигмы глагольных и местоименных (дательных-аблативных) моделей, выражающих отношения посессии в рассматриваемых языках.
4. Осуществить сопоставительный анализ выявленных моделей, позволяющий установить черты сходства и различия в парадигмах КП испанского и каталанского языков, и систематизировать полученные результаты, представив материал в виде трех блоков: 1) модели, полностью совпадающие в сопоставляемых языках; 2) модели, имеющие только частичное сходство; 3) модели, не имеющие аналога в одном из сопоставляемых языков, т. е. представляющие его идиоэтническое своеобразие.
5. На основании полученных данных выявить общие и частные особенности реализации КП в испанском и каталанском языках и определить роль и место

данной категории в системе иберо-романской предикативности.

Методы исследования. В ходе исследования применялись гипотетико-дедуктивный метод анализа на этапе отбора эмпирического материала, на последующих этапах широко использовались сравнительно-сопоставительный, структурно-функциональный и статистический методы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Посессивность как феномен экспликации субъектно-объектных отношений играет ключевую роль в синтаксической системе сопоставляемых иберо-романских языков в силу наличия двух (а не одного) глаголов обладания (исп. *haber/tener*, кат. *haver/tenir* и др.), коррелирующих с двумя глаголами экзистенции (исп. *ser/estar*, кат. *esser/estar* и др.), предопределяющих в совокупности особенности структуры простого иберо-романского предложения.
2. В структуре испанского предложения доминирующую роль играет его агентивный или фиктивный субъект. В обширном корпусе разнообразных синтаксических коррелятов, образующихся на основе четырех базовых глаголов, преобладает не имеющая аналогов в других романских языках тенденция к выбору активных моделей с *tener*.
3. Семантический потенциал глагола обладания при выражении субъектно-объектных отношений (субъект=обладатель → субъект=обладаемое (=> объект)) является прямым следствием осмысления посессивности, как понятийной категории, характеризующейся амбивалентностью содержания, что обуславливает возможность смены глагольной интенции с субъектной на объектную и наоборот в моделях с исп. *tener* / кат. *tenir*.
4. Комплексный учет: а) семантики имен, занимающих актантные позиции при предикате, б) влияния компонента с семой посессивности, в) отнесенности смыслового глагола к той или иной семантической группе (глаголы приобретения, адресатные глаголы и т. д.), г) критерия полноты/неполноты анализируемой структуры, позволяет с максимальной точностью

эксплицировать субъектно-объектную направленность любого высказывания, что обеспечивает адекватную интерпретацию его окончательного смысла.

5. Специфику испанского и каталанского простого предложения составляет высокая частотность примеров, в которых указание на посессора включено не в именную группу (в виде притяжательного местоимения), а в глагольную структуру (датель-аблативные конструкции). Это предопределяет более точную нюансировку субъектно-объектных отношений.

6. Модели с посессивным датель имеют в рассматриваемых языках широкий спектр употребления, благодаря функционированию с именами не только неотторжимой, но и отторжимой принадлежности. В тех случаях, когда в структуре высказывания одновременно используется посессивный датель и притяжательное местоимение, имеет место развитие аспектуального значения из посессивного.

Теоретическая значимость настоящей работы заключается в том, что она восполняет лауну в сопоставительном изучении синтаксиса языков восточного ареала Пиренейского полуострова. С привлечением большого объема эмпирического материала в ней рассматривается одно из ключевых звеньев всей иберо-романской глагольной системы. Выявление полного корпуса предикативных моделей, выражающих посессивные отношения в испанском и каталанском языках, внимание к которому впервые в отечественной романистике привлекла Е. М. Вольф¹⁰, позволило провести сравнительно-сопоставительный анализ с целью установления идеоэтнического своеобразия сопоставляемых языков на синтаксическом уровне. Исследование вносит определенный вклад в разработку принципов комплексного анализа структурно-семантической организации простого предложения. Автором предложены более четкие критерии функционального анализа местоименных конструкций с целью недопущения терминологических контаминаций т. н.

¹⁰ Вольф Е. М. Устойчивые сочетания глагола с существительным без предлога в современном испанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1954; Вольф Е. М. Указ. соч. 1977;

«этического датива», «датива заинтересованного лица», «посессивного датива» и др.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать полученные данные о формах выражения посессивности в испанском и каталанском языках в дальнейших сопоставительных исследованиях структурно-семантической организации простого предложения в языках Западной Романии. Результаты исследования могут найти практическое применение в курсах теоретической грамматики сопоставляемых языков в разделах, посвященных изучению синтаксиса простого предложения, местоименных глаголов, а также связи категорий переходности, вида, наклонения и залога. Выявленные сходства и различия в семантико-синтаксической организации простого предложения в испанском и каталанском языках могут послужить теоретической основой в лингводидактике при разработке наиболее оптимальных методик преподавания этих близкородственных языков.

Апробация работы. Материалы диссертации обсуждались на ежегодной научно-практической конференции «Герценовские чтения» в РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, апрель 2003, май 2005), на Международной конференции V Степановские чтения (Москва, РУДН, апрель 2005), на IV Международной научной конференции романистов (Москва, МГУ, ноябрь 2007), на III Международной конференции испанистов России (Москва, МГЛУ, май 2008 г.), на IV Международном конгрессе испанистов (Москва, МГЛУ, сентябрь 2013 г.), на XLIII Международной филологической конференции (СПбГУ, март 2014 г.), на VII международной конференции «Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи» (27-28 ноября 2014 г, МГУ им. М.В. Ломоносова).

По теме диссертации опубликовано 10 работ (4 из них – в ведущих реферируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК РФ).

Объем и структура работы. Диссертация содержит 211 страниц печатного текста, состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (228 наименований, из них 123 на иностранных языках) и списка источников (95 ед.).

Глава 1. Категория посессивности как категория «связующего семиологического звена»¹¹

1. 1. Логико-философский аспект рассмотрения категории посессивности

Попытки составить список так называемых «первоначал бытия», некоторых предельно общих понятий, предпринимались со времен десяти пар противоположностей Пифагора, неоднократно. Эти поиски *пределов мышления* продолжаются и сейчас¹². В ряду последних – рассматриваемая нами *категория посессивности (обладания)*.

Понятийная онтология КП простирается в различные сферы бытия человека, и её содержательная многоплановость обуславливает то, что языковая реализация последней представлена средствами разных уровней. Уже у Аристотеля в трактате «Категории» (в начале «Органона») категория обладания занимает восьмое место в списке десяти, тем не менее, известно, что сам Аристотель приводил несколько вариантов их перечисления. Логично предположить, что *сущность* предшествует и *количеству*, и *качеству*, и, по сути, всем выделенным категориям, так как ответ на любой вопрос имплицитно указывает на *сущность*. С другой стороны, *обладание* подразумевает наличие всех остальных категорий. Так, сам Аристотель (в главе XV) указывает на то, что обладать можно каким-либо свойством, *качеством*, *количеством*, *местом* (ср. «иметь место»), *временем* (т. е. «моментом», когда нечто происходит), а также способностью к *действию* (категория IX) и *претерпеванию* (категория X). Очевидно, что *обладать* можно и *сущностью* как «собственностью»¹³. Кроме того, согласно определению, *сущность* способна принимать противоположности, то есть способна *обладать* ими, что предполагает некоторую скрытую связь *категории обладания* с категорией *сущности*. Учитывая при этом, что *сущность определяется* через обладание,

¹¹ Термин заимствован нами у Ю. С. Степанова. См. в кн.: Степанов Ю. С. Указ. соч. 2002. – С. 321.

¹² Крылов К. А. Эти десять [Электронный ресурс] // Материалы свободной русской энциклопедии «Традиция». – 2009. – URL: <http://traditio-ru.org/krylov/10.html> (дата обращения: 22.07.12).

¹³ Аристотель, Категории. // Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Том 2. – М.: Мысль, 1978. – С. 90.

получается, что обладание в некотором смысле *предшествует* сущности, и, таким образом, вся система категорий замыкается сама на себя¹⁴. Еще более значимой стороной рассмотрения категории обладания у Аристотеля является ее залоговая и видовая потенция. В обеих выбранных для иллюстрации категории формах (*ὑποδέχεται* "обут", *ὀπλισται* "вооружен")¹⁵ акцентирована категория перфекта, в строгом смысле слова они представляют собой перфект среднего залога – более важного, чем пассив, который развивается из него лишь позднее. Таким образом, смысл категории – одновременно и «иметь» и, в изолированном употреблении, «быть в определенном состоянии» – наилучшим образом гармонирует с категориальным значением перфекта¹⁶.

Дальнейшее развитие конструктивно-языковой диалектики в средневековый период характеризуется чрезвычайно сильным влиянием аристотелизма и стоицизма. Так, во второй части трактата «О диалектике» Алкуина учение о категориях в основном заимствуется из аристотелевского трактата, но представляется как рекомбинации двух основных категорий «субстанции» и ее различных «акциденций». Важной отличительной чертой является сущностная характеристика категорий. Принципиальный момент здесь коренится в том, что средневековый трактат вырос на почве латинского, а не греческого языка, таким образом, примеры, иллюстрирующие формально те же категории, в содержательном плане не имеют полных коррелятов. Так, интересующая нас категория обладания представлена как владение чем-либо,

¹⁴ Крылов К. А. Эти десять [Электронный ресурс] // Материалы свободной русской энциклопедии «Традиция». – 2009. – URL: <http://traditio-ru.org/krylov/10.html> (дата обращения: 22.07.12).

¹⁵ Аристотель, Категории. // Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Том 2. – М.: Мысль, 1978. – С. 55.

¹⁶ Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С. 110.

Действительно, между перфектом и средним залогом в греческом языке существуют многочисленные как формальные, так и функциональные связи, восходящие к индоевропейскому периоду и образующие сложную систему. Эти отношения представляли определенные трудности для греческих грамматиков стоической школы: перфект они определяли то как самостоятельное время, (букв, "положенное и наличное теперь") или (букв, "достигающий цели, законченный"), то относили его к среднему залого, выделяя в промежуточный между активом и пассивом класс, названный "срединный". Во всяком случае, ясно, что перфект не входит во временную систему греческого языка и стоит обособленно, указывая в зависимости от условий употребления или особый способ представления действия во времени, или способ бытия - состояние (или *habitus*) субъекта. – Цит. по: Степанов Ю. С. Указ. соч. 2002. С. 121 и сл.

или имение чего-либо (*habere*), причем указывается восемь видов этой акциденции¹⁷.

В XVIII веке в своей статье «Истинные принципы грамматики» (1769 г.) Ц. Дюмарсе проанализировал тенденцию выражения *действия* с помощью понятия *обладание* (посредством употребления глагола «иметь» в сочетании с существительным) и пришел к заключению, что такая форма выражения является «неестественной»¹⁸. Всего за несколько столетий указанная Дюмарсе тенденция приобрела такие масштабы, которые сам автор едва ли мог предполагать.

Имплицитно со времен Аристотеля понятие «обладание» встречается в контексте многих философских работ, тем не менее, упорядочение теоретических основ приходится на конец XIX, первую половину XX века. В философском ракурсе проблемы в прошлом столетии наиболее примечательны работы Г. Марселя (теологическая и философская точка зрения), Б. Штеелина (анализ действительности) и Э. Фромма (эмпирический психологический и социальный анализ двух способов существования: модус бытия и модус обладания)¹⁹.

Таким образом, с философской точки зрения, категория обладания (наряду с категорией бытия) – одно из основополагающих, ключевых понятий, формирующих в человеческом сознании определенную концепцию видения окружающего мира. Альтернатива «бытие – обладание» занимает центральное место в учениях Будды, Лао Цзы, Иисуса Христа и др., квинтэссенцией которых является стремление «сделать свое существо открытым и «незаполненным», не позволить «я» встать на своем пути» (Майстер Экхарт). Ту же идею много позднее встречаем у К. Маркса: «...цель человека *быть* многим, а не *обладать* многим». Однако в современную эпоху многократно возросло и стало тотальным то, о чем К. Маркс писал еще в своих ранних

¹⁷ Лосев А. Ф. Средневековая диалектика // Имя: Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. / Сост. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи. – СПб.: Алетейя, 1997. – С. 252.

¹⁸ Du Marsais C.-Ch. Les véritables principes de la grammaire. - Paris, 1769.

¹⁹ Фромм Э. Иметь или быть // Величие и ограниченность теории Фрейда. – М.: АСТ, 2000. – 448 с.

рукописях 1844 г.: «Обесценивание мира человека растет в прямой пропорции к росту ценности мира вещей. Чем меньше вы *есть*, чем меньше вы представляете собой как личность, тем больше вы *имеете*, тем больше ваша отчужденная жизнь, и тем больше вы накапливаете этой отчужденной жизни»²⁰ (курсив наш. – *А. И.*)²¹. Таким образом, нетрудно вывести следующую универсальную формулу, имеющую две оси: *субъект + обладание*, с одной стороны, и *абсолютный субъект + бытие*, с другой.

1. 2. Лингвистический аспект рассмотрения категории посессивности

КП является универсальной понятийной категорией. Изучению средств выражения посессивных отношений посвящены многочисленные исследования, как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Прежде всего, следует отметить работы А. Мейе и Э. Бенвениста. Впоследствии, вплоть до настоящего времени, авторы трудов, написанных в русле данной проблематики, неизбежно ссылались на идеи, высказанные этими авторами. Отметим, что категория обладания интересовала Э. Бенвениста в силу того, что она является одним из узловых мест системы языка, так что, при радиальном движении от нее в фокусе внимания исследователя оказывались проблемы происхождения и

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. – Т. 42. – М.: Издательство политической литературы, 1975. – С. 86.

²¹ Интересно преломление рассматриваемой категории в размышлениях авторов современной литературы. Так, в романе Виктора Ерофеева «Пять рек жизни» есть глава под красноречивым названием «Иметь или быть», ср.: «Золото Рейна - девиз обладания. Европа состоит из глагола иметь, из его спряжений и видов» (Ерофеев, 63); «Швейцария - это глагол иметь в натуральном виде. Швейцария - я имею. И она, действительно, все имеет; имеет подробно, солидно, суперсоциалистически <...> Швейцария имеет, имеет настолько, что на вопрос "Иметь или быть?" Швейцарии не ответить половинчато. Она не умеет быть, если она умеет иметь. Она раздавила "быть" под грузом "иметь"» (там же, 64); «Германия - мне надо иметь. Историко-истерически, но с оправдательным оттенком: мол, так случилось, судьба: я вынуждена, но я и должна иметь» (там же, 65); «Франция - имею ли я, если имею? Наиболее изощренная европейская формула, уклончивая, но ответ стремится исключительно к позитиву: имеешь! имеешь! <...> Изощренность формулы несколько убивает практическая поспешность. Но зато: как красиво имеешь!» (там же); - Русский-то вообще ничего не имеет, - прорвалась немка. - Даже братья-славяне, украинцы и белорусы, мают. У него только есть (там же, 66); - А вам не кажется, что глагол иметь в ваших рассуждениях – отрывка марксизма?! - прокричал оглохший капитан перед отлетом на военном вертолете из Дублина. Я задумался, застегивая шлем. - Нет, капитан, скорее марксизм - отрывка глагола иметь» (там же, 67).

развития индоевропейского перфекта, активный и средний залог в глаголе, особенности падежных функций латинского генитива и др.²²

В работах И. И. Мещанинова²³, С. Д. Кацнельсона²⁴, А. А. Холодовича²⁵ посессивный тип предложения исследуется как один из основных в языковой типологии, при этом прослеживаются его связи с другими структурными типами. В 70-80-х гг. прошлого века при Кельнском университете под руководством профессора Х. Зайлера была создана группа «Унитип» (универсальная типология), которая занималась широким кругом вопросов, связанных с выражением посессивности в разных языках мира²⁶.

Общей чертой большинства работ, освещающих проблемы посессивной семантики, является указание на взаимосвязь экзистенциальных, посессивных и пространственных отношений. Так, у Н. Д. Арутюновой²⁷, О. Н. Селиверстовой²⁸, А. В. Циммерлинг²⁹, Т. Е. Янко³⁰. «Посессивность как локализованное бытие» представлена у Дж. Лайонза³¹, посессор как «одушевленный пространственный элемент» – у Е. Кларка³². Этимологическая связь посессивных и пространственных отношений наиболее последовательно была рассмотрена В. Н. Топоровым³³, с типологической точки зрения путь развития посессивной функции из локативной был показан С. Д. Кацнельсоном³⁴. Во всех случаях следует подчеркнуть, что посессивность, часто совмещающаяся с семантикой бытийности и локативности, может играть

²² Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.

²³ Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – 322 с.

²⁴ Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. – Л.: Наука, 1986. – 298 с.

²⁵ Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. – Л.: Наука, 1979. – 303 с.

²⁶ Подробнее см. Seiler H. Possession as an Operational Dimension of Language. – Tübingen, 1983.

²⁷ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1976.

²⁸ Селиверстова О. Н. Экзистенциальность и посессивность в языке и речи. – М.: Наука, 1983.

²⁹ Циммерлинг А. В. *Обладать и быть* рядом // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.

Арутюнова Н. Д., Левонтина И. Б. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 179-188.

³⁰ Янко Т. Е. Бытование и обладание: конструкции с глаголом *быть* // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Арутюнова Н. Д., Левонтина И. Б. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 198 – 211.

³¹ Lyons J. A note on possessive, existential, and locative sentences // Foundations of Language. – № 3. – 1967. – P. 392.

³² Clark E. V. Locationals: existential, locative and possessive constructions // Universals of human language. Vol. 4: Syntax / Ed. by J. H. Greenberg. – Stanford University Press, 1978. – P. 85 – 126.

³³ Топоров В. Н. О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности // Балканское и славянское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. – М.: Наука, 1986. – С. 147 – 156.

³⁴ Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. – Л.: Наука, 1986. – С. 175.

роль доминирующей или периферийной семы, находясь при этом в зависимости от интенции субъекта речи.

Вследствие того, что КП относится к числу тех языковых концептов, субстрат которых (исходный пункт будущей идеи обладания) сложился еще в доисторический период³⁵ (например, верхнепалеолитическая настенная живопись, позволяющая говорить о разного рода знаках и о некоторых упорядоченных семантических комплексах (типа оппозиций), так или иначе связанных с менталитетом первобытного человека и его поведением)³⁶, она естественным образом является с тех пор наиболее органичной и удобной моделью описания различного рода отношений, образуя ядро архаичной системы грамматических категорий, задающих основные пространственно-временные координаты. Другими словами, в формировании пространственных номинаций проявляется принцип, сформулированный еще Протагором (V век) «Человек – мера всех вещей»³⁷. Ср., например, присвоение телу человека вселенского пространства (ср. *глава горы, подножие холма, устье реки* и т.п. в других языках, в том числе и в испанском – *pie de la montaña, desembocadura (las bocas) del río*, восходящие к первичному антропоцентризму) или система предлогов-превербов. Параллельно происходил аналогичный процесс во внутреннем пространстве – выработка все более интенсивно субъектных ипостасей – становление личностного начала, ориентированного на максимум субъективности³⁸. Человек, почувствовав богатый внутренний потенциал языковых элементов с семантикой обладания, стал все чаще использовать их в различных сочетаниях в качестве некоего связующего звена между двумя концептами. Этим объясняется разнообразие форм, которыми представлена данная категория в любом языке. Таким образом, онтологический характер КП

³⁵ В. Н. Топоров использует при анализе предпосылок развития КП также и термин «дочеловеческий период», указывая, что данная категория до сих пор существует и вне человеческой сферы (например, в мире животных – понятие, так называемой, «своей территории») – Цит. по: Топоров В. Н. К генезису категории притяжательности // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. – М.: Наука, 1983. – С. 99.

³⁶ Топоров В. Н. Указ. соч. 1986. С. 150.

³⁷ Гак В. Г. Пространство вне пространства. / Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. – С. 128.

³⁸ Подробнее см.: Топоров В. Н. Указ. соч. 1983. С. 103.

был отмечен еще в древности на этапе зарождения языкознания как науки в рамках логико-философских исследований, однако бурно развивающееся в последние десятилетия «новое» направление лингвистики, именуемое когнитивным, стремится приписать достижения в разработке данной темы себе. В частности, открыто заявляется, что предложенные в традиционных грамматиках семантические и синтаксические критерии анализа глаголов обладания видятся лингвистам-когнитологам неубедительными и «бесполезными для объяснения данного феномена»³⁹. Обладание представляется когнитивистами как радиальная категория, подверженная неким метафорическим процессам концептуализации, под воздействием которых отношения обладания носят в результате в той или иной степени *прототипический* или *непрототипический* характер⁴⁰. Определение последнего становится альфой и омегой всего исследования, которое за рамки размытой классификации метафорических схем, к сожалению, так и не выходит, равно как ни разу не упоминается о диалектическом характере анализируемой категории, несмотря на повсеместно используемый термин «*концепт* обладания». Таким образом, *обладание* и *принадлежность* трактуются не в связи с различными субъектно-объектными отношениями, лежащими в их основе, а как две независимые модели, никак не связанные на синтаксическом уровне.

Подобное игнорирование семантических и синтаксических критериев, обычно позволяющих адептам традиционного языкознания оперировать глубинными потенциями рассматриваемой категории, приводит к созданию в «новой» науке бесформенных и громоздких классификаций, о нелепости и эфемерной релевантности которых для решения поставленной задачи можно судить по названию одной из предлагаемых в числе прочих метафорических

³⁹ Garachana M. Acerca de los condicionamientos cognitivos y lingüísticos de la sustitución de *aver por tener* // Verba. – № 24. – 1997. – P. 204.

⁴⁰ Подробнее см.: Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. – Chicago: University of Chicago, 1987.

схем: *Las actividades monetarias como posesiones*⁴¹, букв. «денежные операции как разновидности обладания». В итоге, анализ когнитивной эволюции глаголов *haber* и *tener* подменяется анализом когнитивной сопряженности концептов с акцентом на рассмотрении объекта (обладаемого), тогда как характеристике субъекта отведено всего несколько строк⁴². Тем не менее, «обладание само по себе без участия субъекта не реализуется, в отличие от понятия экзистенции»⁴³. В этой связи выражение А. Шопенгауэра «Нет объекта без субъекта» как нельзя лучше подходит именно к языковой стороне мышления, где любой объективный факт, так или иначе, имеет субъективную окрашенность. Пренебрежение к роли субъекта особенно удивляет в когнитивистском исследовании, манифестом которого, если судить об общей направленности когнитологии, является декларация важности «антропоцентризма». Так или иначе, в статье М. Гарачаны ничего не говорится об общей тенденции к активизации высказывания в испанском языке, во многом определяющей доминирование конструкций с глаголом *tener*⁴⁴. Внимание когнитивистов сконцентрировано на объяснении *феноменального* свойства глаголов обладания служить средством связи разнообразных объектов, якобы далеких от посессивной семантики. Создается впечатление, что, с точки зрения когнитивистов, женщиной можно обладать лишь метафорически, на что указывает пример к метафорической схеме *Las personas como posesiones* («люди как объект обладания»), ср.: *“Assin matex prengades qualesquiere alcahuetes e hombres diffamados de ladronios e otros crimosos e vagabundos e aquellos qui tienen mulleres casadas por amigas”*⁴⁵.

⁴¹ Garachana M. Op. cit. P. 221.

⁴² Ibid. P. 217.

⁴³ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 188.

⁴⁴ Подробнее см.: Зеликов М. В. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберороманских языков. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2005. – С. 171 – 174.

⁴⁵ «Точно так же очернены всякого рода сводники и люди, уличенные в воровстве, и другие преступники и бродяги, и те, которые имеют своими подругами замужних женщин». Пример цит. по: Garachana M. Op. cit. P. 219.

В целом, можно отметить излишнюю тенденциозность в представлении фактов и их избирательность, которая порой приводит к искажению сути рассматриваемого явления. Так, Х. Х. Мюллер, также проводя исследование в русле когнитивной лингвистики, считает абсолютно ошибочной попытку придать предлогу *de* в испанском прототипическое значение посессивности, от которого развивались последующие более абстрактные значения. Фактически он рассматривает функционирование предлога *de* как некий «когнитивный примитив», поэтому «*de*-конструкции могут быть отнесены к некой до-посессивной категории, которая представляет собой *гораздо более фундаментальный когнитивный феномен, нежели просто концепт обладания*»⁴⁶ (Sic!) (курсив наш. – А. И.).

Кроме того, попытка представить язык в виде «совокупности представлений» как неких стабильных структур (фреймов, образов и т. д.) противоречит одному из краеугольных постулатов когнитивистов, которые всегда рассматривали разум динамически. На деле, большинство работ в русле когнитивной лингвистики грешат явной нехваткой этого ценного качества, начинаясь и заканчиваясь как будто бы раскладыванием пасьянсов из слов или двух-трехкомпонентных устойчивых структур. Справедливо возникает вопрос, о каком «когнитивно-дискурсивном подходе»⁴⁷ может идти речь, если всякий раз в фокусе внимания оказываются обычные для всех западноевропейских языков коммуникативные высказывания типа: *¿Ves coche? / ¿Tienes coche? / ¿Tienes moneda?* и т. п.⁴⁸.

Другим отражением тенденций развития современного языкознания служат работы, написанные в русле рассмотрения «лингвокультурологической

Подробнее см. Иванова А. В. Испанские глаголы обладания в когнитивной лингвистике // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. Книга III. / Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения член. корр. АН СССР Ф.П.Филина. / Отв. редактор А.П.Юдакин, академик РАН. – М.: РАН, 2008. – С. 110 – 115.

⁴⁶ Müller H. H. Spanish N+de+N structures from a cognitive perspective // Dimensions of possession / Ed. by I. Baron, M. Herslund & F. Sorensen. – Amsterdam: John Benjamins, 2001. – P. 173.

⁴⁷ Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 1. – 2004. – С. 6.

⁴⁸ Эти и подобные примеры см.: Hilferty J., Valenzuela J. Maximality and idealized cognitive models: the complementation of Spanish *tener* // Language Sciences. – Vol. 23. – № 4 – 5. – 2001. – P. 629.

специфики вербализации отношений посессии»⁴⁹. В указанной работе автор рассматривает динамику посессивных отношений, отраженных в глагольной семантике, моделируя ее в виде фрейма, конститутивными компонентами которого являются субфреймы «начало посессии», «собственно посессия», «окончание посессии». В рамках каждого из указанных субфреймов выделяются еще более дискретные единицы анализа – слоты, такие как «предпосессия», «зарождение посессии», «вступление в посессию», а также терминалы – «накопление», «сохранение» и т. п.⁵⁰

В статье П. В. Гращенкова рассматривается типология *именной* посессивности, а именно маркеры *именной* посессивности, причем только те, которые представляют собой наиболее стандартный способ выражения ядерного значения посессивности, в то время как периферийные посессивные значения, равно как и альтернативные способы их кодирования (напр., аблативное, дативное и др.) игнорируются. При этом автор считает «полезным рассмотреть и сравнить накопившийся у типологов материал без использования таких ярлыков, как *изафетная конструкция, категория состояния* и др.»⁵¹.

В зарубежной лингвистике посессивность рассматривается, в основном, с позиций ономаσιологического подхода⁵². О том, что интерес к исследованию посессивных конструкций не ослабевает, свидетельствует, например, сборник “Dimensions of possession”⁵³, опубликованный в 2001 г. по материалам конференции, проводившейся в 1998 г. в Копенгагене. В целом, авторы сборника ориентированы, в первую очередь, на функционально-семантический

⁴⁹ Милованова М. В. Лингвокультурологические характеристик категории посессивности в русском и немецком языках: автореф. дис. ... д-р. филол. наук. – Волгоград, 2007.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Гращенков П. В. Типология посессивных конструкций // Вопросы языкознания. – № 3. – 2007. – С. 27.

⁵² Так, например, в следующих работах:

Heine B. Possession: Cognitive sources, forces, and grammaticalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Baron I., Herslund M. Possessive Structures in Danish / Ed. by I. Baron, M. Herslund. – Copenhagen, 1997.

External possession / Ed by D. L. Payne, I. Barshi. – Amsterdam: Philadelphia, 1999.

⁵³ Baron I., Herslund M., Sorensen F. Dimensions of possession / Baron I., Herslund M., Sorensen F. (eds.). – Amsterdam: John Benjamins, 2001. – 337 p.

Название сборника отсылает к одному из важнейших функционалистских трудов по посессивным конструкциям – книге Х. Зайлера “Possession as an operational dimension of language”. См.: Seiler H. Possession as an Operational Dimension of Language. – Tübingen, 1983.

подход при исследовании посессивных конструкций. Лейтмотивом, проходящим через многие теоретические статьи (О. Тогебю, Ф. Серенсена, Л. Хельтофта, И. Барон и М. Херслунда по датскому языку, И. Бартнинг и М. Ригеля по французскому, Х.Х. Мюллера по испанскому, А.-М. Спаногге по португальскому, А. Махтелта Болкенштайна по классической латыни), является локалистская концепция, рассматривающая в качестве исходных пространственные отношения⁵⁴.

В диссертационных исследованиях последних десятилетий⁵⁵ отмечается, что характерным признаком категории обладания является ее полевая организация, при которой ядерными компонентами являются синтаксические конструкции с глаголами статического и динамического обладания, околядерную зону образует микрополе «собственно обладание», ближнюю периферию образуют микрополя «неотчуждаемая принадлежность» и «характеризация», к дальней периферии следует отнести микрополе «межличностные отношения». В рамках рассмотрения последнего утверждается, что категория обладания перешла и в интимную сферу; концентрация внимания на физиологии интимных отношений – это поощрение нацеленности на обладание в этой сфере. Отметим здесь, что наблюдаемый современными исследователями феномен – отнюдь не отражение современных тенденций языкового развития. О функционировании глаголов с семантикой обладания в рамках «интимной сферы смыслов» отмечалось еще у Аристотеля, который, благодаря онтологическому характеру своего анализа, шел в раскрытии смысла категорий от бытия и обобщения практической жизни людей, а не от некоего изначально заложенного в них и полностью

⁵⁴ Подробнее см. рецензию на это издание в журнале «Вопросы языкознания»: Ландер Ю. А. Рецензия на кн.: *Dimensions of possession/ Ed. by I. Baron, M. Herslund, F. Sorensen.* - Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2001. - 337p. (Typological studies in language.V.47) // Вопросы языкознания. – 2003. - № 6. – С. 132 – 134.

⁵⁵ Так, например, в следующих работах:

Виноградова Н. Г. Категория обладания и ее языковая онтология в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск: ИГЛУ, 2001.

Друзина Н. В. Фундаментальные глаголы бытия и обладания. Функциональный и когнитивный аспекты: дис. ... д-р. филол. наук. – Саратов, 2005.

Милованова М. В. Указ. соч.

независимого от мира содержания, ср.: «Про нас (т. е. людей) также можно сказать, что *мы имеем жену*, и про женщину – что *она имеет мужа*. Только что указанное значение обладания – наименее подходящее, ведь "иметь жену" означает не что иное, как сожительствовать»⁵⁶. На материале испанского языка богатый лексикографический материал по этой теме собран в «Секретном словаре» К. Х. Селы⁵⁷.

1. 3. Феномен посессивности в свете проблемы межкатегориальных связей.

Несмотря на то, что существует достаточно обширная теоретическая литература, посвященная отдельным аспектам проблемы межкатегориальных связей в грамматике, (см. работы В.Г.Адмони, А.В. Бондарко, Т.Д. Дешериевой, Н.А. Козинцевой, В.С. Храковского, В.Н. Ярцевой и др.), в современной лингвистике понимание взаимосвязи языковых сущностей еще не получило должного освещения. Так, в указанном ракурсе практически не рассматривались функционально-семантические категории обладания и залога. Лишь отдельные связанные с ними проблемы широко обсуждаются и освещаются в теоретической литературе (Э. Бенвенист, Н. Д. Арутюнова, М. А. Журинская, О. Н. Селиверстова, К. Г. Чинчлей и др.). Между тем, выявление межкатегориальных связей обладания и залога, анализ степени их воздействия друг на друга позволит определить роль данных категорий в формировании субъектно-объектной структуры высказывания.

Репрезентация в структуре высказывания отношений между субъектом и объектом действия, как участниками описываемой ситуации, а вместе с тем связи между ними и собственно действием, занимает важное место в системе иберо-романского глагола. Совокупность форм, традиционно относимых к залоговым (рефлексив, пассив и др.), следует дополнить грамматическими

⁵⁶ Цит. по: Аристотель. Указ. соч. С. 90.

⁵⁷ Cela C. J. Diccionario secreto (2 vols). – Barcelona: Alfaguara, 1968.

средствами, составляющими своеобразие иберо-романского синтаксиса, рассмотрев их через призму функционирования категории посессивности на материале испанского и каталанского языков. Для понимания всей дальнейшей логики исследования здесь важно отметить, что главной особенностью данной категории, релевантной для всего последующего анализа языкового материала, мы считаем амбивалентный характер глаголов с семантикой обладания. «Иметь – это, с одной стороны, то, чем и в каком количестве я обладаю, а с другой стороны, то, как принадлежащие мне вещи обладают мной»⁵⁸. Исходя из этого тезиса, в нашей работе мы придерживаемся широкой трактовки термина «посессивность», которая предполагает учет всего спектра разнообразных посессивных отношений, включая два ее полярных семантических варианта: как собственно *обладание* (ср.: «я имею нечто» / «у меня / мне есть нечто»), так и *принадлежность* (ср. «нечто принадлежит мне»).

Как отмечалось выше, КП получает весьма нетривиальную интерпретацию еще у Аристотеля в связи с рассмотрением ее залогового и видового потенциала⁵⁹. КП состоит в генетической и универсально семантической связи с категорией «Претерпевание». Логический субъект при предикатах, относящихся к этим категориям, всегда выражен косвенным падежом⁶⁰. Определенная глубинная связь между «обладанием» и залоговыми отношениями во многом обусловлена диалектической сущностью каждой из категорий, одна из которых представляет собой оппозицию обладание/принадлежность, а другая – активность/пассивность.

Особо отметим, что КП является категорией «связующего семиологического звена», т. е. одновременно принадлежит нескольким фрагментам системы языка, объединяя в себе различные типы лингвистических категорий: семантические (отчуждаемость / неотчуждаемость), семантико-

⁵⁸ Краткий курс философии: Учебное пособие. – Уфа: Изд-во БашГУ, 2000. – С. 135-136.

⁵⁹ Аристотель. Указ. соч.

⁶⁰ Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. (Семиологическая грамматика). – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 157, 174.

синтаксические (субъектная / объектная диатеза), функционально-семантические (аспектуальность, модальность) и т. д.

Определенная связь между категорией залога и видо-временными показателями глагола прослеживается во многих языках мира и известна, например, в типологических работах как явление так называемой «расщепленной эргативности»⁶¹, что обусловлено семантическим характером объектной и субъектной диатез⁶². Также отмечается, что КП связана с инверсивностью, т.е. функционированием глагола *быть* путем его инвертирования, что позволяет правильнее понять диатезу лат. *habēre*, греч. *ἔχειν* ‘иметь’⁶³. В праиндоевропейском глагол по своей природе не являлся ни переходным, ни непереходным и допускал оба эти значения⁶⁴. Этот факт умалчивается в теоретических грамматиках иберо-романских языков при интерпретации глагольных структур с семантикой обладания. Последнее требует обращения к глагольным категориям активности (а также движения) и инактивности (состояния), существовавшим в гипотетически реконструируемом праиндоевропейском, и сохранившимся в языках эргативного строя⁶⁵.

Обращаясь к истории возникновения и развития глагола «иметь» в и.-е. языках, А. Мейе писал, что причина появления данной лексемы была вызвана стремлением выразить действие как «активный и абстрактный процесс»⁶⁶. Это развитие в каждом отдельном случае шло от типа *mihi est* к *habeo*, но не наоборот, и аккузативное выражение *habeo aliquid* является лишь вторичным

⁶¹ Бехерт И. Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XI. – М.: Прогресс, 1982. – С. 411 – 432.

⁶² Кацнельсон С. Д. Указ. соч. 1972.

⁶³ Бенвенист Э. Указ. соч.

⁶⁴ Кортава Ю. Г. Глаголы обладания в грузинском языке // Проблемы внутренней и внешней лингвистики: сб. статей / под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Наука, 1978. – С. 34 – 44.

⁶⁵ Подробнее см. в работах:

Уленбек Х. К. *Agens* и *patiens* в падежной системе индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения. – М.: Издательство иностранной литературы, 1950. – С. 101 – 103.

Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. – М.: Высшая школа, 1974. – 412 с.

Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. – М.: Наука, 1973. – 264 с.

Тронский И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние (Вопросы реконструкции). – Л.: Наука, 1967. – 103 с.

⁶⁶ Meillet A. Le développement du verbe ‘avoir’ // Zeitschrift Wackernagel. – Göttingen, 1923. – S. 9 – 13.

вариантом дативного *mihi est aliquid* таким образом, что глагол «иметь» представляет собой лишь инвертированное «быть у»⁶⁷. «В индоевропейских языках «быть» представлена корнем *-*es-*, который не следует переводить как «быть», а лучше – «**иметь** существование, принадлежать действительности»⁶⁸. Настоящую тенденцию можно было бы объяснить стремлением к изоморфизму логического и синтаксического субъектов⁶⁹. Сам принцип разделения языков на два типа: «языки-быть» и «языки-иметь», предложенный в свое время Э. Бенвенистом, свидетельствует о ключевой роли данных категорий в грамматической системе языка. Тем не менее, говорить о семантико-синтаксическом тождестве этих базовых структур было бы не совсем корректно⁷⁰. Вместе с тем, важно подчеркнуть, что развитие в сторону расширения функционирования глагола «иметь» свидетельствует о нарастании более общей тенденции к *активизации высказывания* в целом и акцентуации субъектного начала при построении высказывания в языках по мере приближения к Атлантике. Так, например, в тибетском можно, видимо, говорить о «нулевой активности» субъекта, так как подлежащее переходных глаголов в этом языке всегда выражается творительным падежом (*не я сделал, но мною сделано*). Глагол всегда безличен; залого – действительный и страдательный совсем не различаются в тибетском языке, которому, следовательно, совершенно чужды представления подлежащего как чего-то действующего и дополнения как чего-то затронутого действием⁷¹. В большинстве языков мира вообще не существует лексемы «иметь». Так – в алтайских, тюркских, финно-угорских, классическом грузинском и др. В кельтских языках в аналитических образованиях – только «быть». Отметим при этом неоднократно отмечавшийся факт, что

⁶⁷ Бенвенист. Э. Указ. соч. С. 212 – 215.

⁶⁸ Бенвенист. Э. Указ. соч. С. 204.

⁶⁹ Чинчлей К. Г. Категория посессивности в типологическом освещении // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – Т. 46. – № 2. – 1987. – С. 123.

⁷⁰ Кроме активной, дативной и локативной посессивных «схем» в типологии выделяются также комитативная ("X находится с Y-м"), генитивная ("Существует X Y-а") и др. (подробнее см. [Heine 1997: 47]).

⁷¹ Рерих Ю. Н. Тибетский язык. – М.: Восточная литература, 1961. – 136 с.

«переходная» конструкция с глаголом «иметь» представляет собой ареальную черту так называемого «европейского языкового союза»⁷², в то время как локативная конструкция – «евразийская» черта⁷³. Следует упомянуть и о том, что, например, в тюркских языках показателем отношения является не глагол, а частица: *Я конь да. *Я телега нет = У меня есть конь. У меня нет телеги; для монгольского языка характерен тип со специальным притяжательным аффиксом *Я конястый, *Я трехлошадястый⁷⁴. В южногерманских и романских языках центральной Европы используется два глагола – «быть» с непереходными, «иметь» с переходными» – в аналитических конструкциях, в то время как периферийным ареалам (запад – север – восток) свойственна другая типологическая черта⁷⁵: использование одного глагола, *связанное с иррелевантностью категории «переходность» – «непереходность»*⁷⁶ (курсив наш. – А. И.). В испанском переходность глагола – понятие весьма относительное. Ср.: *Con una compañía llegué a esta ciudad de Valladolid, donde en un entremés me dieron una herida que me llegó casi al fin de la vida* (Coloquio, 164), «С одной компанией я *прибыл* (глагол движения, субъектное значение) в этот город Вальядолид, где во время застолья мне нанесли такую рану, которая меня (Асс. obj.) *чуть не довела* (объектное значение) до могилы». Очевидно, что к изменению значения глагола *llegar* и к смене направления глагольной интенции (субъектная → объектная), привела компрессия в результате

⁷² König E., Haspelmath M. Les constructions à possesseur externe dans les langues d'Europe // Actance et Valence dans les langues de l'Europe / Ed. by Feuillet J. – N.Y., 1998.

⁷³ Вайсс Д. Евразийский облик посессора в современном русском языке // Типологические обоснования в грамматике: сб. науч. ст. к 70-летию проф. В. С. Храковского [под ред. А.П. Володина]. – М.: Знак, 2004. – С. 99 - 118.

⁷⁴ Цит. по: Циммерлинг А. В. *Обладать и быть* рядом // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Арутюнова Н. Д., Левонтина И. Б. – М: Языки русской культуры, 2000. – С. 179-188. См. также: Чинчлей К. Г. Типология категории посессивности. – Кишинев: Штиинца, 1990. – 155 с.

⁷⁵ Из языков указанной зоны интересующий нас феномен отмечен в английском, норвежском, шведском, испанском, португальском, каталанском языках, а также в южноитальянских диалектах.

⁷⁶ Цит. по: Зеликов М. В. Синтаксис вспомогательного глагола в баскском языке и его иберороманские параллели // Синтаксис испанского языка и инженерная лингвистика. – Л., 1979. – С. 42.

Об этой проблеме см. также:

Zélikov M. V. Problemas clave de la estructura del predicado verbal simple en español moderno // XIV Congreso de la Asociación Alemana de Hispanistas «Hispanistik 2003» (Regensburg, 2003). – La Paz: Arellano, AMGD, 2007. – P. 103 – 118.

Зеликов М. В. К вопросу о структурно-семантическом статусе составляющих «антипассивных» конструкций в языках аккузативного строя // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Том 73. № 4. – 2014. С. 3 – 23.

опущения глагола действия, ср.: ← *una herida que me hizo llegar casi al fin de la vida*, букв. 'которая сделала так, что я чуть не сошел в могилу'⁷⁷.

Далее в соответствующем разделе мы покажем, что в перфектных конструкциях с глаголами обладания нейтрализуется противопоставление актив / пассив, в результате чего раскрывается связь между посессивностью, активизацией высказывания и переходностью, что в свою очередь обусловлено импликацией каузативного фрагмента высказывания. Отметим при этом, что перфектные конструкции строятся с использованием глагола, восходящего к значению «хватать, брать», а последний, как показано в диссертационном исследовании Т. А. Майсак⁷⁸, выступает самым распространенным источником выражения медиального значения, что мотивировано его исходным лексическим значением – 'делать так, чтобы иметь самому'.

Именно с относительной релевантностью категории «переходность» – «непереходность» связана способность испанского *tener* образовывать как субъектные, так и объектные структуры⁷⁹. Ср.: исп. *tener acceso a uno* – «(иметь возможность) встретиться с кем-то» и исп. *tuvo un acceso de cólera* – «он пришел в ярость»; *Mañana tengo clases* = 1) «Завтра я даю уроки»; 2) «Завтра я беру уроки (чего-то)»⁸⁰, так как *Mañana tengo clases* может означать как *las tengo, porque las imparto* «я их имею, потому что я их провожу», так и *las tengo porque me las tomo* «я их имею, потому что я их беру».

В индоевропейском предложении глагол «иметь» занимал периферию семантического гнезда «брать / давать», тогда как в эпоху средневековья он

⁷⁷ Многочисленные примеры см.: Зеликов М. В. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберороманских языков. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2005. – С. 204 - 205.

⁷⁸ Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и позиции: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002.

⁷⁹ Ср. также диалектичность *habēre* в латыни: *habēre vulnus* «получить рану, быть раненным» и *habēre dologem* «причинять боль», букв. «нести в себе причину боли для других». Цит. по: Бенвенист Э. Указ. соч. С. 216.

⁸⁰ Даже такие элементарные случаи порой остаются без внимания в работах испанских исследователей. Так, например, в исследовании Х. Л. Эрреро Инхельмо (Herrero Ingelmo J. L. *Tener como verbo soporte* // III Jornadas de Reflexión Filológica. – Salamanca: Ed. de la Universidad de Salamanca, 2002), в котором дана пространная классификация существительных, способных образовывать предикативные структуры с глаголом *tener*, при этом вопрос о потенциальном диалектическом характере семантики этих сочетаний не рассматривается.

вошел в ядро⁸¹. Это дает нам повод напомнить, что понятия «давать» и «брать» в индоевропейских языках первоначально обозначались одним и тем же глаголом. Как известно, языки древнего типа использовали диатезу в различных целях. Одна из них заключается в противопоставлении, отмеченном еще Панини, между категорией «для другого» и категорией «для себя», таких, как санскрит. *yajati* и *yajate*⁸². Кроме того, существовала возможность использовать некоторые разновидности возвратности для обозначения процесса, который физически затрагивает субъект, но притом так, что субъект не расценивает себя как объект. В форме этой диатезы, способной к разнообразной нюансировке, языки выражали лексические противопоставления полярных понятий, где один и тот же глагол, благодаря флексиям, мог означать и «взять» и «дать»: санскр. *dāti* «он дает» - *ādāte* «он получает»⁸³. Ср. исп. *dar* «давать» – активный и *me da*, букв. ‘мне (он) дает’ => *tengo* «я имею». Таким образом, настоящие лично-дательные аналитические образования (*tenerle miedo a uno*) коррелируют с лично-номинативными (*tener miedo de algo*) и безлично-дательными моделями (*darle miedo a uno*). Ср. пример корреляции *dar / tener* в разговорном испанском: - *Chica, un retaco no eres. La talla ya la das*⁸⁴ (Jarama, 65).

Субъект, независимо от его реальной агентивной или фиктивной роли в ситуации, становится в испанском доминантой в построении высказывания и, несмотря на наличие богатого набора различных корреляций, предполагающих в большинстве случаев смену субъектно-объектных отношений, преобладает тенденция к выбору активных моделей. Из четырех базовых глаголов испанского синтаксиса (*ser – estar – haber – tener*) потенциалом для покрытия всех этих ситуаций обладает лишь глагол *tener*⁸⁵, не имеющий по своим

⁸¹ Папка Н. В. Эволюция германской языковой картины мира (на примере семантического гнезда значений «брать» / «давать» в английском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2002.

⁸² Бенвенист Э. Указ. соч. С. 186.

⁸³ Там же. С.191.

⁸⁴ «Ну, коротышкой тебя не назовешь. С ростом у тебя все нормально», букв. ‘рост уж его (ты) даешь’.

⁸⁵ В этой связи по-особому звучит вопрос об актуальном членении предложения, т. к. даже если ремой высказывания является сообщение об объекте действительности, эта прагматическая задача будет реализована через призму субъектной структуры.

функциональным возможностям аналогов в других романских языках и, в частности, в каталанском.

Так, в португальском четыре звена базовой глагольной системы почти редуцировались до трех (*ter, estar, ser*), т. к. *haver* задействован значительно реже, чем в испанском. В итальянском только два: *essere* и *avere*. *Tenere* и *stare* сохраняют лишь конкретные (этимологические) лексические значения («держат» и «стоять / находиться» соответственно) и при образовании посессивных моделей не используются. Исключение составляют лишь диалекты Италии и, в частности, неаполитанский, в котором *tènere* заменяет *avere* почти повсеместно (ср. неап.: *Chi tene 'e mmane 'mpasta, nun mette 'e dde 'nculo a' gallina*, - ит. *chi sta impastando, non mette le dita nel culo della gallina*). *Avere* в свою очередь, заменяет *essere* при образовании сложных времен со всеми глаголами, в том числе с возвратными и глаголами движения, ср.: *haggiu juto, haggio venuto*⁸⁶. Французский, как и другие романские, за исключением иберо-романских, не развил внутри своей глагольной системы упомянутой оппозиции *habēre / tenēre*. Даже в самых ранних памятниках французской литературы, по свидетельству исследователей, не наблюдается следов конкуренции глаголов *avoir* и *tenir*⁸⁷. Коррелят испанского *estar* во французском отсутствует вообще, а фр. *tenir* сохраняет конкретные лексические значения (варианты «держат») и в образовании посессивных и экзистенциальных моделей, а также перифраз, как известно, не участвует.

1. 4. Конструкции с *verba habendi* и развитие субъектно-объектной структуры простого предложения

Как уже было отмечено выше, глагол «иметь» занимает в системе языка исключительное положение. Обычная дефиниция его – транзитивный глагол⁸⁸,

⁸⁶ Подробнее см.: Rohlfs G. *Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti*. – Torino: Einaudi, 1966-69. Sec. 733.

⁸⁷ Друзина Н. В. Указ. соч. С. 69.

⁸⁸ *Diccionario de Real Academia Española*. – Madrid: Espasa Calpe, 1999. – P. 1079.

с другой стороны «иметь» классифицируется как вспомогательный. Здесь можно отметить некоторое противоречие, а именно: каким образом транзитивный глагол может стать вспомогательным. По выражению Э. Бенвениста, это иллюзия. «Иметь» обладает конструкцией транзитивного глагола и, тем не менее, таковым не является. Это глагол *псевдотранзитивный*. Между субъектом и объектом глагола «иметь» не может существовать отношение переходности, когда действие предполагается переходящим на объект и видоизменяющим его⁸⁹. О псевдопереходности «иметь» говорит и невозможность элементарной пассивной трансформации посессива⁹⁰, типа: исп. *tengo nueve de copas* ≠ * *nueve de copas es tenido por mi*. Это, по-видимому, свидетельствует о принадлежности «иметь» к очень древнему языковому слою, когда предложения были обязательно субъектными, синтаксически грамматической категории объекта не было, и пассивная трансформация была еще невозможна⁹¹. В языках эргативного строя глаголы с семантикой обладания образуют замкнутую группу глагольных лексем, так называемых *verba habendi*, рассматриваемых в рамках лексических импликаций эргативности. Их выделение в особый лексический класс как раз и основано на специфическом содержании передаваемого ими «действия», которое не может быть безоговорочно отнесено ни к переходному, ни к непереходному⁹².

По мнению Э. Бенвениста, сам по себе глагол «иметь» как лексема встречается в языках крайне редко, даже в пределах индоевропейской семьи – это более позднее приобретение. На материале многих языков мира Э. Бенвенист показал, что глаголы обладания образованы от глагола *быть* путем его инвертирования: ‘я имею то’ ↔ ‘то есть у меня’. Во всех языках движение шло по пути *mihi est* → *habeo*, но не наоборот⁹³. Конструкцию аналогичную последней отмечают в древнеперсидском и в ряде других

⁸⁹ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 210.

⁹⁰ Там же. С. 215.

⁹¹ Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. – М.: Наука, 1989. – 248 с.

⁹² Климов Г. А. Указ. соч. С. 72.

⁹³ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 212.

индоевропейских языков (в частности в армянском и в некоторых кельтских). Например, в ирландском языке вместо индоевропейского **es-* используется *ta-* (*atta-*), где *ta-* с дательным падежом местоимения (буквально «быть у») стало выражением для «иметься»: *ní - t - ta* «у тебя нет»⁹⁴. Ср. то же и в формирующемся в кечуа глаголе обладания *каруу* «иметься для (у) кого-то», который представляет собой сочетание морфемы *ka-* «быть, иметься, существовать» с суффиксом объектной версии *-ри*. Для конкретизации лица обладателя здесь служат показатели субъектно-объектного спряжения, ср.: *каруван* «у меня (это) есть», *карусунки* «у тебя (это) есть» и т. д. Характерно, что индейцы кечуа, недостаточно владеющие испанским языком, употребляют в своей испанской речи выражение *me lo hay* «мне это есть» вместо исп. *tengo* «имею»⁹⁵. В грузинском языке есть особый класс так называемых *инверсивных глаголов*, создающих специфическую конструкцию предложения с субъектом в дательном падеже. Данный класс состоит из трех групп глаголов: *verba sentiendi*, *verba affectuum* и *verba habendi*⁹⁶. Ключ для вскрытия общности глубинно-семантической структуры этих глаголов следует искать через глаголы обладания⁹⁷.

Яркий пример связи глаголов *обладания* и глаголов *чувственного восприятия* представляют собой случаи корреляции при функционировании последних и в сопоставляемых языках. Так, в результате компрессии ср.: кат. *té!* = кат. *mira!*, исп. *¡mira!*, букв. «держи» = «гляди». Связь «иметь» – «глядеть», «слышать», «понимать» на материале языков западно-романского ареала как следствие дивергентного процесса развития двух глаголов лат. *carere* и лат. *habere* в результате семантического развития причинно-следственной цепочки «хватать → держать → иметь» была показана в одной из работ М. В.

⁹⁴ Там же. С. 204.

⁹⁵ Пестов В. С. Об отражении субъектно-объектных отношений в глаголе кечуа // Вопросы языкознания. – № 4. – 1980. – С. 130.

⁹⁶ Кортава Ю. Г. Указ. соч. С. 34.

⁹⁷ Там же. С. 36.

Зеликова⁹⁸. Так, глагол *capitāre* (← *capere*), в свою очередь, образовал пару *captar(e)* (исп., кат., итал.) – *catar* (исп., порт.): *percatarse* «понимать», букв. «улавливать (смысл речи)» (2); *captar un ruido* «улавливать шум (шире – звук)». В староиспанском уже в первых памятниках можно отметить значение *catar* «видеть», «оглядывать», а также «смотреть», т.е. собственно «ловить / выхватывать взглядом». Ср. также отмеченные Ж. Короминасом кат. и оксит. *agafar* «хватать» и связанное с ним каст. *gafas* «очки», т. е. (= *algo con lo que agafas lo que no se ve* – «то, чем можно ухватить, то, чего не видно»)⁹⁹.

О том, что в диахроническом плане в западноевропейских языках понятие «имения объекта в своей сфере» включает как составляющий компонент момент «захватывания объекта», что находит отражение в семантике ядерного глагола *haber*, отмечалось и ранее¹⁰⁰: <...> лат. *habere* вполне созвучно с немецким *haben* и имеет то же значение, но не связано с ним по происхождению; нем. *haben* соответствует лат. *capere* «брать» и происходит от общего для них и. е. корня. <...> лат. *habere* имеет связь с санскр. *gabhastih* ‘рука’ и, возможно, с нем. *geben*, готск. *giban* ‘давать’. Ср. также: ... хетт. *ta-* ‘брать’ происходит от и. е. корня **doh-* // *dh-* ‘давать’¹⁰¹. Ср. также исп. *tener*, этимологически восходящий к значению «держат, хватать», что играет ключевую роль в понимании «активной» семантики этого глагола в испанском, в отличие от его диахронического коррелята *haber* (лат. *habēre*), восходящего к значению «давать», как следствие последнего. При этом особо подчеркнем, что отмеченные в статье цепочки причинно-следственных отношений глаголов семантического поля «обладание» образуют как бы два взаимосвязанных цикла, которые условно назовем «активный» и «неактивный» соответственно, ср.:

1) I. хватать/брать (при активном субъекте) → II. держать → III. владеть/иметь и, возможно, «давать».

⁹⁸ Зеликов М. В. Западнороманская дивергенция как фрагмент причинно-следственных отношений (некоторые особенности структурно-семантического развития *habēre* и *capere* в западно-романском ареале) // Вопросы иберороманского языкознания: сб. статей к 80-летию проф. В. С. Виноградова. – Вып. 7. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – С. 60 – 65.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Савченко А. Н. Указ. соч. С. 8.

¹⁰¹ Там же. С. 130.

2) при смене субъекта: I. «давать» → II. брать (= «получить, принять», т. е. глагол при неактивном субъекте, что объясняет значение *habēre* как «пассивного») → III. держать и владеть («иметь»)… Таким образом, второй (малый) круг – как развитие первого в продолжение компонента «давать», но уже с другими семантическими ролями, а оба цикла описывают при этом ситуацию так называемой «смены посессора». (О влиянии последнего фактора см. также в разделе о местоименных моделях).

Вопрос о распределении субъектно-объектных отношений в рамках посессивного высказывания выявляет неоднозначность пространственной интерпретации моделей *у X есть Y*. Как уже было отмечено выше, это одна из наиболее активно развивавшихся интерпретаций экзистенциальных и посессивных моделей типа *У меня (есть) / Я имею...* Ср., например, «посессивность как локализованное бытие» у Дж. Лайонза¹⁰². Такая интерпретация разделяется многими, как отечественными, так и зарубежными исследователями (Ч. Кэни, Дж. Лайонз, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, О.Н. Селиверстова и др.), причем само понятие *пространства* трактуется очень широко, т. е. не только как «физическое» (комната, поле и т. д.), но и как так называемое «пространство ситуации»¹⁰³, личная сфера субъекта¹⁰⁴. В таком понимании посессивной модели *у X есть Y* X – трактуется как *локализатор*, что логично, учитывая общеизвестный факт, что посессивная конструкция исторически вышла из пространственной: *Я имею ← У меня (= при мне) есть*. Прежде чем стать подлинным «глаголом обладания», предикат «иметь» служил предикатом «отношения» между двумя актантами. Особое внимание в этой связи следует уделить случаям, когда оба актанта являются одушевленными. Игнорирование вопроса о распределении субъектно-объектных отношений приводит к контаминации посессивной и, собственно, локативной модели. В

¹⁰² Lyons J. Op. cit. P. 392.

¹⁰³ Сфера посессивности X (в модели *у X есть Y*) – это все то, на что распространяется «личность» X-а. Неопределенность приведенного толкования соответствует колебаниям в употреблении посессивных моделей, которые окказионально могут получать чрезвычайно широкую денотативную область. Наиболее активно они используются, когда речь идет о сфере посессивности самого говорящего, ср.: *Мой город*, но (*?) *Город Иванова*. – Цит. по: Селиверстова О. Н. Указ. соч. С. 5, 26.

¹⁰⁴ Bally Ch. *Le langage et la vie*. – Paris: Payot, 1926.

случае последней позицию субъекта занимает *Y*, предикат «находиться» не предполагает участия объекта, отношение к *X* выражено аблативно, где *X* играет роль локализатора в результате опущения первичного компонента с данным значением. Как известно, если речь идет о посессивности, то в фокусе сообщения оказывается посессор, то есть гипотетически посессор должен занять позицию субъекта. Так и происходит в языках, в которых в данном случае сохраняется четкое противопоставление экзистенциально-локативного и посессивного глагольного центра. В русском же, типичном языке «быть», оппозиция формально выражена только в *настоящем* времени связкой *есть / ø*, нейтрализуемой в *прошедшем* времени. Подобная недифференцированность глагольной формы отдаленно напоминает некоторые языки эргативного строя (например, лезгинский), в которых глагол может оказаться нейтральным, т. е. сохранять одну общую форму в предложениях обоих типов, различающихся оформлением своих других главных членов, в первую очередь, подлежащего. В данном случае формальная структура посессивной модели не претерпевает никаких изменений. Происходит лишь перераспределение семантических ролей. Так, *X*, входя в структуру предиката с семантикой обладания, играет роль логического субъекта, но одновременно возникает вопрос: как трактовать позицию *Y*? Семантика обладания, как известно, не предполагает переходности, а, следовательно, и наличия объекта. Кроме того, формально *Y* выражен номинативом и интерпретация его как объекта противоречила бы представлениям о номинативном строе (в данном случае русского языка).

Таким образом, в русском языке на уровне предложения мы сталкиваемся с проблемой омонимии модели *у X есть Y*. Основным средством, проясняющим ситуацию, служит контекст. Тем не менее, отметим здесь выявленный Т.Е. Янко¹⁰⁵ семантический критерий, позволяющий в некоторых случаях снять проблему многозначности. Предлагаемая интерпретация опирается на семантику объекта, при этом вводятся такие понятия как *явление* и *сущность*,

¹⁰⁵ Янко Т. Е. Указ. соч. С. 199.

характеризующие отношение субъекта и объекта во временном плане. Если семантика объекта предполагает указание на длительность отношений между субъектом и объектом, то, при условии стандартного контекста, перед нами посессивная модель. Если семантика объекта не включает указаний на длительность связи, то это означает, что участники ситуации вступают в отношения в актуализированный момент, что говорит в пользу локативной интерпретации. Ср.: (1) *У него была сестра*¹⁰⁶; (2) *У него была гостья*. Очевидно, что многие ситуации допускают обе трактовки (1), но как только в позиции объекта оказывается такой участник как, например, *гостья* (2) – смысл очевиден. Благодаря функционированию в испанском уникальной глагольной системы на базе 4-х глаголов *ser – haber – estar – tener*, многозначность в подобных примерах легко разрешается на уровне предложения-высказывания. В случае выражения посессивных отношений в современном языке используется глагол *tener*, в случае локативных мы сталкиваемся с высказыванием, имеющим компрессивную природу, в связи с опущением, собственно, локализатора (например, слова *дом* и т.д.), при этом в качестве глагольного ядра выбирается глагол *estar*, ср.: *En su casa estaba su hermana*¹⁰⁷ ~ *La hermana estaba en su casa*¹⁰⁸ ~ *Su hermana estaba donde él*¹⁰⁹ (эллиптический вариант). Ср. также исп.: *Y la Blasa añadía: cualquier día me arrimo donde la Francisca Hernández y hago por verlos*¹¹⁰ (Delibes, *Ratas*). Отметим, что за исключением спорадических случаев, глагол *estar* в каталанском, в отличие от испанского, *совсем не имеет локативного значения*; всякий раз это состояние, как результат действия активного субъекта¹¹¹.

¹⁰⁶ Здесь под действием закона экономии в одной модели произошло совмещение двух различных пропозиций: *У него была сестра* ← (1a) = *была сестра*; ← (1б) = *сестра приходила к нему*

¹⁰⁷ «В его доме была (находилась) его сестра».

¹⁰⁸ «Сестра была (находилась) в его доме».

¹⁰⁹ букв. «Его сестра была, где он».

¹¹⁰ «И Бласа добавляла: как-нибудь пойду к Франсиске Эрнандес (букв. 'пойду где Франсиска Эрнандес') и повидаю их».

¹¹¹ Vallcorba i Rocosa J. Els verbs ésser i estar en català // *Obra gramatical i lingüística completa* / Vallcorba i Rocosa J. – Vol. 1. – Barcelona: Publicacions de l'Abadia de Montserrat, 2010. – P. 437.

1. 5. Глаголы с семантикой обладания в образовании перфекта и результата

Противоречивый характер глагола «иметь» проясняется, если рассматривать этот глагол как *глагол состояния*¹¹². В сущности, любое состояние субъекта может быть переосмыслено в такое, при котором субъект является посессором. Так, например, еще А. Потт обратил внимание на то, что логическим субстратом, лежащим в основе перфектных образований, являются посессивные представления: «Действие, особенно когда оно завершено, как это имеет место в перфекте, вполне может быть представлено в образе, собственно приобретенном действующим лицом и ему принадлежащем»¹¹³. То же встречаем у Бенвениста: «Перфект – это такая форма, в которой понятие состояния, соединенное с понятием обладания, отнесено к действующему лицу; в перфекте действующее лицо предстает как обладатель осуществленного действия»¹¹⁴.

В отечественном языкознании исследованию генезиса посессивного перфекта в 1949 году была посвящена статья Ю.С. Маслова¹¹⁵. Результаты проведенного им исследования показывают, что исходную точку эволюции составили обороты типа лат.: *navem paratam habeo (teneo)* – «имею корабль приготовленным (держу корабль наготове)». Ср. др.-нем.: *ih haben (wir eigum) iz funtan* – «я имею (мы имеем) это найденным»¹¹⁶. Развитие анализируемых конструкций в сторону глагольного времени, Ю. С. Маслов рассматривает, оперируя понятиями субъект действия и состояние объекта¹¹⁷. Так, когда

¹¹² Бенвенист Э. Указ. соч. С. 213.

¹¹³ Pott A. F. *Verschiedene Bezeichnung des Perfects in einigen Sprachen und Lautsymbolik // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft.* – Bd. 15. – 1884. – S. 291-292.

¹¹⁴ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 217.

¹¹⁵ Маслов Ю. С. К вопросу о происхождении посессивного перфекта // Уч. зап. ЛГУ. Серия филол. наук. – Вып. 14. – № 97. – 1949. – С. 76 – 104. Далее в нашей работе в ссылках на эту статью страницы указаны по изданию: Маслов Ю. С. *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание.* – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.

¹¹⁶ Маслов Ю. С. Указ. соч. 2004. С. 270.

¹¹⁷ У Э. Бенвениста перфект рассматривается как состояние субъекта и образуется только от корней, способных передавать это значение. Показательно, что, например, в списке германских перфекто-презентов нет ни одного глагола со значением «действия», обладающего подлинной переходностью и выражающего процесс, затрагивающий объект. Все они ограничены сферой субъекта независимо от того, есть ли при них прямое

субъект действия, создавшего состояние, выраженное причастием, не совпадал с подлежащим предложения, никакого развития в сторону глагольного времени быть не могло. Однако всюду, где «подлежащее предложения оказывалось тождественным субъекту действия в прошлом, возможность переосмысления всего оборота была очевидна: из выражения состояния объекта в момент обладания им рассматриваемая структура легко могла превратиться в выражение действия субъекта в период, предшествующий обладанию; причастие из обособленного члена, предцизируемого объекту, превращалось в носителя глагольного предиката; значение обладания бледнело и утрачивалось, и глагол «иметь» превращался во вспомогательный. Позднее объект перестал быть необходимым элементом сочетания; наконец совершился последний шаг – перенесение этого способа образования и в область непереходных глаголов (уже не засвидетельствовано в латыни)»¹¹⁸.

Следует отметить, что тезис Ю. С. Маслова о том, что исходную точку эволюции посессивного перфекта в и.-е. языках составили указанные выше латинские обороты, в свете исследований последующих десятилетий представляется не обоснованным. Так, например, Вяч. Вс. Иванов отмечает, что в др.-хеттском при грамматикализации используемого в функции посессивного перфекта аналитического сочетания неличной формы смыслового глагола с личной формой глагола «иметь» происходит изменение последнего: «иметь» (← «держаться»). Ср. др.-хетт. *hark-* «держаться»¹¹⁹. О том, что в хеттском языке было аналитическое сложное прошедшее, образованное из причастия и вспомогательного глагола *har(k)* 'держаться' также см. в работе А. Н. Савченко¹²⁰. Известно, что и в других языках глаголы типа «иметь» развивались аналогичным образом, т. е. из глаголов с конкретной семантикой

дополнение: «активная» конструкция не означает, что процесс переходит на объект, она лишь своеобразно ограничивает состояние субъекта. – Цит. по: Бенвенист Э. Указ. соч. С. 146.

¹¹⁸ Маслов Ю. С. Указ. соч. 2004. С. 270.

¹¹⁹ Иванов Вяч. Вс. Заметки по категории притяжательности // Категория притяжательности в славянских и балканских языках: тезисы совещания. – М.: Наука, 1983. – С. 50.

¹²⁰ Так, например, см.: Савченко А. Н. Указ. соч. С. 31.

Здесь – при сопоставлении с санскритом – т. е. языком флективной системы – можно отметить один из примеров, указывающих на то, что аналитические образования могли предшествовать синтетическим.

«держатъ». Ср. лат. *arceō* ‘держатъ’, ‘удерживать’; греч. *έχω* ‘иметь’ из и.е. **seǵ^[h]*- ‘держатъ’: ср. др.-инд. *sáhate* ‘одолевает’; ср. также лат. *habeō* ‘иметь’ при лат. *inhibeō* ‘удерживаю’, из и.е. **g^[h]ab^[h]*-: др.-ирл. *gaibid* ‘хватает’, ‘берет’¹²¹. Ср.: Este eunuco, por lo que me han contado las mujeres de la casa, es de una crueldad terrible con ellas y las *tiene aterrorizadas*¹²² (El árbol, 219). Отметим, что здесь имеет место случай «прогрессива» при интерпретации модели *tener* + причастие. Ср. исп. = <...> las está terrorizando «...их терроризирует, пугает». Хотя, в работе Д. В. Сичинавы¹²³ отмечено, что глагол «держатъ» в прогрессиве представлен только в шведском, норвежском и идиш (в идиш это единственная форма прогрессива).

В зависимости от того, имелось ли при глаголе прямое дополнение индоевропейский глагол переводился различно. Ср. греч. *έχω* ‘держу, держусь’: без прямого дополнения – ‘держусь’: οὕτως *έχω* «я нахожусь в таком положении»; с прямым дополнением – ‘держу’: *έχω τι* «имею что-нибудь»¹²⁴. Ср.: ...*perdí tanto peso que no se me tenían los pantalones en la cintura*¹²⁵ (Márquez, Memoria, 93).

Необходимой предпосылкой для развития рассматриваемой аналитической модели является высокая частотность употребления в языке составляющих ее элементов (т. е. собственно глагола «иметь», что отмечается далеко не во всех языках¹²⁶, и причастия или прилагательного, которое

¹²¹ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. I-II. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – С. 289.

¹²² «Этот евнух, как мне рассказали женщины этого дома, очень жесток с ними и *держит* их в постоянном страхе (букв.: имеет их запуганными)».

¹²³ Сичинава Д. В. Типология глагольных систем с синонимией базовых элементов парадигмы: дис. ... канд. филол. наук. – М.: фил.фак. МГУ, 2005. – С. 369.

¹²⁴ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М. – Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – С. 348.

¹²⁵ «Я настолько похудел, что штаны не *держались* у меня на поясе».

¹²⁶ Так, в русском языке не существует такой аналитической формы в связи с тем, что глагол «иметь» не имел, а особенно в новое время не имеет того употребления, как в языках романских и германских. В древнерусском его употребление было значительно шире. На определенном этапе глагол «имати» служил даже в качестве своего рода вспомогательного глагола для образования *будущего времени*, ср.: в Духовной грамоте вел. кн. Ивана Калиты (1227-28 гг.) читаем: «Имуть искати татарь» (= «будут искать татары»); в Духовной грамоте вел. кн. Симеона Гордого (1353 г.) «имуть ведати» (= «узнают») и др. Однако развития форм «посессивного» перфекта не произошло, т. к. уже существовали 4 глагольные формы прошедшего времени: две простые (имперфект и аорист) и две сложные (перфект и плюсквамперфект). Постепенно эти формы вышли из употребления, кроме одной – бывшего причастия на -ль. Любопытно, что исчезновение старых глагольных

получает значение предикативного члена). Затем в результате постепенного накопления элементов в тех или иных комбинациях происходил скачок, превращавший сочетание в сложную глагольную форму прошедшего времени¹²⁷. «Убедительным доказательством того, как велико значение широкой употребительности глагола «иметь» для развития и сохранения в языке описательного перфекта, - отмечает Н. М. Александров, - являются языки Пиренейского полуострова»¹²⁸.

При сравнении функционирования подобных образований в русских говорах можно отметить сходство их внутренней формы с внутренней формой западноевропейского посессивного перфекта. Впервые на это обратил внимание еще в 1852 году С. Шафранов¹²⁹, позже на это указывали А.А. Потебня, Ю. С. Маслов¹³⁰.

В современном русском литературном языке наиболее употребительной является модель *у + Род. п. + (объект) + причастие с*, по сути, элиминированным субъектом, ср.: ... Вы что, были у врача? Почему у вас голова забинтована? (М. Булгаков). В северных говорах - принципиально иная ситуация (субъект наоборот акцентирован в предложении), ср.: *Святые все замучены у людей* (Ф. Абрамов) (← Люди замучили всех святых); *У кошки уже вся рыба стащена* (← Кошка стащила рыбу) (Ф. Абрамов). Есть также модель обозначения субъекта действия в причастных конструкциях при помощи творительного падежа, ср.: *Да уж бригадирами собравши*. Существует и третья форма – *предлог от + род.п.*, которая в настоящее время признается устаревшей

форм прошедшего времени шло в русском языке одновременно с заменой глагола «иметь» в значении обладания ставшей доминирующей конструкцией глагола «быть» + род.падеж обладателя. Таким образом, как раз тогда, когда в новых глагольных формах могла появиться потребность, глагол «иметь» уже утратил свое частотное употребление в языке и в «новом качестве» появиться не мог, т. к. никакого накопления элементов этого «нового качества» в языке не было.

Подробнее об этом см.: Александров Н. М. К вопросу о форме развития языковых явлений // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Т. XXI. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1956. – С. 39 - 41.

¹²⁷ Там же. С. 36.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Шафранов С. Н. О видах русского глагола в синтаксическом отношении / С. Н. Шафранов. – М., 1852. – С. 63 – 78.

¹³⁰ Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – С. 237.

(Ср.: «Им такое дело от начальников запретивши»)¹³¹. Отметим и «беспредметный» тип настоящей модели (предмет обладания, т.е. предмет, который мог бы быть осмыслен как объект обладания отсутствует). Ср., например, при обращении к ребенку: *У кого это на скатерти налито?*¹³². Ср. также посессивные сочетания с причастиями непереходных глаголов. Примечательно, что последние не способны к самостоятельному употреблению, и, скорее, являются так называемыми «псевдопричастиями». Так, например, в отрывке из народной песни:

У дородного добра молодца
Много было на службе послужено
На печи было вволю полежано <...>
На поварнях посижено,
Кусков и оглодков попрошено,
Потихоньку, без спросу потаскано¹³³ ...

В русских говорах, по-видимому, значительно живее, чем в западноевропейских языках, ощущается посессивная внутренняя форма интересующего нас типа. Это доказывается тем важным обстоятельством, что в них очень редко можно отметить случаи с неодушевленным агентом, ср.: *Тут у трактора проехано* или *Все у власти дано*. Важной и существенной чертой этих конструкций является то, что *за неодушевленным агентом фактически стоит одушевленный*. Другими словами, структура посессивных отношений неодушевленного посессора представляет собой «в той или иной степени «редуцированное» отражение структуры посессивных отношений одушевленного посессора»¹³⁴ (выделено нами. – А. И.). В западноевропейских языках ограничения в отношении одушевленности / неодушевленности агенса при употреблении посессивного перфекта прослеживаются во французском,

¹³¹ Соболев А. Н. О предикативном употреблении причастий в русских диалектах // Вопросы языкознания. – № 5. – 1998. – С. 74 – 89.

¹³² Золотова Г. А. О структуре простого предложения в русском языке // Вопросы языкознания. – № 6. – 1967. – С. 92.

¹³³ Этот пример был приведен С. Шафрановым еще в 1852 г. См в кн.: Шафранов С. Н. Указ. соч. С. 11 - 12.

¹³⁴ Категория посессивности в славянских и балканских языках: сб. науч. статей. / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. – М.: Наука, 1989. – С. 66.

тогда как, например, в испанском их нет. Ср. исп.: *Confiaba en que una timba los tuviera reunidos esa noche en algún baño*¹³⁵ (*Llosa, 13*).

Таким образом, отношение субъекта к объекту в рассматриваемых аналитических конструкциях в одних языках конкретизируется падежной формой личного местоимения (либо существительного) с предлогом (ср.: русск. *у тебя уже все написано*), т. е. аблативно или генитивно, ср. модели:

а) X (*Gen.*) + Y [*Obj.*] + *participio*; б) локативная модель: X (*Loc.*) + Y [*Obj.*] + *participio*; в) в других путем использования полувспомогательного глагола с семантикой обладания (ср. исп.: *ya lo tienes todo escrito*), т. е. номинативно, ср. акциональную модель: X + $V_{habendi}$ + Y [*Obj.*] + *participio*). Отметим при этом, что большинство исследователей предпочитает трактовать рассматриваемые здесь конструкции как сложные видо-временные формы перфекта, в то время как их характеристикам как залоговых образований явно уделяется недостаточно внимания.

Между тем, по выражению А.В. Бондарко, в языке не существует «чистых грамматических значений, свободных в их реализации от межкатегориального взаимодействия»¹³⁶. В типологических исследованиях неоднократно отмечались случаи, когда результативное значение конструкции совмещается с другими, чаще всего с залоговым значением пассива¹³⁷.

Как отмечают В. П. Недялков и С. Е. Яхонтов, «есть, по-видимому, основания полагать, что не только в соотношении «результатив : перфект», но и в соотношении «результатив : пассив» исторически исходным был, скорее всего, результатив... Этот ход развития естественен, поскольку значение результата более конкретно (точнее, у пассива вообще нет значения в прямом смысле слова)»¹³⁸. Кроме того, как представляется, межкатегориальные связи наблюдаются именно в парах результатив – медий

¹³⁵ «Он мог поклясться, что игра в карты собрала их этой ночью в каком-нибудь сортире».

¹³⁶ Бондарко А. В. Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – С. 3.

¹³⁷ Сичинава Д. В. Указ. соч.

¹³⁸ Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций. – Л.: Наука, 1983. – С. 33.

(как исторически исходные) и перфект – пассив (как развившиеся значительно позднее).

Выводы по главе 1.

1. Категория посессивности, понятийная онтология которой простирается в различные сферы бытия человека, а языковая реализация представлена средствами разных уровней, представляет собой краеугольный фрагмент языковой системы иберо-романских языков.
2. Конструкции с *verba habendi* и местоименные модели действительно играют важную роль в формировании структуры простого предложения в рассматриваемых языках, являясь ключевым конституирующим элементом предложений, смысловое ядро которых связано с категориями посессивности, бытийности и локативности.
3. На основании анализируемого материала, можно утверждать существование неразрывной связи указанных категорий при порождении высказывания не только в иберо-романских языках, но и шире – в языках мира.

Глава 2. Структурно-семантические и функциональные аспекты изучения единиц с семантикой посессивности в испанском и каталанском языках.

2. 1. Стадии эволюции посессивного перфекта

Эволюция посессивного перфекта может быть представлена в 4 стадиях¹³⁹.

Стадия 0. В анализируемых языках наличествует посессивная конструкция с глаголом «иметь», но нет форм посессивного перфекта с этим глаголом (ср.: русский, литовский, финский, валлийский и др.). Имеющиеся формы посессивного перфекта представляют собой стяжение двух пропозиций. Так, в русском: *У меня построен дом* ← 1) *У меня есть дом* + 2) *Я построил дом*.

Стадия 1. Посессивное значение уже не является доминирующим при функционировании конструкции посессивного перфекта, которая в большинстве случаев используется как результитивная. При этом субъект глагола обладания мыслится говорящим не как посессор, а как агент действия, передаваемого семантикой глагола в причастной форме. Конструкции посессивного перфекта на данной стадии эволюции присущи следующие характеристики:

- 1) используются только переходные глаголы;
- 2) причастная форма все еще несет в себе характеристики атрибута и согласуется с объектом;
- 3) глагол обладания приобретает функцию вспомогательного глагола, глагол в причастной форме – основной смысловой глагол;

¹³⁹ Так, в работах зарубежных исследователей:

Vincent N. The development of the auxiliaries *habere* and *esse* in Romance // / Studies in the Romance verb / Ed. by N. Vincent and M. Harris. – London: Croom Helm, 1982. – P. 71 – 96.

Cennamo M. Passive auxiliaries in Late Latin // Festschrift Herman / S. Kiss, G. Salvi (eds). – Tübingen: Niemeyer, 2005. – P. 179 – 196.

Heine B., Kuteva T. The rise of possessive perfects // The changing languages of Europe / Ed. by Heine B., Kuteva T. – Oxford University Press, 2006. – P. 141 – 182.

- 4) субъект глагола обладания и субъект глагола в причастной форме ассоциируются с одним и тем же агентом действия;
- 5) в наиболее типичных для этой стадии языках объект эксплицитно выражен и может быть опущен только в тех языках, которые достигли продвинутой ступени развития, граничащей с переходом на следующую стадию эволюции посессивного перфекта¹⁴⁰.

Типичные языки *стадии 1* – славянские (в особенности – сербский, хорватский, чешский, словацкий, польский, словенский, болгарский), некоторые украинские и белорусские диалекты, современный ирландский, баскский, конструкция *tener + причастие* в испанском¹⁴¹.

Стадия 2. Конструкции посессивного перфекта на данной стадии эволюции стали присущи новые дополнительные характеристики:

- 1) в качестве основного глагола возможно использование непереходных глаголов;
- 2) посессивная интерпретация конструкции отныне исключается;
- 3) необходимость согласования причастия и объекта постепенно исчезает, уступая место тенденции к использованию инвариантной формы.
- 4) полностью исчезла амбивалентность интерпретации¹⁴²: есть только один агент действия, который более не может быть осмыслен как посессор.

К языкам, развившим посессивный перфект до *стадии 2*, относятся: португальский и галисийский *ter*-перфекты, бретонский, северо-русские говоры¹⁴³. Становление посессивного перфекта в северо-русских говорах и его эволюция до *стадии 2*, в отличие от стандартного русского, объясняется влиянием северных германских языков¹⁴⁴ на основании исторических данных об интенсивных, особенно в XI в., контактах между северными регионами

¹⁴⁰ Heine B., Kuteva T. Op. cit. P. 145.

¹⁴¹ Ibid.

¹⁴² Следует подчеркнуть важность корреляции пп.2 и пп.4 в характеристике этой стадии, которая не отмечена авторами настоящей классификации: там, где теряет свой потенциал проявление категории обладания (посессивная семантика элементов утрачивается), там снимается неопределенность интерпретации субъектно-объектных отношений в структуре предложения на основе моделей посессивного перфекта.

¹⁴³ Ibid.

¹⁴⁴ Breu W. Überlegungen zu einer Klassifizierung des grammatischen Wandels im Sprachkontakt (am Beispiel slavischer Kontaktfälle' / Haase and Nau (eds.). – 1996. – S. 31.

России и Скандинавией¹⁴⁵. Однако в германских языках посессивный перфект строится по акциональной модели с глаголом «иметь», а в северо-русских говорах – по локативной-генитивной модели *У X (Loc.)+ Y[Obj.]+ participio*. На этом основании более убедительной видится другая гипотеза – о финно-угорском влиянии¹⁴⁶, т. к. в финно-угорских языках лексема «иметь» отсутствует, а вместо нее функционирует модель *У X есть Y*.

Стадия 3. Посессивный перфект более не подвержен морфосинтаксическим ограничениям:

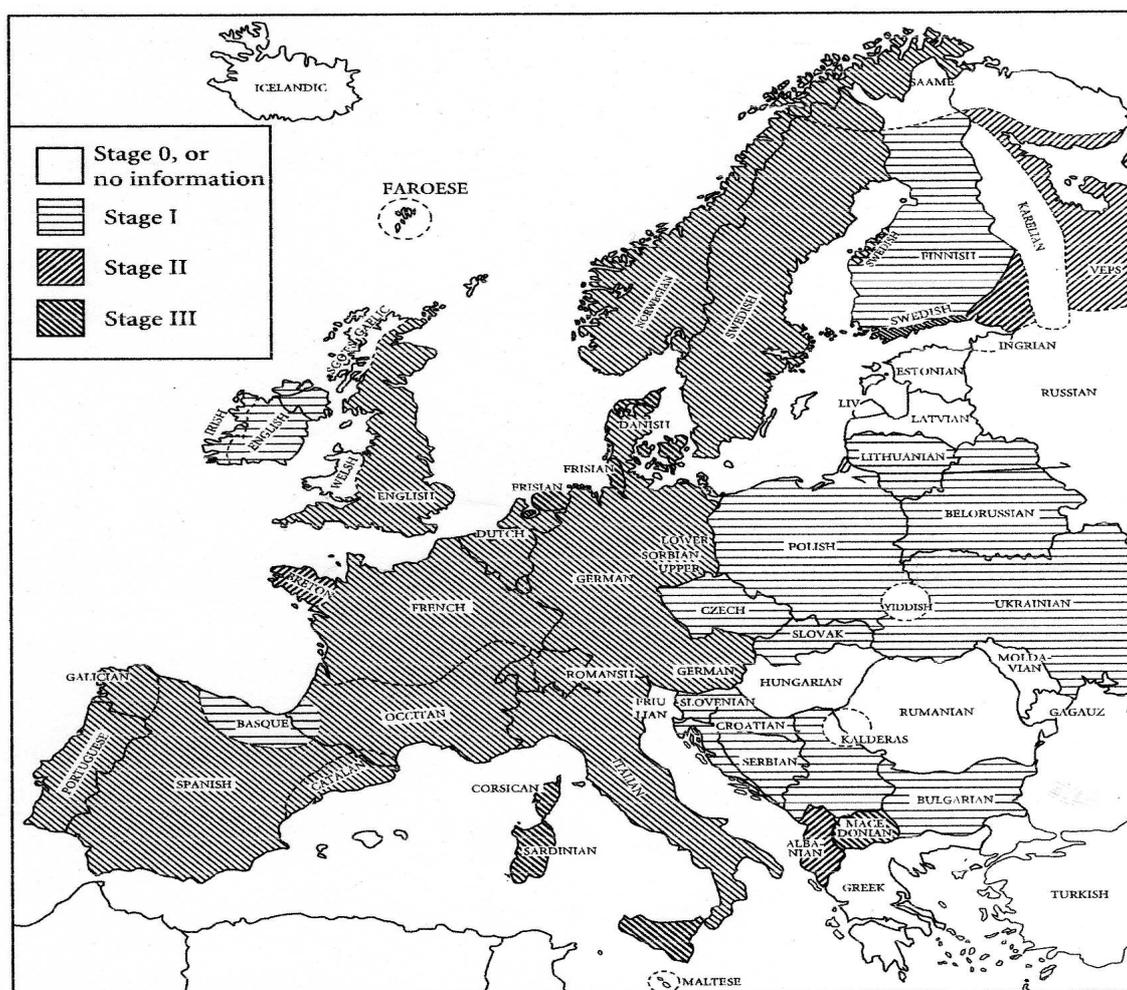
- 1) в качестве агента действия могут выступать как одушевленные, так и неодушевленные существительные;
- 2) в качестве основного смыслового глагола могут выступать любые глаголы;

По данным Б. Хайне и Т. Кутевой¹⁴⁷ такая ситуация с функционированием посессивного перфекта наблюдается в большинстве романских и германских языков, а также в юго-западных диалектах македонского. См. также карту № 1, демонстрирующую ареальную дистрибуцию различных стадий эволюции посессивного перфекта в европейских языках:

¹⁴⁵ Lägheid, A. The Scandinavians in Russia: On the extra-linguistic factors in the language contact between North Germanic and East Slavic peoples in the early Middle Ages // *Scandinavian Language Contacts* / Ed. by S. Ureland, I. Clarksson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – P. 100.

¹⁴⁶ Veenker W. Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache. – Bloomington, 1967. – S. 137.

¹⁴⁷ Heine B., Kuteva T. Op. cit. P. 146.

Карта № 1. Ареальная дистрибуция различных стадий эволюции посессивного перфекта в европейских языках¹⁴⁸

Помимо вышеизложенной концепции стадий эволюции посессивного перфекта, рядом авторов¹⁴⁹ разрабатывалась концепция семантической эволюции перфекта, в частности и посессивного. Последняя представляет собой однонаправленный процесс развития от модели предложения с семантикой посессивности до финальной стадии, в которой эта семантика едва ли уловима, а основное значение модели ограничивается выражением

¹⁴⁸ Ibid. P. 174.

¹⁴⁹ Bybee J. et al. *The Evolution of Grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. – Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Thieroff R. On the areal distribution of the tense-aspect categories in Europe // *Tense and Aspect in the Languages of Europe* / Ed. by Ö. Dahl. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 265 – 305.

Detges U. Time and truth: The grammaticalization of resultatives and perfects within a theory of subjectification // *Studies in Language*. – № 24. – 2000. – P. 345 – 377.

Detges U. How cognitive is grammaticalization? The history of the Catalan perfect perifràstic II // *Up and down the Cline. The Nature of Grammaticalization* / Fischer O., Norde M., Perridon H. (eds.). – Amsterdam: Benjamins, 2004. – P. 211 – 227.

временной отнесенности к прошедшему плану. В рамках данной концепции выделяется *6 стадий* (см. таблицу):

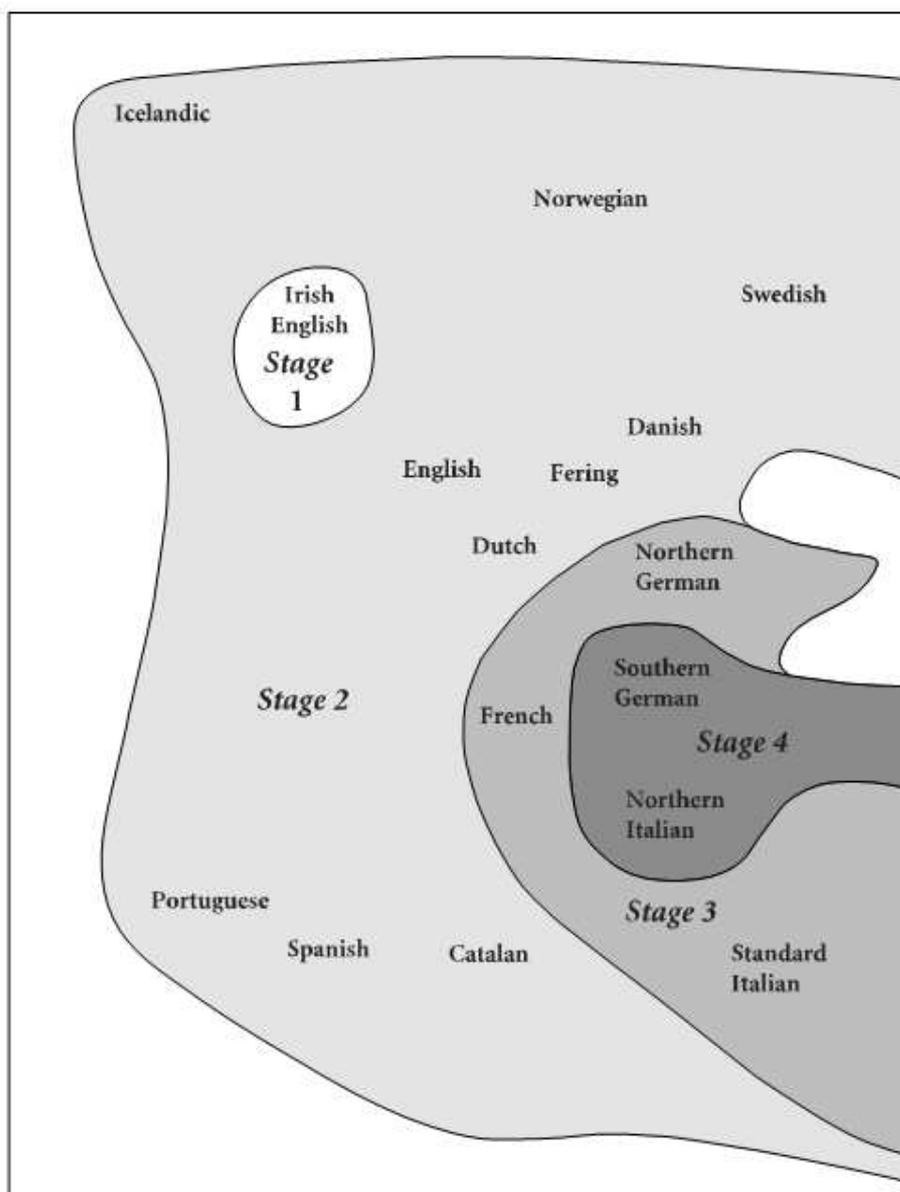
Стадия	Семантико-функциональная характеристика эволюции конструкции посессивного перфекта на данной стадии
0.	<i>Посессивная стадия.</i> Исключительно посессивное значение конструкции. Видо-временное значение не отмечено.
1.	<i>Результативная стадия.</i> Результат в настоящем некоего действия в прошлом. Такова ситуация в ирландском, в английском у билингвов ирландцев, в испанском в конструкции <i>tener</i> + причастие ¹⁵⁰
2.	<i>Перфектная стадия.</i> Конструкция выражает действие /событие, совершившееся в прошлом, но актуальное в настоящем. Такова ситуация во всех германских языках (за исключением немецкого), а также в романских языках: португальском, испанском, каталанском.
3.	Конструкция распространяет свое влияние на значения прошедшего временного плана, принимая на себя <i>функции аориста/претерита</i> и соперничая с уже существующими формами прошедшего. Такова ситуация в стандартном немецком, во французском и в стандартном итальянском.
4.	Конструкция посессивного перфекта полностью берет на себя <i>функции основной формы, выражающей прошедшее время</i> , на фоне прогрессирующего упадка других форм прошедшего. Такова ситуация в южно-германских и северо-итальянских диалектах.
5.	Конструкция посессивного перфекта – <i>единственная форма прошедшего</i> . Не комбинируется с маркерами будущего времени для образования форм перфекта во временном плане будущего. Данная стадия не засвидетельствована ни в одном языке.

Особенности географической дистрибуции рассмотренных стадий эволюции посессивного перфекта см. на карте № 2, где отчетливо видно, что ранние стадии эволюции (стадии 1 и 2) сохранились в периферийных зонах северных и западных регионов Европы, в то время как последующие стадии сменяют одна другую по мере продвижения в глубь материка¹⁵¹, и одновременно удаляясь от побережья, что, в свою очередь, было отмечено

¹⁵⁰ Detges U. Op. cit. 2000. P. 348.

¹⁵¹ Heine B., Kuteva T. Op. cit. P. 150.

также Р. Тироффом, который предложил для обозначения данной изоглоссы термин «перфект европейского побережья» (European maritime perfect)¹⁵².

Карта № 2. Стадии семантической эволюции посессивного перфекта¹⁵³.

Тем не менее, в указанных концепциях недостаточное рассмотрение эмпирического материала по каждому отдельному языку привело к неизбежному в таких случаях нивелированию их особенностей и, как следствие, к искажению результатов изучения данного языкового феномена. Частично это признают и сами авторы¹⁵⁴, поэтому одной из задач нашего

¹⁵² Thieroff R. Op. cit. P. 285 – 286.

¹⁵³ Ibid.

¹⁵⁴ Heine B., Kuteva T. Op. cit. P. 152.

исследования является сопоставление функционирования конструкции посессивного перфекта в испанском и каталанском языках с позиций синтактики, семантики и прагматики (см. подробнее Глава 3).

Анализ иберороманского материала показывает, что данные, приведенные в графическом виде на карте № 1, сводят на нет своеобразие синтаксических конструкций с глаголом «иметь» в языках данного региона, совершенно не отражая краеугольного для всей грамматической системы этих языков фактора функционирования четырех базовых глаголов, коррелирующих по линии бытийности / обладания. В то же время не акцентируется внимание на том, что во всех иберо-романских языках, в той или иной мере, развито противопоставление двух глаголов обладания *habere / tenere*, в разной степени участвующих в образовании перфектных и результативных конструкций¹⁵⁵. Последнее представляет собой результат эволюции синтаксических образований с семантикой перфекта в широком понимании этого термина.

В ходе исторического развития языков иберо-романского ареала «бытийный» тип перфекта оказывается полностью вытеснен «посессивным». Так, глагол *ser* 'быть' уже в XIII веке (в период единого литературного галисийско-португальского языка) употреблялся только с ограниченным

¹⁵⁵ Дополнительный интерес вызывают обороты с глаголом *get* в английском языке, являющиеся разговорными вариантами конструкций с глаголом обладания (*have*).

Ср.: The game of hearts puts me in spades,
The only game I got it made. (M. Jagger)

- букв. «Игра в черви обернулась для меня пиками, единственная игра, в которой я знаю толк (букв.: которую я имею сделанной)».

Этот факт позволяет провести определенную параллель между испанским глаголом *tener* и английским *get*, которые в разговорном языке заменяют *haber* и *have* соответственно. Отметим при этом, что сфера функционирования *get* охватывает не только посессивные модели с *have*, но и экзистенциальные с глаголом *to be*. В некоторых случаях *get* в экзистенциальной функции приобретает оттенок «быть, становиться». Ср.: You know, when you *get old* in life, things *get taken* (= *are taken*) from you (из к/ф «Any given Sunday») – «Ты же знаешь, когда становишься старше, некоторые вещи уходят от тебя». Ср. англ.: We *get pushed* (= *are pushed*) in front of trains, take poison aspirin ... *get gunned down* (= *are gunned down*) in Dairy Queens (из к/ф «The fisher king») – «Нас толкают под поезда, мы принимаем ядовитый аспирин... нас стреляют в Дэйри Квинс». Ср. избыточный вариант: You know who it *was got cut*? (Warren, p. 38) – «Ты знаешь, кого это завалили?». К сожалению, залогово-аспектуальные характеристики глагольной пары *have / get* в английском изучены также неудовлетворительно.

Исключение составляют работы Г.Г. Сильницкого (Сильницкий Г. Г. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва: РГБ, 2002) и А.М. Длугоша (Длугош А. М. Английский аналитический каузатив со служебным глаголом «get»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1980).

Ср. также южногерм. диалект.: *Ich habe es getan* 'Я это сделал', ср. также: баварск. *Ich hab' das gemacht gehabt*, букв. 'Я имею это сделанным имел'. – Пример цит. по: Heine V., Kuteva T. Op. cit. P. 143.

набором непереходных глаголов: *ir* 'идти', *vir* 'приходить', *partir* 'уходить', *morrer* 'умирать'¹⁵⁶, при этом нарастала конкуренция вспомогательных глаголов *ter* и *haver*, сначала с преобладанием *haver* в период до XVI века¹⁵⁷, а затем с глаголом *ter*, восходящим к лат. *tenere* 'держатъ', который в иберо-романских языках является основным способом выражения обладания. В работе Р. Аранович¹⁵⁸ показан процесс постепенного исчезновения перфекта с глаголом *ser* 'быть' в староиспанском. Так, в XIV—XV веках глагол *ser* еще употреблялся с глаголами движения (такими как *llegar* 'прибывать') и с глаголами изменения состояния (*despertar* 'будить'); к этому моменту «бытийная» конструкция с глаголами сохранения состояния типа *quedar* 'оставаться', *holgar* 'отдыхать' уже была утрачена. Предикаты с непереходными глаголами с более явной пациенсоподобной семантикой сохраняли бытийный вспомогательный глагол дольше¹⁵⁹.

Практически аналогичная ситуация складывалась в германских языках. Древнеанглийский перфект образовывался при помощи вспомогательного глагола *beo*- 'быть' от непереходных глаголов и при помощи вспомогательного *habb*-'иметь' от переходных. На протяжении старо- и среднеанглийского периода указанное распределение в целом сохраняется, в период новоанглийского XVI - XVIII вв. осуществляется активная экспансия *have*-конструкций в область непереходных глаголов¹⁶⁰. Таким образом, по мере расширения функций *have* 'иметь' как вспомогательного глагола лексические предпочтения уходящей конструкции со вспомогательным 'быть' в общем соответствовали¹⁶¹ распределению в рассмотренных выше языках Западной Романии.

¹⁵⁶ Вольф Е. М. История португальского языка. – М.: Высшая школа, 1988. – С. 56.

¹⁵⁷ Там же. С. 127.

¹⁵⁸ Aranovich R. The semantics of auxiliary selection in Old Spanish // Studies in language. – № 27. – V.1. – 2003. – P. 1 – 37.

¹⁵⁹ Ibid. P. 25.

¹⁶⁰ Сичинава Д. В. Указ. соч. С. 155.

¹⁶¹ В работе Д. В. Сичинавы (см. Указ. соч. С. 156) показано однако, что сосуществовавшие модели с *have* и *be* от одних и тех же глаголов обнаруживали семантическое распределение, а именно, контексты типа *He is fallen* 'Он упал' имели скорее результативное значение (и сочетались с обстоятельствами точки отсчета типа *now* 'сейчас'), а контексты типа *He has fallen* — собственно перфектное; таким образом, обсуждаемый процесс

2. 2. Центральная и периферийная форма перфекта

Интерес к феномену «неоднородности» систем грамматических показателей в языках мира, характеризующемуся параллельным сосуществованием в каждом синхронном состоянии языка различных «конкурирующих» единиц в результате диахронической эволюции языка, не угасает¹⁶².

Среди грамматических явлений, общих для всех романских и германских языков, одним из наиболее характерных является образование глагольных форм путем сочетания причастия прошедшего времени и вспомогательного глагола «иметь». Последние получили в научных исследованиях различные названия: посессивный перфект, посессивная конструкция, романский перфект, стативный перфект, результативное прошедшее, результативный перфект, перфект II и др. Так, Б. Комри предлагает 4 категории перфекта: 1) результативный перфект (состояние в настоящем как результат ситуации в прошлом); 2) экспериенциальный (эмпирический) перфект указывает на то, что некая ситуация сложилась как

совпал с процессом грамматикализации перфекта как особого значения и отделения его от результата. Данное противопоставление реликтивно сохраняется у некоторых глаголов:

The sun is set/has set 'Солнце село'

He is gone to the market

'Он ушел на рынок (и находится там)'

He has gone to market

'Он (с)ходил на рынок (и вернулся).'

В американском английском проявляется тенденция к вытеснению перфекта в некоторых прототипических контекстах простым прошедшим временем (Past Indefinite) (подробнее см.: Lindstedt J. *The Perfect - Aspectual, Temporal and Evidential // Tense and Aspect in the Languages of Europe / Ed. by Ö. Dahl. – New York: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 365 – 384*).

В современном языке афроамериканцев претерит на *-ed* употребляется во всех перфектных контекстах, при этом развился новый перфект вида *done* + претерит, а перфект с *have* утрачен. – Цит. по: Terry M. *The Simple Past and Present Perfect in Afro-American English // Proceedings to the Conference "Perspectives on Aspect" (The Utrecht Institute of Linguistics OTS: December 12 – 14). – Utrecht: The Utrecht Institute of Linguistics, 2001. Ср. в репликах персонажа афроамериканца в романе Р.П. Уоррена «Вся королевская рать»: "Upstairs - she done gone upstairs - I reckon she done gone to bed - she - "* (Warren, 230) «Наверх – она поднялась вверх – Я решил, что она пошла спать – она...». Ср. также: "You done come a piece", he said (Warren, 82) «Вы приехали издалече».

¹⁶² Об этом свидетельствуют многочисленные работы, среди которых следует отметить:

Lehmann Ch. *Thoughts on grammaticalization: A programatic sketch. – Volume I. – Koln: Institut für Sprachwissenschaft, 1982.*

Nopper P. J. *On some properties of grammaticalization // Approaches to grammaticalization / Ed. by E. Traugott, B. Heine. – Amsterdam: Benjamins, 1991. – Vol. 1. – P. 17 – 35.*

Кашкин В. Б. *Функциональная типология перфекта. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 128 с.*

Кашкин В. Б. *Парадоксы границы в языке и коммуникации. Серия "Аспекты языка и коммуникации". Выпуск 5. – Воронеж: Воронежский государственный университет; Издатель О.Ю.Алейников, 2010. – 382 с.*

минимум один раз в прошлом и привела к настоящей ситуации; 3) персистентный перфект описывает ситуацию, сложившуюся в прошлом, но продолжающуюся до настоящего момента; 4) перфект только что прошедшего (временная близость и актуальность случившегося в недавнем прошлом)¹⁶³.

В свою очередь, среди них можно выделить центральную аналитическую форму перфекта и периферийные аналитические конструкции. В одних случаях периферийная аналитическая конструкция воспроизводит перфектную ситуацию почти таким же образом, как и сама центральная перфектная форма, лишь перенося акцент на те или иные ее элементы и внося дополнительные аспектуальные оттенки, в других случаях она, сохраняя смысловое ядро, состоящее в совмещении двух временных планов – настоящего и прошедшего, отражает перфектную ситуацию своеобразно¹⁶⁴. Отметим, что своеобразие последних особенно ярко проявляется при рассмотрении их с точки зрения выражения залоговых отношений, т. к. семантика перфектной зоны смыслов в таких случаях оказывается на периферии, сдвигая акцент на субъектно-объектную характеристику высказывания (подробнее см. раздел 2. 3.). Подчеркнем, что в нашем исследовании мы стремились найти и уделить большее внимание так называемым «неуклюжим» случаям (англ. awkward cases), которых обычно стараются избегать в синхронических анализах для сохранения стройности картины. Однако именно эти случаи зачастую являются яркими примерами языка в действии, которые показывают перспективы дальнейшего хода развития каждого из взятых для сопоставительного анализа языков.

Одной из особенностей испанского аналитизма является параллельное сосуществование в нем двух основных глаголов с семантикой обладания: *haber* и *tener*. Примечательно, что данный факт отмечается в большинстве известных грамматик испанского языка, но должное освещение эта проблема получила, на

¹⁶³ Comrie B. Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems. – Cambridge, 1976. – P. 52.

¹⁶⁴ Кашкин В. Б. Указ. соч. 1991. С. 88 – 89.

наш взгляд, лишь в работах М. Криадо де Валя¹⁶⁵ и, особенно, в диахроническом исследовании Е.Зайферт¹⁶⁶ ..

Если проследить эволюцию развития рассматриваемой глагольной пары в испанском, то можно отметить прогрессирующую десемантизацию глагола *haber* и превращение его в чисто вспомогательный глагол. *Tener*, в свою очередь, вбирал в себя весь широкий спектр значений семантического поля посессивности и даже стал конкурировать с глаголом *haber* как вспомогательный в сложных временных формах. Причастие при этом согласуется с объектом, в отличие от центральной аналитической формы перфекта, в которой используется инвариантная форма причастия, всегда эксплицируемая мужским родом единственного числа. Однако в староиспанском примерно до конца XV века существовало параллельное функционирование двух конструкций: с согласованным и несогласованным причастием. При этом в несогласованном варианте акцент делался на самом действии, носящем активный центробежный характер¹⁶⁷, т. е. исходящем от субъекта (*sujeto = causa*)¹⁶⁸, ср.: *Mucho preçia la ondra el Cid quell avedes dado*¹⁶⁹ (Cid, 1848); тогда как в случае согласования с объектом на фоне глагольного действия центростремительной направленности имеет место результирующая конструкция, в которой посредством вспомогательного *haber* проведена связь с субъектом (*sujeto = causa*), а посредством согласования причастия проведена связь с объектом (*objeto = efecto*)¹⁷⁰, ср.: *Quando estas dueñas adobadas las ha*¹⁷¹

¹⁶⁵ Criado de Val M. El Verbo español. – Madrid: Editorial S.A.E.T.A., 1969.

Criado de Val M. Fisonomía del Español y de las Lenguas Modernas. – Madrid: Editorial S. A. E. T. A., 1972.

¹⁶⁶ Seifert E. Haber y tener como expresiones de la posesión en español // Revista de Filología Española. – Т. XVII. – Cuaderno 3º- 4º. – 1930.

¹⁶⁷ Своего рода это акциональный перфект – функция, закрепленная в современном испанском за инвариантной конструкцией *haber + participio* с причастием в форме м. р. ед. ч., что предопределено, в свою очередь, самой логикой языка исторически, когда имена еще делились на активный и неактивный классы, к активному относились имена только мужского рода.

¹⁶⁸ Всякое глагольное действие находится между двумя полюсами: начало, исходная точка (= его причина) и конец, предел (= его эффект), которые коррелируют с субъектом и объектом действия как:

causa = sujeto

efecto = objeto

Цит. по: Molho M. Sistemática del verbo español (2 vols). – Madrid: Gredos, 1975. – P. 158.

¹⁶⁹ «Очень ценит Сид ту честь, которую вы ему оказали».

¹⁷⁰ Molho M. Op. cit. P. 159 – 167.

¹⁷¹ букв. «Когда этих женщин угожденными (довольными) их он имеет».

(Cid, 1429). При этом М. Мольо подчеркивает, что особенностью согласованной синтаксической модели, является акцент на *идею обладания*¹⁷². Процесс перехода к инвариантной модели с *haber* совпал в испанском с очень важной тенденцией преимущественного использования глагола *tener* как глагола обладания *por excelencia*, тогда как *haber* сохранил лишь статус выразителя видо-временных оппозиций¹⁷³. Отметим при этом, что глагол *tener*, также играющий роль вспомогательного глагола в конструкциях с причастием, помимо выражения аспектуальных значений, благодаря своей посессивной семантике, обладает и способностью нюансировки субъектно-объектных отношений в предложении. Глагол *haber* сохранил в современном испанском значение обладания только на трансцендентном уровне, когда зарамочный субъект-обладатель равен, по сути, целому *универсуму*, а на поверхностном уровне структура имеет вид экзистенциальной безличной модели *hay* (*alguien/ alguna cosa*)¹⁷⁴.

Таким образом, если представить себе рассматриваемые структуры в виде кристаллической решетки, то можно увидеть, что в периферийной аналитической конструкции связей больше, что говорит о большей взаимосвязи и сцепленности ее актантов – субъектного и объектного, а также о более широком потенциале при выражении S-O отношений.

Первые свидетельства использования конструкции *tener* + *причастие* встречаются уже у авторов XIII века¹⁷⁵. Следует отметить, что в XIV – XV вв., несмотря на стремление культистов вернуть глаголу *haber* его былую значимость, воспрепятствовать росту популярности глагола *tener* в разговорной речи и даже литературной традиции (см. диалоги в “Селестине” Фернандо Рохаса) не удалось¹⁷⁶.

¹⁷² Molho M. Op. cit. P. 168.

¹⁷³ Ibid. P. 182.

¹⁷⁴ Ibid. P. 189 – 190.

¹⁷⁵ Criado de Val M. Op. cit. 1969. P. 303.

¹⁷⁶ Ibid. P. 295.

В португальском языке, равно как и в астурийском диалекте испанского, конкуренция *haver* / *ter* привела к тому, что последний заменяет *haver*, оставляя следы этого явления и в кастильском. Тем не менее, как утверждает Ф. Ханссен, эта конструкция всегда сохраняет в испанском свой особый характер, и «*tengo dicho*» и «*he dicho*» никогда не смешиваются¹⁷⁷. Однако он отмечает, что *tener* не сочетается с причастиями от переходных глаголов: можно сказать *tengo pensado*, но не *tengo comido*¹⁷⁸, что опровергается фактами разговорного языка. Ср.: *El vino que beba hoy, ya lo tiene bebido para cuando se casen*¹⁷⁹ (Jarama, 16).

М. Паива Болео считает причастную конструкцию с *tener* исключительным явлением португальского языка, отмечая при этом, что в кастильском ее можно обнаружить лишь спорадически, и за исключением лусизмов она крайне редко встречается¹⁸⁰.

Р. Куэрво в § 17 своего издания грамматики А. Бельо¹⁸¹ рассматривает употребление субстантивированного причастия с глаголом *tener* как португализм, который «проскользнул» у Луиса де Гранада в одном из пассажей его “*Adiciones de Memorial de la vida cristiana*”: “¿Qué cosa es más fuerte ni más poderosa que la muerte? De quién *no tiene alcanzados triunfos*”¹⁸². И это несмотря на то, что примеры подобного употребления встречаются у Сервантеса, Св. Тересии и у Лопе де Вега.

М. Криадо де Валь, с одной стороны, отмечает, что в языке образованных слоев использование *tener* в подобных случаях весьма ограничено, но при этом подчеркивает, что совсем иная ситуация складывается в языке сельских жителей обеих Кастилий (и, возможно, во всей лингвистической зоне кастильского). Там частотность ее употребления возрастает необыкновенно, превращаясь, в конце концов, в чрезвычайно ярко

¹⁷⁷ Hanssen F. Gramática Histórica de la lengua castellana. – Buenos-Aires: El Ateneo, 1945. – P. 234.

¹⁷⁸ Ibid.

¹⁷⁹ «Вино, которое он выпьет сегодня, у него уже будет выпито, когда они пожениятся» (футуральная функция).

¹⁸⁰ Paiva Boléo M. O Perfeito e o pretérito em português em confronto com as outras línguas românicas. – Coimbra, 1936. – P. 55.

¹⁸¹ Cuervo R. J., Bello A., Gramática de la lengua castellana. – Buenos Aires: Sopena, 1954.

¹⁸² «Что может быть сильнее и могущественнее смерти? Кого она не сделала своим трофеем?»

выраженный признак, характерный для народной речи Мадрида и его окрестностей¹⁸³. Ср.: *Quién sabe los encuentros que nos tiene reservada la noche!*¹⁸⁴ (De Prada, 262)

В народной речи главной отличительной чертой рассматриваемой периферийной конструкции с *tener* является ее *итеративный характер*. М. Криадо де Валь¹⁸⁵, отмечая этот факт, приводит в качестве примера отрывок из пьесы Х. Бенавенте “*Todos somos unos*”, в которой автор имитирует типичную для жителей Мадрида речь: “*Si la temporá que yo estuve en el punto, la tengo llevá mil veces a cuarenta sitios peor que éste*”¹⁸⁶. В этом примере тот факт, что действие повторялось, подчеркивается использованием конструкции *tener* с причастием и усиливается словосочетанием *mil veces*. Ср. также: *Yo también lo tengo oído, pero serán mentiras, invenciones de la gente*¹⁸⁷ (Reina, 18). Кроме рассматриваемой нами конструкции на повторяемость действия здесь косвенно указывает еще и множественное число существительных *mentiras* «вранье», *invenciones* «выдумки».

В современном разговорном языке распространенность данной модели уже нельзя ограничивать исключительно областью Мадрида и его окрестностей, тем не менее, конструкция *tener* + *причастие* в испанском до сих пор имеет нечеткий грамматический статус. В большинстве грамматик о ней упоминается, но уделяется очень мало внимания, объясняя это ее маргинальным статусом. Симптоматичным является тот факт, что в отечественных грамматиках испанского языка рассматриваются только основные ее функции, при этом случаи употребления с интранзитивным глаголом, случаи несогласованности с объектом игнорируются. Так, в теоретической грамматике О. К. Васильевой-Шведе и Г. В. Степанова¹⁸⁸ отмечается, что видовая глагольная форма *tener+participio* образуется только с

¹⁸³ Criado de Val M. Op. cit. 1969. P. 70 – 77.

¹⁸⁴ «Кто знает, какие встречи заготовила для нас ночь!»

¹⁸⁵ Criado de Val M. Op. cit. 1969. P. 77.

¹⁸⁶ «Ведь когда я занимался извозом, я возил ее в кучу мест похуже этого...».

¹⁸⁷ «Я тоже слыхивала об этом, но это, наверное, вранье, выдумки людей».

¹⁸⁸ Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи: Учебник. – 2 изд. – М.: Высшая школа, 1972. – С. 169.

причастиями переходных¹⁸⁹ глаголов. Тем не менее, посессивные сочетания с причастиями непереходных глаголов возможны и здесь. Ср.: *tener uno andado* (= “*haber adelantado algo en un asunto*”) «преуспеть в каком-то деле»¹⁹⁰.

Дело в том, что значительная часть исследований по функционированию вспомогательных глаголов в испанском посвящена инфинитивным и герундиальным конструкциям, тогда как причастные зачастую игнорировались. Это происходило, видимо, потому, что анализ последних предполагает необходимость решения дополнительных вопросов, таких как разграничение функций причастия и прилагательного, относительно свободный порядок слов и др. В числе исключений, среди работ последних десятилетий, выделяется монография К.Е. Харре¹⁹¹, в которой ведется параллельный диахронический анализ и отмечается синхроническая вариативность современного употребления модели *tener + participio* в языках Пиренейского п-ва. Тем не менее, в монографии освещаются, в основном, аспектуальные нюансы функционирования последней, в то время как вопросы, связанные с залоговым статусом конструкции, остаются без должного освещения. Так, согласно автору¹⁹², в современном испанском большая часть случаев, выражающих «точечное» действие в прошлом выражается простым претеритом, для выражения итеративного или дуративного действия в прошлом используется модель *tener + инвариантная форма причастия*, сложный перфект *haber + participio* используется редко, в основном, в тех случаях, когда следует подчеркнуть связь прошедшего действия с настоящим; *tener + согласованное причастие* выступает в функции результативной конструкции и итеративной, однако, например, информанты из Овьедо в

¹⁸⁹ С теоретической точки зрения деление испанских глаголов на переходные и непереходные в качестве синтаксического критерия нельзя считать удовлетворительным, так как отнесение глагола к тому или иному классу весьма относительно. Как известно, в системе общеиндоевропейского глагола большую роль играло иное разграничение, лишь отчасти соприкасающееся с оппозицией переходность / непереходность, а именно разграничение между глаголами действия и состояния. Основным семантическим признаком глаголов состояния служила стательность в сочетании с инактивностью субъекта. – Цит. по: Тронский И. М. Указ. соч. С. 91.

¹⁹⁰ Diccionario de Real Academia Española. – Madrid: Espasa Calpe, 1999.

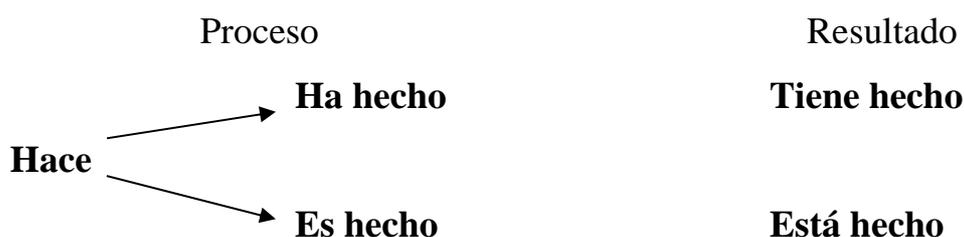
¹⁹¹ Harre C. E. *Tener + Past Participle: A Case Study in Linguistic Description*. – Routledge, 1991.

¹⁹² Ibid. P. 155.

последней функции отдали предпочтение только модели с несогласованным причастием¹⁹³. Другими словами, в испанском языке конструкция *tener* + причастие имеет следующие значения:

- чистое состояние в текущий момент;
- состояние близкое к результату;
- каузативное действие;
- собственно действие (с тенденцией к итеративности);

Б. Потье проводит контраст между результативным состоянием конструкции *tener* + причастие и конструкцией *haber* + причастие, выражающей действие, приведшее к этому состоянию. Он также связывает эти два глагола с двумя другими базовыми глаголами испанской глагольной системы: *ser* и *estar*. *Ser* с тем же причастием представляет собой пассивную интерпретацию действия, так называемый «пассив действия», *estar* + причастие – состояние, в котором сейчас находится субъект в результате произведенного над ним действия, т. е. «стативно-результативный пассив». Согласно Потье, *ser* и *haber*, образуют основные разновидности моделей, в фокусе которых нюансы протекания процесса (залог и аспект (зд.: завершенность)), а *estar* и *tener* служат для того, чтобы передать нюансы внешние по отношению к процессу (результатив)¹⁹⁴. Ср. его схему:

Рока Понс также иллюстрирует разновидности моделей с четырьмя глаголами¹⁹⁵:

a. *He pintado* la casa.

¹⁹³ Ibid. P. 158 – 159.

¹⁹⁴ Pottier B. Sobre el concepto de verbo auxiliar // Nueva Revista de Filología Hispánica. – № 15/3 – 4. – 1961. – P. 327.

¹⁹⁵ Roca Pons J. Estudios sobre perífrasis verbales del español // Revista de Filología Española. – Anejo 67. – Madrid, 1958. – P. 121 – 122.

- b. La casa *ha sido pintada*.
- c. *Tengo pintada* la casa.
- d. La casa *está pintada*.

Попытка разграничить сферы функционирования *tener* + причастие и *estar* + причастие дана в исследовании К. Харре¹⁹⁶ несколько неубедительно.

Ср. примеры:

- 1a) *Tengo vigilada* esta casa muchas veces.
- 1b) * La casa *está vigilada* muchas veces.
- 2a) Me *tiene contadas* muchas historias.
- 2b) * Muchas historias me *están contadas*.
- 3a) *Tengo recorridos* muchos kilómetros.
- 3b) * *Muchos kilómetros* están recorridos.

Автор объясняет невозможность употребления *estar* в вышеприведенных примерах с прагматической точки зрения, подчеркивая, что замысел говорящего в фокусировании внимания на предшествующем действии, а не на состоянии. При этом, общий элемент этих конструкций (квантитативное сочетание с наречием *mucho*) как показатель итеративности (и как следствие более сильный аргумент в пользу конструкции с *tener*) по непонятным причинам упускается из виду.

Важнейшим факультативным признаком настоящей конструкции является акцентированная грамматическими средствами агентивная роль субъекта-обладателя, что особенно хорошо прослеживается в разговорной речи при введении в структуру высказывания косвенных местоименных дополнений (*me, te, se, le, les, nos, os*), которые, как и сам посессивный глагол, «втягивают» объект (либо результат действия над объектом) в сферу субъекта. Ср.: *Zorros, ya ves, de esos me tengo trincados lo menos cuatro o cinco...*¹⁹⁷ (Ferlosio, «Dientes, polvora, febrero»).

¹⁹⁶ Harre C. E. Op. cit. P. 140 – 141.

¹⁹⁷ «Лис-то, видишь, я подстрелил (= настрелял) как минимум четыре-пять (букв.: от этих мне имею подстреленными...)».

Следует также добавить несколько слов о сочетаемости *haber* с причастием *habido*. М. Криадо де Валь рассматривает это сочетание как явление архаичное, еще вполне обычное в старых памятниках. Так, в тексте «Селестины» Фернандо Рохаса: *Segun venimos alterados e cansados del enojo que hauemos hauido*. (*Celestina*, II, Actos 2º. – 16.)¹⁹⁸. Вопреки высказанному М. Криадо де Валем заключению о том, что модель *haber habido* вышла из употребления, отметим, что в современном испанском языке она встречается достаточно часто. Ср.: *Esta vez le tocó a Daniel y tenía una cruz. Lo jalearon: – ¡Ha habido suertecilla, Daniel!*¹⁹⁹ (*Jarama*, 74). Ср. также: *Después quedó vacía casi siempre, al principio porque no había quien la ocupase, y más tarde, cuando podía haber habido alguien, porque este alguien prefirió siempre la cocina...*²⁰⁰ (*FPD*, 30).

С точки зрения прагматики функционирования глагольной пары *haber / tener* как вспомогательных глаголов в образованиях с причастием весьма показателен следующий пример, в котором при одном и том же причастии говорящий использует разные вспомогательные глаголы. Ср.: *Los ha recojido Barberina la Prisca, una viuda lavandera, que también a mi me tiene recojido*²⁰¹ (*Valle-Inclán*, 39). Ясно, что в первом случае говорящий, отвечая на заданный вопрос (типа: Куда подевались нищие?), сообщает о факте ему известном, и в центре его внимания действие в собственном смысле (т. е. акциональный перфект). Далее говорящий сообщает уже о себе, что предполагает информацию о его личных интересах в рамках данной ситуации, поэтому, чтобы акцентировать внимание слушателя на этом моменте, он выбирает активно-объектную модель (посессивный результатив), описывая состояние субъекта, оказавшего ему определенную услугу. Попутно отметим, что одновременное использование здесь предложной и беспредложной формы местоименного дополнения может рассматриваться как усиление субъективной

¹⁹⁸ Criado de Val M. Op. cit. 1969. P. 70 – 77.

¹⁹⁹ «На этот раз был черед Даниеля, и у него оказался крестик. Ему захлопали: – Свезло, Даниель!».

²⁰⁰ «Затем она (комната) почти всегда пустовала, поначалу потому что некому было в ней жить, а позднее, когда и мог бы быть кто-то, потому, что этот кто-то всегда предпочитал кухню...».

²⁰¹ «Их подобрала Барберина ла Приска, вдова-прачка, которая и меня вот тоже приютила».

оценки говорящего. Подобное сочетание носит обычно определенный дифференцированный характер и почти всегда подчеркивает некую исключительность объекта (*a mi sí, pero al otro no...*)²⁰².

Западнее зоны распространения кастильского, в *астурийском*, многими авторами отмечалась общая тенденция к использованию простых временных форм, в частности претерита, в тех случаях, когда в общенациональном варианте испанского отдается предпочтение составным формам прошедшего²⁰³. Тем не менее, следует подчеркнуть, что во всех случаях отрицания использования составных форм в астурийском имеется в виду конструкция *haber* + *причастие*. Некоторые авторы все же отмечают использование модели *tener* + *причастие* в диалектах региона, однако все приводимые примеры²⁰⁴ передают итеративное значение. В другом исследовании²⁰⁵ указывается на то, что в астурийском конструкция *tener* + *причастие* подверглась значительно большей грамматикализации, чем в кастильском испанском. Согласно исследованию Е. Зайферт²⁰⁶, «в современном астурийском, равно как и в португальском, в качестве вспомогательного функционирует почти исключительно глагол *tener*». В работе К. Харре²⁰⁷ на основе опроса информантов из Овьедо делается вывод о том, что в испанском астурийской зоны модель *tener* с согласованным причастием используется весьма неохотно, и предпочтение отдается конструкциям с инвариантной формой причастия. Исключение составляют случаи, когда контекст указывает на то, что действие, ставшее причиной

²⁰² Monzón C. Hacia una aclaración de la función dativo en español // RSEL. – № 14/1. – 1984. – P. 63 – 70.

²⁰³ О редком использовании здесь форм перифрастического перфекта см. в следующих работах:

Menéndez Pidal R. El dialecto Leonés // Revista de Archivos, Bibliotecas y Museos. – № 14. – 1906. – P. 310-311.

García Álvarez M. T. Morfología verbal en el bable de Bimenes // Archivum. – Vol. 10. – Universidad de Uviéu: Facultad de Filología, 1960. – P. 405 – 424.

²⁰⁴ Millán Urdiales J. El habla de Villacidayo (León) // Anejo del Boletín de la Real Academia Española. – № 13. – Madrid, 1966. – P. 174-175.

²⁰⁵ Yllera A. Sintaxis histórica del verbo español: las perífrasis medievales. – Zaragoza: Prensas Universitarias de Zaragoza, 1980. – P. 285.

²⁰⁶ Seifert E. Op. cit. P. 383.

²⁰⁷ Harre C. E. Op. cit. P. 128-131.

результатирующего состояния, продолжается и будет продолжаться в будущем. Ср. контрастные примеры²⁰⁸:

(1) *Tiene perdidos cinco kilos y espera perder más*²⁰⁹.

(1a) *Tiene perdido cinco kilos pero después engordó diez*²¹⁰.

Таким образом, в кастильском на территории Астурии, и в меньшей степени в самом астурийском диалекте, в отличие от португальского, в котором функционирование конструкции с согласованным причастием ограничивается только выражением результатирующего состояния, а примеры типа (1) невозможны, сфера употребления последних шире, но все же более ограничена по сравнению с общенациональным вариантом испанского языка.

В каталанском языке также есть два глагола с семантикой обладания *haver* и *tenir*, однако параллелизм их функционирования развился далеко не так мощно, как в испанском. Более того, обращает на себя внимание тот факт, что монографии, посвященные глагольной системе каталанского языка²¹¹, содержат в своем названии или в оглавлении только три базовых глагола (*ésser*, *estar* и *haver*), а глагол *tenir* упоминается лишь спорадически. Последний, восходя к латинскому '*tenere*', на протяжении становления иберо-романского синтаксиса играл весьма значительную роль в этих языках, однако в каталанских грамматиках он рассматривается только как атрибутивный (термин Анфос Пар – *verb atributiu*)²¹². При этом причастные модели с глаголом *haver* с объектом, выраженным местоименной клитикой, еще имеют при себе согласованную форму причастия, ср.: кат. *les havia comprades...* (La plaza del Diamant, 55), что является одним из свидетельств того, что эволюция глагольной системы каталанского находится на более ранней ступени, чем испанского.

²⁰⁸ Ibid. P. 131.

²⁰⁹ «Она сбросила 5 килограммов и надеется похудеть еще больше».

²¹⁰ «Она сбросила 5 килограммов, но потом растолстела на десять».

²¹¹ Vallcorba i Rocosa J. Els verbs ésser i estar en català. – Barcelona: Ed. Curial, 1978.

Ramos Alfajarín J. R. Ésser, estar i haver-hi en català antic: estudi sintàctic i contrastiu. – València: Universitat de València, 2000.

²¹² Par A. Sintaxi Catalana segons los escrits en prosa de Bernat Metge (1398). – Halle (Saale): Max Niemeyer, 1923. – P. 120.

В современном каталанском конструкция *tenir* + причастие функционирует в рамках тех же правил, что и в испанском, однако узуально значительно менее употребительна. Как отмечает А.М. Бадиа-и-Маргерит²¹³, перифрастическая конструкция *tenir* + причастие в этих языках добавляет к основному перфективному значению завершенности и предшествования оттенок «резолютивности»²¹⁴ (ср. исп. *resolutivo* – у Бадиа Маргерит), которого нет в конструкции с *haver*, ср. кат.: ср.:

кат. 1a: *Aquest llibre el tinc demana*²¹⁵

1 b: *L'he demanat*²¹⁶

исп.: 2a: *Este libro lo tengo pedido*

2b: *Lo he pedido*²¹⁷

При этом подчеркивается, что рассматриваемая конструкция не обладает тем богатством оттенков, которым отличается аналогичная модель в испанском²¹⁸. Тем не менее, о более ограниченном функционировании рассматриваемой конструкции в каталанском в работах других исследователей²¹⁹ ничего не сообщается. С исторической точки зрения, как показано в работе Е. Зайферт²²⁰, развитие конструкции *tenir* + причастие в каталанском языке схоже с испанским. Е. Зайферт выделяет две большие группы: (1) модели, в которых *tenir* сохраняет свое исходное значение «держать» и (2) модели, в которых *tenir* играет более грамматикализованную роль в предложении. Модели первой группы – объектные конструкции, так или иначе обозначающие, что «некто или некто, находится / пребывает во власти субъекта (спрятано, заключено в тюрьму или лишено свободы, держится наготове, под защитой и т.п.)». Ср.: кат. (1.1) ... *en la cual [cova] un pastor tenia amagada una fembra*²²¹; (1.2) *i a vos res no*

²¹³ Badia i Margarit A. M. Op. cit. 1962. P. 396 – 397.

²¹⁴ Т. е. имеет характер решительного, волевого действия, с явной акцентуацией субъектного начала.

²¹⁵ «Эта книга у меня заказана».

²¹⁶ «Я ее заказал».

²¹⁷ Здесь перевод испанских примеров аналогичен каталанским.

²¹⁸ Badia i Margarit A. M. Op. cit. 1962. P. 397.

²¹⁹ Moll Francesc de B. Gramàtica històrica catalana. – Madrid: Gredos, 1952.

Gili y Gaya S. Curso superior de sintaxis española. – México: Minerva, 1943.

²²⁰ Seifert E. Op. cit. P. 1957-58.

²²¹ «...которой [в пещере] пастух прятал (букв. ‘держал спрятанной’) женщину».

*tenia cellat*²²²; (1.3) ...manà a l'amirall... que tota ora tengués cinquanta galees adobades e aparellades²²³. Во второй группе моделей - как объектные (см. ниже пример 2.1), так и субъектные (см. ниже пример 2.2) и псевдосубъектные (см. ниже пример 2.3) образования с *tenir*, однако внимание на субъектно-объектной характеристике этих моделей не акцентируется, отмечается лишь, что рассматриваемые модели носят более экспрессивный характер по сравнению, например, с конструкцией *estar* + причастие. (О связи *tenir* и *estar* в каталанском см. подробнее далее в разделе 2.3.). Кроме того подчеркивается дуративная природа таких моделей. Тем не менее, и первое и второе значение имело тенденцию к постепенному исчезновению по мере расширения сферы употребления конструкции и сближению с функцией вспомогательного глагола в перфектных образованиях. Ср.: кат. (2.1) *En l'any 733 après de la traició del Comte Julià, com molts tenen escrit que los moros ... ocupàren tota la Hesperia*²²⁴; (2.2) *La cara tinch embotornada ab les arpes del gat*²²⁵; (2.3) *Curial viu que tots los camins que solia tenir uberts li eran tancats*²²⁶. Рока Понс отмечает также, что в старокаталанском *tenir* в конструкции с причастием передает значение «актуальности интереса к прошедшему и завершённому действию»²²⁷.

С хронологической точки зрения, конструкция *tenir* + причастие встречается в каталанских памятниках XIII – XIV века (труды Рамона Льюлля), частотна в поэзии XV века, затем спорадически обнаруживается в каталанских текстах вплоть до настоящего времени, что позволяет К. Харре сделать вывод о том, что, несмотря на определенное сходство в развитии этой конструкции в староиспанском и в старокаталанском, в последнем она не нашла «твердой опоры» и постепенно частотность ее употребления практически сошла на нет, во всяком случае, на фоне широкого спектра разнообразных моделей с

²²² «...я от Вас ничего не скрывал».

²²³ «...он приказал адмиралу постоянно держать в полной боевой готовности пятьдесят галер».

²²⁴ «В 733 году после предательства графа Жулиана, как писали многие, мавры... захватили всю Испанию».

²²⁵ «Лицо у меня распухло от кошачих царапин».

²²⁶ «Куриаль увидел, что все те дороги, что были обычно перед ним открыты, теперь для него закрыты».

Примеры цит. по.: Seifert E. Op. cit. P. 1958.

²²⁷ Roca Pons J. Verbs auxiliars afins a estar en català antic // Estudis romànics. – № 6. – 1957. – P. 165-166.

конструкцией *tener* + причастие в современном испанском²²⁸.

Если каталанский представляет собой так называемый *язык-мост* («puente») между иберо-романскими и галло-романскими языками²²⁹, то *кастильский вариант испанского языка* является своего рода «кузницей» грамматических форм иберо-романских языков, аккумулируя тенденции соседних языков и оставаясь открытым в смысле вариативности слово- и формоупотребления.

Резюмируя выше сказанное можно утверждать, что функционирование *согласованной / несогласованной* причастной конструкции с глаголом обладания представляет собой своего рода континуум, ограничения на ее употребление возрастают на периферии иберо-романского ареала, тогда как в центре наблюдается максимально широкая вариативность. Так, условно двигаясь по лингвистической карте Пиренейского п-ва с востока на запад можно отметить следующее: *каталанский* (узуально ограниченное употребление) → *испанский* (самый широкий спектр употребления) → *астурийский* (согласованная модель в итеративной функции не употребительна, только в случаях указания на дальнейшее продолжение действия/состояния в будущем)²³⁰ → *галисийский* (сочетание тенденций, наблюдаемых в соседних языках, однако, чем ближе к границе с португальским, тем более четкое противопоставление: 1) *ter* + *несогласованное причастие м. р. ед.ч.* передает значения дуративного/итеративного перфекта; 2) *ter* + *согласованное причастие* – результативное состояние²³¹) → *португальский* (только при ясном указании на текущее результативное состояние)²³².

Отмеченная тенденция параллельна тенденции замещения глагола *habere* глаголом *tenere* в причастной конструкции. Это целый континуум от

²²⁸ Harre C. E. Op. cit. P. 133.

²²⁹ Badía i Margarit A. M. Fisiognómica comparada de las lenguas catalana y castellana / A. Badía Margarit, Luis Pericot García. – Barcellona: Real Academia de Buenas Letras de Barcelona, 1955. – P. 22 – 23.

²³⁰ Harre C. E. Op. cit. P. 159, 166.

²³¹ Ibid. P. 127;

Paiva Boléo M. Op. cit. P. 13 – 15.

²³² Harre C. E. Op. cit. P. 166.

Средиземноморья к Атлантике: южные диалекты Италии – каталанский – испанский – астурийский – галисийский – португальский. При этом наибольшая вариативность наблюдается опять-таки в испанском – это как бы «иборо-романский котелок», где «варится» языковая материя. О функционировании *tenere* в южноитальянских диалектах, где нельзя еще говорить о полной замене *avere* глаголом *tenere*, и о том, что на побережье Средиземного моря прослеживается лишь первая фаза развития процесса этого замещения, которое входит в свою максимальную фазу уже на побережье Атлантики в португальском, писал Г. Рольфс²³³.

2. 3. Диатезные типы аналитического перфекта и результатива.

Как уже было отмечено выше, в перфектной ситуации речь идет о состоянии актанта в результате предшествующего действия. По соответствиям между субъектом состояния и актантами предшествующего ему действия различаются два основных диатезных типа результативного перфекта (результатива – по терминологии В. П. Недялкова и С. Е. Яхонтова²³⁴) – *субъектный* (I) и *объектный* (II). В случае субъектного результатива субъект состояния соответствует субъекту предшествующего действия, в случае объектного – его объекту. При этом в случае субъектного результатива, действие предшествующее состоянию не является переходным, т. е. не выходит из сферы субъекта. Возможен и двудиатезный результатив, в котором грамматическое подлежащее может в равной степени соответствовать как субъекту, так и объекту предшествующего действия²³⁵, ср.: исп. *está enamorado* “он влюблен” (субъектный результатив) ← *Se ha enamorado* (de alguna persona) “Он влюбился”; *el techo está pintado* “потолок покрашен” (объектный

²³³ Подробнее см. Rohlfs G. Op. cit. Sec. 733.

²³⁴ Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Указ. соч.

²³⁵ Там же. С. 9.

результатив или статив)²³⁶ ← (Alguien) *ha pintado el techo* “(Некто) покрасил крышу”; *está vestido* “он одет” (двудиагезный результатив) ← 1) *Se ha vestido* “Он оделся”; ← 2) *La madre le ha vestido (al niño)* “Мама его (ребенка) одела”.

Существуют также предложения, в которых субъект состояния (выраженный неодушевленным существительным в функции подлежащего) соответствует не собственно субъекту и объекту предшествующего действия, а другому его актанту, например, обстоятельству или косвенному дополнению со значением места (*локативный результатив*) или адресата (*адресатный результатив*). Такой результатив А.А. Холодович предлагает назвать *косвенно-объектным* и приводит пример локативного результатива из японского языка: япон. *Кисен-ва кяку-о носэ-та и-ру* – букв. ‘Пароход (подлеж.) имеет погруженными на себе пассажиров (прям. доп.)’²³⁷. Ср. в исп.: *La llamábamos así (la sala de Ayuda) porque sus muros tienen grabada de suelo a techo una misma aleya, que inicia esa palabra con reiteración*²³⁸...(Manuscrito, 85)²³⁹.

Стройная, с точки зрения функциональной типологии, схема анализа требует в нашем случае более детального подхода и решения целого ряда вопросов, связанных с уточнением качественной характеристики как именных (1,2), так и глагольных (3,4) элементов конструкций, а именно:

- 1) характеристика субъекта (реальный / фиктивный; активный / неактивный; одушевленный / неодушевленный и т. п.);
- 2) характеристика объекта (отторжимая / неотторжимая принадлежность; одушевленный / неодушевленный; кванторные характеристики имени или именной синтагмы и т. п.);

²³⁶ Настоящую модель следует, тем не менее, отделять от *el techo es pintado* - пассивное образование, прямо указывающее на опущение реального агенса, в стативных предложениях не являющегося рематическим: в центре прагматического внимания – состояние крыши.

О различии здесь см.: Зеликов М. В. Указ. соч. 2005. С. 9, 154, 170, 177 - 179.

²³⁷ Холодович А. А. Указ. соч. С. 141.

²³⁸ Попутно заметим, что использование автором конструкции *tener+participio*, одной из функций которой является выражение аспектуального значения повторяемости действия (см. об этом выше в разделе 2.2 настоящей работы), обусловлено также и обстоятельственной синтагмой *con reiteración* «повторяясь».

²³⁹ “Мы называли ее зал Помощи, потому что на стенах ее от пола до потолка написано одно и то же изречение, которое начинается с этого слова...”, (букв.: ‘ее стены имеют выгравированной надпись’).

- 3) диатеза глагола (*субъектная* или *объектная*), от которого образовано причастие (во избежание ошибочных интерпретаций, обусловленных нечеткостью критерия *переходность / непереходность* глагола, а также еще более расплывчатым определением «*возвратный*» глагол в связи с полифункциональностью частицы *se* в испанском языке)²⁴⁰;
- 4) семантический класс глагола, от которого образовано причастие (глаголы движения / чувственного восприятия / адресации / смены possessora и т. п.).

Анализируя функционирование моделей *stare* + причастие и *tenēre* + причастие в романских языках К. Харре, считает, что, как только в этих языках устанавливается понятие результативного состояния как самостоятельной аспектуальной категории, неудивительно, что начинают активно развиваться обе залоговые формы, как пассивная, так и активная²⁴¹. Кроме того, функционирование этих двух форм интенсифицируется, развиваясь на контрасте с двумя другими: *habēre* + причастие и *essere* + причастие, в результате чего возникают две новые пары оппозиций, как, например, в испанском: *tener / haber* + причастие и *ser / estar* + причастие, являющихся стержневыми элементами глагольной системы иберо-романских языков и порождающих следующие типы корреляций:

1. по линии бытийности / обладания на уровне диахронии: *ser / haber*;
2. по линии бытийности / обладания на уровне синхронии: *haber / tener*;
3. по линии локативность / обладание: *estar / tener*;
4. по линии абстрактность / конкретность: *ser / estar*;

Указанные корреляции базовых глаголов можно представить также в виде континуума. Так, *ser* может коррелировать с *estar*, который, в свою очередь,

²⁴⁰ Полная парадигма моделей с *se* представлена в:

Зеликов М. В. Происхождение и статус наиболее частотных иберо-романских неопределенно-личных моделей с глаголом в III лице // Древняя и Новая Романия. – Т. 12. – № 2. – 2013. – С. 49 - 78.

Зеликов М. В. Происхождение и референция неопределенно-личных моделей в иберо-романских языках // Древняя и Новая Романия. – Т. 13. – № 1. – 2014. – С. 169 – 189.

²⁴¹ Harre С. Е. Op. cit. P. 145.

может коррелировать с *tener*, *tener* может коррелировать с *haber*, а *haber* может коррелировать с *ser* (замыкая тем самым цепочку корреляций сам на себя). Таким образом, развитие двух линий посессивности (*tener/haber*), тесно переплетающихся с экзистенциальными (*ser/estar*), расширяет границы классической бинарной схемы «быть»/«иметь» до четырех «гнезд», раскрывающих дополнительные нюансы субъектно-объектных отношений в иберо-романских языках²⁴².

Что касается каталанского, то вопросы функционирования базовых глаголов освещены в исследованиях Ж. Рока Понса²⁴³, Ж. Валькорба-и-Рокосы²⁴⁴ и др. Так, отмечается, что при неодушевленном субъекте выбирается глагол *estar* в том случае, когда указанный предмет (вещь) находится в указанном месте или пребывает в указанном состоянии по воле (замыслу) некоего агента, при условии, что эта воля эксплицитно выражена. В противном случае используется глагол *ésser*²⁴⁵. В более поздней работе того же автора²⁴⁶ подчеркивается, что, «учитывая корреляцию глаголов *estar / tenir* предложение *Moltes cases i cambres estaven buides*²⁴⁷ - это пассивная перифраза активной модели предложения *El mercader i la seva companyia tenien buides moltes cases i cambres*²⁴⁸. Автор считает понимание этого факта краеугольным для всей глагольной системы каталанского, учитывая, что, за исключением sporadических случаев, глагол *estar* в каталанском, в отличие от испанского, *совсем не имеет локативного значения*; а состояние всякий раз рассматривается как результат действия активного субъекта²⁴⁹. При этом следует подчеркнуть, что использование здесь грамматически возможных моделей с экзистенциальными *esser/haver* прагматически является неоправданным, ср.: *Hi havia moltes cases i cambres buides*, букв. ‘там имелось

²⁴² Zélikov M. V. Op. cit. 2007. P. 105 – 116.

²⁴³ Roca Pons J. Op. cit. 1957.

²⁴⁴ Vallcorba i Rocosa J. Op. cit. 1978.

²⁴⁵ Ibid. P. 54 – 55.

²⁴⁶ Vallcorba i Rocosa J. Op. cit. 2010. P. 436.

²⁴⁷ «Многие дома и комнаты были пусты».

²⁴⁸ «У риэлтора и его компании многие дома и комнаты были пусты», букв. ‘дилер и компания имели пустыми многие комнаты и дома’

²⁴⁹ Ibid. P. 437.

много пустых домов и комнат' и *Moltes cases i cambres eren buides*», букв. 'многие дома и комнаты были пустые'. В этих примерах имеется лишь констатация непосредственно наблюдаемого факта, эксплицируемого как следствие при полной элиминации причинного компонента. Каузация (зд. предшествующее действие активного субъекта) при этом исключается.

Первостепенный интерес в ракурсе нашего исследования представляет так называемый «посессивный» тип, при котором субъект состояния равен «субъекту»/агенсу предшествующего действия, выраженного объектным глаголом, ср. в русск.: 'я держу шляпу' < 'я взял шляпу'. Этот тип «играет особую роль в эволюции результата к перфекту», *по мере того как уменьшается роль объекта, находящегося в результирующем состоянии, и увеличивается роль субъекта*²⁵⁰. Ср. : исп. *Os tenemos comida la moral y por eso protestáis* (Jarama, 171)²⁵¹.

В испанистике вопрос о выявлении полной парадигмы возможных значений конструкции *tener + participio* и ее коррелятов до сих пор остается открытым. Большинство исследователей ограничивается рассмотрением видо-временных особенностей синтаксических образований *tener* с причастием, в то время как их залоговым характеристикам уделяется недостаточное внимание. Одним из немногочисленных исключений являются работы В. Б. Кашкина²⁵², посвященные выявлению различных конфигураций субъектно-объектных отношений в основных языках Западной Европы. Автор дает подробную классификацию результативных конструкций на материале 5 западноевропейских языков, основное внимание сосредотачивая на аспектуальных характеристиках. Предпринимая попытку дополнения освещаемых В. Б. Кашкиным вопросов, мы сконцентрируемся на рассмотрении собственно субъектно-объектных отношений²⁵³. Так, исходя из относительно

²⁵⁰ Недеялков В. П., Яхонтов С. Е. Указ. соч. С. 17.

²⁵¹ «Мы вас поприжали, вот вы и протестуете» (об игре в домино), букв. 'Вам (мы) имеем съеденным игровой кураж, поэтому вы и протестуете'

²⁵² Кашкин В. Б. Указ. соч. 1991; 2010.

²⁵³ О значимости изучения субъектно-объектных отношений при исследовании грамматического уровня иберо-романских языков подробнее см.: Зеликов М. В. Указ. соч. 1985; 2005; 2010; 2014.

релевантного для иберо-романских языков критерия транзитивности, объектный глагол *prohibir* «запрещать» и субъектный *olvidar* «забывать» помещаются в одно и то же гнездо таблицы систем испанского результата²⁵⁴, в котором субъект-посессор оказывается равным агенту предшествующего действия, ср.: *lo tengo olvidado / lo tengo prohibido*. Между тем, трехактантный *prohibir* (а также *impedir, ordenar* и т. д.) в сочетании с *tener* может указывать на обратную субъектно-объектную зависимость. Ср.: Como [la criada] *tenía ordenado* que no anduviera por la casa durante las comidas <...> tampoco se atrevió a unirse al murmullo del grupo a la puerta del cuarto de baño²⁵⁵... (J. Marías, 16). Подобные примеры могли бы быть объяснены, исходя, как минимум, из двух фактов семантико-синтаксического свойства, указывающих на их пассивную интерпретацию: 1) семантически они относятся к группе так называемых адресатных глаголов, а 2) субъект характеризуется по признаку «активность-неактивность», т. е. даже без зависимости от роли контекста²⁵⁶.

К адресатным глаголам относятся трехместные единицы типа *ordenar, prohibir, recomendar* и т. п., требующие обязательного заполнения валентности адресата, обычно кодируемого дательным падежом. В вышеприведенном примере адресат выражен в грамматическом субъекте (*la criada*), таким образом, здесь имеет место синкретизм падежных функций датива и номинатива в результате стяжения двух пропозиций²⁵⁷: (*la criada*) *tiene ordenado* ← 1) *le está ordenado* (algo) + 2) (*ella*) *tiene el orden*²⁵⁸. Ср. также модель косвенно-объектного результата в английском: *I've been told that...*²⁵⁹. Отмеченные факты позволяют заключить: 1) при наличии эксплицитно выраженного адресата в структуре высказывания с конструкцией

²⁵⁴ Кашкин В. Б. Указ. соч. 1991. С. 100.

²⁵⁵ «Так как *ей* [горничной] *было велено* не шататься по дому во время застолий, то она и не осмелилась вмешаться в разговор собравшихся у дверей ванной комнаты».

²⁵⁶ О релевантности первого признака при рассмотрении смежной с настоящей проблемой т.н. дательного посессивного в русском языке см.: Рахилина Е. В. Отношение принадлежности и способы ее выражения в русском языке (дательный посессивный) // Научно-техническая информация. – Серия 2. – № 2. – 1982. – С. 28.

²⁵⁷ Потехина А. А. Из записок по русской грамматике. Том IV: Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 318 с.

Степанов Ю. С. Указ. соч. 1989.

²⁵⁸ О влиянии фактора компрессии здесь см.: Зеликов М. В. Указ. соч. 2005. С. 196 – 213.

²⁵⁹ «Мне сказали (букв. 'я был сказан'), что...». – Цит. по: Кашкин В. Б. Указ. соч. 1991. С. 101.

tener+participio и соответствующей семантикой глагола предложение следует интерпретировать как личное, с активной залоговой характеристикой (= «Она приказала (кому-то)...»); 2) в случае импликации (адресатом является грамматический субъект, реальный субъект не выражен) имеет место формирование неопределенно-личных предложений (= «Какие-то люди (=некто) приказали ей...» → «ей было приказано»).

Недостаточное внимание к конструкциям аналитического перфекта, синтаксические особенности которых не позволяют без предварительного анализа решить, что обозначает именная форма, «управляемая» перфектом: агенс, осуществляющий процесс, или являющийся его адресатом пациенс, было отмечено еще Э. Бенвенистом²⁶⁰. Однако решающим средством определения залоговой характеристики конструкции у Э. Бенвениста, как и у большинства современных грамматистов, выступает именно контекст. Приводя пример из Евангелия (Лука, XIX, 15): арм. *ogoc' tueal ēr zarcat'n*, который можно перевести как «те, кто дал деньги», Э. Бенвенист пишет, что его следует понимать как «(он позвал слуг), которым он дал деньги». Контекст показывает, что *ogoc'* здесь не субъект, а косвенный объект *tueal ēr*²⁶¹ и двусмысленность снимается. Отметим, что в этом примере сказуемое выражено адресатным глаголом («давать», «отдавать приказ/приказывать»), но не менее важно при интерпретации субъектно-объектных отношений в подобных предложениях учитывать, что семантика имени зависит от конкретной (контекстуальной) интерпретации *субъекта / объекта* как «слуги» или «царь».

Как уже отмечалось ранее в специальной литературе²⁶², существенные особенности залоговых отношений связаны с *характером субъекта*, шире – с наиболее древним семантическим разделением индоевропейского имени на

²⁶⁰ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 220.

²⁶¹ Там же. С. 219.

²⁶² Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. – Т. 40. – № 4. – 1981. – С. 325 – 332.

активный / неактивный классы. Этот признак, несомненно значим также в связи с оппозицией внешней диатезы (актива) – внутренней диатезе (медию)²⁶³. Мы предполагаем, что обращение к признаку активность/ неактивность субъекта при интерпретации конструкции *tener+participio* позволяет получить более ясное представление о ее внутренней организации, чем критерий переходности/непереходности глагола и одушевленности /неодушевленности имени в роли субъекта, на которые в основном опираются авторы традиционных грамматик испанского языка. О том, как проходило деление на активный / неактивный классы и дальнейшее становление категории одушевленности /неодушевленности, например, в русском языке пишет Ю. С. Степанов²⁶⁴. Так, показатели «активно действующего лица» получали преимущественно существительные, обозначающие *взрослых свободных людей – мужчин*, слова же со значением *раб, слуга, холоп* и подобные употреблялись в той же форме, что и предметные существительные. Отождествление рабов и слуг с вещами (объектами) вообще характерно для древнего мира. Как известно, в античном рабовладельческом обществе орудия делились на «немые, мычащие, говорящие», говорящими орудиями были рабы²⁶⁵. То же – и в наше время: существительные со значением «слуга» мыслятся как неактивные, подчиняющиеся чужой воле субъекты. Этот факт способствует прояснению интерпретации вышеупомянутого примера *Como [la criada] tenía ordenado... .* Ср. также субъекты типа «женщина», «дети», аналогично восходящие к именам, которые исторически долгое время относились к неактивным: *La mujer ya tiene distribuidos sus papeles: el amor o la maternidad, juntos o separados*²⁶⁶ (Regla, 51).

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в рассмотренных здесь случаях ни один из актантов структуры предложения не является ни агенсом, ни каузатором презентного состояния субъекта. Тем не менее, недостаточный учет

²⁶³ Там же. С. 305.

²⁶⁴ Степанов Ю. С. Основы общего языкознания: Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1975. – С. 123-126.

²⁶⁵ Там же. С. 124.

²⁶⁶ «Удел женщины давно предопределен: любовь или материнство, вместе или порознь».

конкретной специфики субъектно-объектных отношений может привести к агентивной интерпретации реально-объектного актанта. Ср.: фр. *J'ai la langue bien chargée*²⁶⁷ и исп. *Como tienes de afilada la naricilla*²⁶⁸. В обоих случаях процесс является следствием причины, каузированной извне, а не по воле субъекта-посессора и, уж тем более, не по вине обладаемого объекта (семантически относящегося в обоих примерах к классу имен неотторжимой принадлежности). Дело в том, что *chargée* «обложенный/распухший» и *afilado* «заострившийся» образованы от субъектных глаголов, в которых процесс замыкается на субъекте и не предполагает собственно субъектно-объектных отношений как таковых, в отличие, например, от глагола «бинтовать», который является объектным, ср.: фр. *Il a la tête bandée*²⁶⁹. Таким образом, указанные автором субъектный фр. *La langue est chargée* «Язык распух» и объектный фр. *La tête est bandée* «Голова забинтована» результативы восходят к совершенно разным по структуре предложениям: 1) *Язык распухает* и 2) *(Некто) бинтует (себе/кому-то) голову*. Последнее – личное, с реальным одушевленным (шире – активным) субъектом, с объектом неотторжимой принадлежности и предикатом, выраженным объектным глаголом, - представляет субъектно-предикатно-объектную модель. В первом предложении имеет место персонификация актанта, занимающего субъектную позицию, агенс является фиктивным, а субъект находится за рамками формально субъектно-предикатной структуры с субъектным глаголом, исключающим возможность заполнения объектной позиции. То же и при анализе примера исп. *Como tienes de afilada la naricilla* «Как у тебя носик заострился», в котором «посессор не совпадает с агенсом, а агенс равен обладаемому объекту»²⁷⁰.

Как было показано выше, французский язык не позволяет формально различать посредством выбора вспомогательного глагола субъектный и

²⁶⁷ «У меня язык обложен (распух)».

²⁶⁸ «Как у тебя носик заострился».

²⁶⁹ «У него голова забинтована».

Примеры цит. по: Кашкин В. Б. Указ. соч. 1991. С. 92-93.

²⁷⁰ Там же. С. 93.

объектный экзистенциальный результативы (ср.: *La langue est chargée / La tête est bandée*), тогда как в испанском возможны следующие варианты: а) в случае объектного результатива (статива) *estar/ser* (*La cabeza está vendada / La cabeza es vendada* (пассив), б) в модели субъектного результатива (статива) – только *estar*: *La lengua está cargada/inflamada*.

Обратившись к материалу, представленному в конце раздела в таблице на с. 83, отметим, что в испанском *субъектный посессивный результатив* (I) в чистом виде не встречается. Тем не менее, как представляется, предложения-высказывания, в которых формальный объект выражает часть тела субъекта (неотторжимая принадлежность), в принципе могут рассматриваться как субъектные, учитывая субъектный характер глагола предшествующего действия, которое не выходит из сферы субъекта (напр.: *hacerse a algo* «привыкнуть к чему-то), ср.: *En Granada se respira el aire de la sublevación: yo tengo muy hecha a ese olor la nariz*²⁷¹ (Manuscrito, 164).

Наиболее широко распространен в испанском *объектный посессивный результатив* (II). Он представлен следующими семантическими типами: *первичный* (II.1), связанный с ситуацией, в которой действие изменяет состояние субъекта, сказывается на частях его тела или непосредственном окружении²⁷²; *вторичный* (II.2), связанный с ситуацией, в которой действие релевантно для посессора – обладателя предмета, на котором сказывается действие. Вторичный посессивный результатив имеет два подтипа: *подлежащий* (II.2.1) и *неподлежащий* (II.2.2)²⁷³.

На основании рассмотренного нами материала, можно констатировать, что *первичный посессивный результатив* (II.1) встречается в испанском достаточно часто, в отличие от его «нетипичности»²⁷⁴ в английском, немецком,

²⁷¹ «В Гранаде пахнет мятежом: у меня на это чутье (= у меня (мой) нос к этому привычен)».

²⁷² Недеялков В. П., Яхонтов С. Е. Указ. соч. С. 17 – 18.

²⁷³ Кашкин В. Б. Указ. соч. 1991. С. 91.

²⁷⁴ Там же. С. 92.

французском и итальянском. Ср.: исп. Felipe Osaña *tenía la cabeza zambullida en el interior del coche*²⁷⁵ (Jarama, 98).

В испанском языке эквивалентом посессивной конструкции с *tener* в функции первичного посессивного результата может выступать синтаксическая конструкция типа: N(S)+V+con+N(O)+Participio, где N(O) – часть тела субъекта. Иными словами - инструментальная модель с причастием, в которой предлог *con* является депрецицированным эквивалентом *tener*²⁷⁶. Ср.: *Tenía el cuerpo inclinado hacia la mesa, con cada mano apoyada en el respaldo de una de las sillas*²⁷⁷ (Jarama, 114).

Вторичный посессивный результатив подлежащего типа (П.2.1) относится к самым распространенным из рассматриваемых нами типов. Субъект-посессор может совпадать и не совпадать с агенсом предшествующего действия. Ср.: *Aquel día se me clavó una espina en un costado que todavía la tengo clavada*²⁷⁸ (FPD, 51). Здесь субъект-посессор не совпадает с агенсом действия (персонифицированное неодушевленное существительное *espina* «шип, колючка»). В случае совпадения – вторичный посессивный результатив наиболее близок перфекту, так как результирующее действие совершает сам субъект. Ср.: *Por ejemplo, ese zanguango de Mauricio que te tiene, yo no sé por qué sorbido el seso...*²⁷⁹ (Niebla, 83). Это пример объектного варианта аналитической конструкции с вторичным результативным значением, которое в наибольшей степени приближается к собственно перфектному (акциональному) значению, речь идет непосредственно о действии.

Также отмечается, что лексическим наполнением этой конструкции с вторичным результативным значением могут быть глаголы не только физического, но и мысленного контакта²⁸⁰. Ср.: *Eso me recuerda, Victor, la*

²⁷⁵ «Фелипе Оканья нырнул головой в салон автомобиля».

²⁷⁶ Вольф Е. М. Указ. соч. 1977. С. 168.

²⁷⁷ «Он наклонился всем телом к столу, и каждая рука *ego* опиралась на один из стульев».

²⁷⁸ «В тот день вонзился мне в бок шип, который до сих пор у меня в боку (букв.: который до сих пор имею вонзенным)».

²⁷⁹ «К примеру, этот бездельник Маурисио, который, уж не знаю почему, завладел твоим рассудком (букв.: имеет высосанным твой мозг)».

²⁸⁰ Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Указ. соч. С. 17.

leyenda del fogueteiro que *tengo oída* en Portugal²⁸¹ (Niebla, 113). Здесь посессивный результатив обозначает измененное ментальное состояние субъекта, прагматически акцентированное реитеративным оттенком самой конструкции. Отметим, что выбор говорящего может быть сделан и в пользу модели акционального перфекта, при этом лексическое значение смыслового глагола определяющей роли здесь не играет. Ср. с тем же глаголом *oir*: *¿Dónde dejaste el carro, que no lo hemos oído?*²⁸² (Jarama, 11). В этом случае можно отметить, что центральная аналитическая форма перфекта акцентирует внимание на действии как таковом, а не на состоянии, приобретенном субъектом: объектом в данном случае является конкретная “тачка (= авто)”.

В разговорном языке имеется большое количество примеров, указывающих на компрессивную природу моделей с *tener*, “изменяющего свое значение” благодаря диахроническому опущению компонента исходного словосочетания. Ср.: *tener = decir* в *¡Qué cosas tiene!* = *¡Qué cosas dice!* (← *¡Qué cosas tan raras tiene dicho!*); *tener = saber* как результат *tener en la mente* букв. ‘держать в памяти’ (этимологическое значение. Ср.: лат.: ...*memoria tenebat* – «памятью держал» – Cesar B.G.): ...*ella tenía muy claro...* “она очень хорошо знала”²⁸³.

Расширение спектра функционирования глагола *tener* связано также и с эллиптичностью результативных конструкций. Наиболее распространенный случай - зевгматическое опущение причастия смыслового глагола в ответной реплике, ср.:

- *Aburrirnos* a todas es lo que vas a conseguir.
- A mí ya me *tiene...*- dijo Mely²⁸⁴ (Jarama, 129) (← <...> me tiene aburrida).

²⁸¹ «Это напоминает мне, Виктор, легенду о пороховщике, которую я слышал в Португалии».

²⁸² «Где ты оставил тачку, а то мы не слышали, как ты подъехал».

²⁸³ Зеликов М. В. Указ. соч. 2005. С. 199.

²⁸⁴ - Утомишь нас всех, вот чего ты добьешься.
- Меня-то он уже достал... - сказала Мели.

Здесь же – модель *tener* + *предикативное имя*, которая может рассматриваться как вариант структуры посессивного результата и может указывать на феномен глагольно-именного синкретизма²⁸⁵. Ср.: *Tenía pensamiento ir al baile esta tarde, señor Mauricio*²⁸⁶ (Jarama, 12). Здесь *tenía pensamiento* (= algo pensado) – вариант трехчленной структуры *tenía pensado ir...* Разновидностью последней является модель *tener+en+предикативное имя*, которая тоже легко может быть трансформирована в посессивную конструкцию *tener+participio*. Ср.: *El Julio este... Pues nada, que Guillermo Sánchez le tiene en arriendo el almacén y ya no quiere desalojárselo...*²⁸⁷ (Jarama, 37).

Неподлежащий посессивный результатив (II.2.2), в котором посессор выражен косвенным дополнением (тип *mihi factum est*)²⁸⁸, в чистом виде в испанском языке по данным В. Б. Кашкина²⁸⁹ не представлен, в отличие от итальянского, где он довольно употребителен. Ср. ит.: *Mentre, invece, - ridacchiò, gli è andata buca*²⁹⁰ (Bassani, Dietro la porta). Ср. исп.: *Después de mucho pensar,..., sólo me es dado el afirmar que el respeto habíasela ya perdido tiempo atrás...*²⁹¹ (FPD, 62). Кроме того, следует отметить, что в испанском языке встречаются синтаксические образования, которые по своей внутренней форме напоминают неподлежащий посессивный результатив. Ср., например, дативно-аккузативные модели типа: *se le rompió el vaso* – «ей (=у нее) разбился стакан», где датив *le* выражает реальный субъект, обладатель нового состояния объекта. Наличие в структуре частицы *se*, которая является, как известно, показателем неволевого действия, делает неуместной в данном случае активно-объектную модель с *tener* (*tiene roto el vaso*), рассмотренную выше.

Распределение ролей между вспомогательными глаголами при образовании результатаива идет по двум направлениям: корреляция между

²⁸⁵ Потебня А. А. Указ. соч.

²⁸⁶ «А я думал пойти на танцы сегодня вечером, сеньор Маурисио».

²⁸⁷ «Этот Хулио... Да ерунда, просто Гильермо Санчес арендует у него магазин (букв.: имеет ему в аренде, т. е. = tiene arrendado) и не хочет освободить его».

²⁸⁸ Неद्याлков В. П., Яхонтов С. Е. Указ. соч. С. 19.

²⁸⁹ Кашкин В. Б. Указ. соч. С. 96.

²⁹⁰ «У него же, - хихикнул он, - получилась фига (букв.: ему же вышла фига)».

²⁹¹ «После долгих раздумий,..., я могу лишь (мне дано) утверждать, что уважение к ней я потерял уже давно».

глаголами *tener* / *estar* по линии экзистенциальность / посессивность и своеобразная конкуренция между *tener* / *haber* не только на диахроническом, но и на синхроническом уровне.

Использование глагола с семантикой обладания в структуре простого предложения придает высказыванию более субъективный характер, акцентируя внимание слушателя именно на состоянии субъекта. Это происходит потому, что обладание само по себе без участия субъекта не реализуется, в отличие от понятия экзистенции. По словам Э. Бенвениста, в индоевропейских языках «быть» представляет собой процесс, участие субъекта в котором необязательно²⁹². Ср. функционирование в безличных моделях глагола *haber* в 3 л. ед.ч. с действительной частицей *у* (*hay*), где он мыслится как экзистенциальный:

- *¿Hay esperanzas?*
- *No las hay...*²⁹³ (Valle-Inclán, 26)

То же – при использовании посессивной структуры *hay+participio* вместо экзистенциально-локативной *estar+participio*:

- *¿Café no tiene?*
- *Creo que lo hay hecho en la cocina*²⁹⁴ (Jarama, 14) (букв. «имеется сделанным»), в которой развитие структуры идет по пути нейтрализации субъекта и приводит к использованию безличного *hay*. То же - ср.: *Desde aquí mismo se oye la que hay formada en el río*²⁹⁵ (там же, 84).

Тем не менее, использование глагола *tener* в структуре предложения не во всех случаях (как это было показано выше) придает высказыванию активный характер. Причиной этого является сам глагол *tener*, который при полном анализе его семантических оттенков не всегда несет в себе роль выразителя активного начала. Семантический потенциал этого глагола при выражении

²⁹² Бенвенист Э. Указ. соч. С. 188.

²⁹³ -Есть надежды?

- Нет, их нет...

²⁹⁴ – А кофе нет у вас?

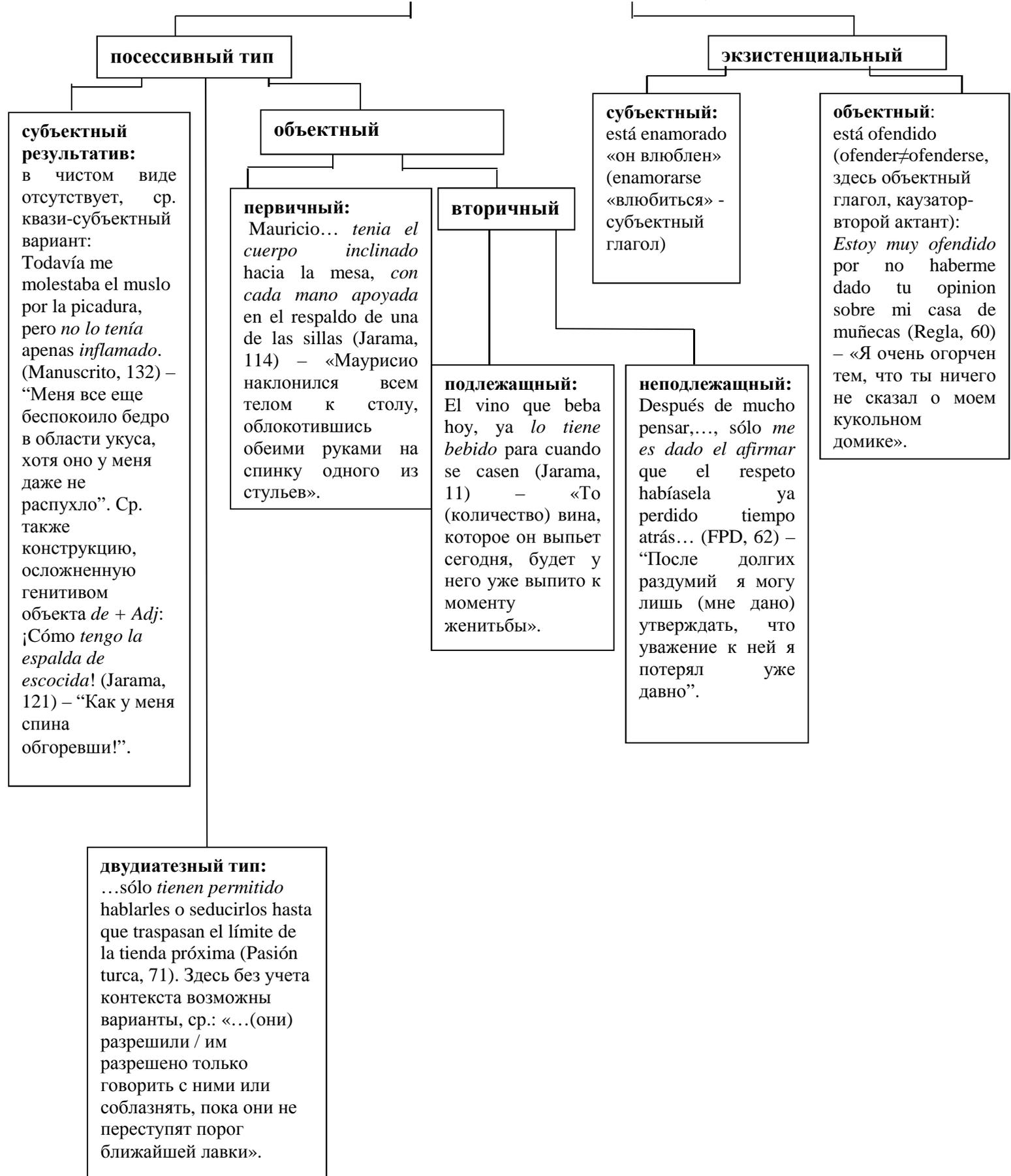
– Думаю, имеется на кухне.

²⁹⁵ «Отсюда аж слышно, что творится на реке» (букв. «...та (эллипсис: *cantidad de gente* – «куча народа»), что собралась на реке»).

субъектно-объектных отношений (в диапазоне субъект=обладатель → субъект=обладаемое (=⇒ объект)) является прямым следствием осмысления обладания, как логико-философской категории, характеризующейся амбивалентностью содержания (см. подробнее раздел 1.1. настоящей работы), ср.: Tengo 50 años. Pero, ¿los tengo? ¿De qué manera: los poseo o me poseen, los pierdo o me pierden ellos a mí?²⁹⁶ (Regla..., 16).

²⁹⁶ букв. «Я имею 50 лет. Но, имею ли я их? Каким образом? Я обладаю ими, или они обладают мной, я их теряю, или они изводят меня?»

РЕЗУЛЬТАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

2. 4. Глаголы *tener* / *tenir* и *haber* / *haver* как самостоятельные единицы (*verba habendi por excelentia*)

Как отмечают исследователи, «еще с романской поры имелось четкое разделение в употреблении глаголов *haber* и *tener*». Так, для обозначения владения землей и недвижимым имуществом по праву наследования (т. е. в случае «юридической чистоты» владения) употреблялся исключительно *haber*; глагол *tener* предполагал владение оккупированной землей, захваченным имуществом, сохраняя в этом случае остатки своего исконного значения²⁹⁷.

Глагол *tener* сосуществовал в испанском с глаголом *haber*, и в различные эпохи удельный вес первого в языке менялся, на определенном этапе превратившись, по выражению Е. Зайферт, «из помощника в узурпатора»²⁹⁸.

Помимо широкого спектра разнообразных субъектных и объектных моделей с *tener* (см. подробнее материал Главы 3), этот глагол функционирует самостоятельно, в отличие от глагола *haber*, который на настоящем этапе является в основном вспомогательным²⁹⁹. Ср. в староиспанском: *Sabor han de casar* (Mio Cid, 1902), в современном испанском только *Tienen ganas de casarse*³⁰⁰. Ср. в каталанском: *tenir ganas* ‘иметь желание / хотеть’ (напр.: *Avui tinc ganas d’anar al cinema*³⁰¹) ≠ *tenir gana* ‘иметь аппетит / хотеть есть’ (напр.: *Mai no té gana*³⁰²).

Тем не менее, нельзя не отметить, что на территории Испании, в некоторых регионах Арагона (Hecho, Siresa, Urdués и Ansó), *haber* сохранил возможности самостоятельного употребления в образованиях типа: *aí, ¡que*

²⁹⁷Зубова Т. Е. Сопоставительный анализ глаголов, восходящих к латинскому «habere» во французском и испанском языках (на материале XII – XIII вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1970.

Друзина Н. В. Указ. соч. С. 69.

²⁹⁸Seifert E. Op. cit. P. 71.

²⁹⁹Видимо, не следует рассматривать как исключение модели, так называемого «ложного эллипсиса», типа: исп. *habérselas con alguien*, кат. *heure-se-les amb algú* «иметь дело с кем-либо», т. к. «эти конструкции являются эллиптическими лишь с диахронической точки зрения и не имеют полных коррелятов в современном языке», а следовательно расценивать глагол обладания как полнозначный в них нельзя. – См. подробнее в кн.: Зеликов М. В. Указ. соч. 2005. С. 237.

³⁰⁰«Они хотят пожениться», букв. ‘имеют желание пожениться’.

³⁰¹«Сегодня хочу пойти в кино».

³⁰²«Он никогда не хочет есть».

fambre que é! ‘Ах, как я голоден!’ или La muller, ra que l’emos? ‘Женщина, для чего она нам?’³⁰³.

На современном этапе следы средневекового использования *haber* можно встретить в речи литературных персонажей для создания эффекта художественной достоверности. *Haber* в подобных случаях придает речи народный характер с оттенками диалектальных различий. Например, *he miedo*, вложенное в уста арагонского парня в одном из романов Пио Барохи (*El mayorgazgo*, 254). Пережитком некогда активного характера *haber* является также причастие *habido* = ‘hallado’, ‘cogido’, ср.: *el criminal no fue habido*³⁰⁴, где *haber* точно соответствует каталанскому *heure* = ‘coger’³⁰⁵. Ср. также *haber* в форме герундия: *No es agradable que hables de crímenes sádicos, sobre todo habiendo señoras delante*³⁰⁶ (Marías, 154).

Особое место занимает безличная экзистенциальная модель с *haber* в 3-м лице ед. ч. с дейктическим наречием *у* (= allí “там”): *hay* “там есть (имеется)”. Ср.: *Mira, aquí no hay sol...*³⁰⁷. Ср. англ. (there is): *There was thunder in the offing*³⁰⁸ (Fowles, FLW). В прошедшем плане наречие *у* (= allí “там”) уже исчезает, ср.: исп. *hubo* (Pretérito Indefinido), *había* (Pretérito Imperfecto). В каталанском – сохраняется во всех формах, ср.: *hi ha, hi havia*. При этом в безличной конструкции в испанском дополнение идет с неопределенным артиклем, а в каталанском – и с тем, и с другим.

В русском экзистенциальные значения передаются только через “быть», исключение – поэтическая речь³⁰⁹:

Имелась ночь.

Имелось губ дрожанье (Б. Пастернак)

³⁰³ Seifert E. Op. cit. P. 75.

³⁰⁴ «преступник не был схвачен»

³⁰⁵ Ibid. P. 369.

³⁰⁶ «Не очень приятно, что ты рассказываешь о садистах-преступниках, особенно перед дамами (букв. *имея* перед собой дам)».

³⁰⁷ «Смотри, здесь *нет* солнца».

³⁰⁸ «Назревала буря».

³⁰⁹ Ср. также в разговорной речи: *На складе имеются гитары.*

В испанском следует обратить внимание на частотность варианта подобной структуры, а именно: компрессивной модели с глаголом *haber* в форме 1 л. ед. ч. и дейктического наречия *aquí* (he aquí... букв. “имею здесь...”). Ср.: *He aquí que la divina mañana, virginidad del día, me trae un descubrimiento: el amor es el ritmo*³¹⁰ (Niebla, 41). Ср. также: *He aquí un chisme utilísimo, que*³¹¹... (Niebla, 30). В каталанском подобная модель строится не с глаголом *haver*, а с глаголом *heure* «хватать»: *heus aquí* (или *ací*), напр.: *Heus-la aquí* «Вот она»³¹².

Статус глагольного компонента *he* в модели *he aquí* трактуется в литературе неоднозначно: 1) как дефективная безличная форма *haber* (M. Seco); 2) наречие (DRAE); 3) указательная частица (M. Moliner); 4) наречие от арабского *hê* (M. Pidal; J. Corominas)³¹³.

Вариантом рассматриваемой модели является конструкция, в которую включено местоимение 2-го лица (собеседника, слушателя) в дативе: *hete* (*aquí*) (*que una vez...*) (“представь себе...”), которая в диалоге часто служит своеобразным зачином короткого рассказа, анекдота, истории и т. д. Ср.: *Y hete aquí que hallándose en casa de esta señora, viuda, da mi don Eloíno en ponerse malo*³¹⁴ (Niebla, 88).

Как уже было отмечено выше, *haber* в процессе своей эволюции не выдерживал в определенных сферах конкуренции с глаголом *tener* и постепенно утрачивал семантическое значение посессивности. Его

³¹⁰ «И вот значит, это дивное утро, на заре дня, мне приносит открытие: любовь это ритм».

³¹¹ «Вот у меня есть такой анекдотец...».

³¹² Diccionari Català – Castellà. – Barcelona: Enciclopèdia Catalana, 2006. – P. 710.

Ср. в итальянском.: *Ecco il vestito che Miss Universo indossava ieri sera...* (Gianni Rodari) – “Вот то платье, которое Мисс Вселенная одевала вчера вечером”. *Ecco* < лат. *eccum*; сложна форма, видимо, образованная сочетанием * *ek-ke*, где первый компонент соотносится с лат. *hic* (ст. фр. – *es*), второй – энклитик *se* (ср. *ivi* = лат. *ibi* “*qui*”). – Цит. по: Olivieri D. *Dizionario Etimologico Italiano concordato coi dialetti, le lingue straniere e la topo-onomastico*. – Milan: Casa Editrice Ceschina, 1953.

³¹³ Интерпретация *he* как архаической формы императива от *haber* отрицается большинством грамматистов, однако отметим типологическое сходство: в хинди десемантизированные формы повелительного наклонения глагола *lenā* ‘брать’ используются в качестве указательных частиц, ср.: *le ā gayā merā jagat*, букв. брать (императив) приходи идти (причастие) мой Джагат, т. е. «Вот приехал мой Джагат». Цит. по: Дымшиц З. М. *Грамматика языка хинди (в 2-х томах)*. – М., 1986. – С. 73.

В данном случае переосмысление исходного значения основано на том, что говорящий призывает адресата приблизить к себе, взять, принять во внимание некоторую ситуацию. Интересно, что в русском языке страдательное причастие глагола *давать* может употребляться в функции, близкой к указательному местоимению *этот / эта / эти*, ср.: *данная работа посвящена ... , в данном случае ...*. Такое развитие смысла ‘давать’ связано с идеей приближения, перехода во владение к адресату ситуации ‘давать’ [там же].

³¹⁴ «И представь себе, что находясь в доме этой сеньоры, вдовы, моему дону Элоино сделалось плохо».

функционирование как самостоятельного глагола ограничилось экзистенциальными моделями (типа *hay*), реализуя значение «иметься», «наличествовать». Однако в испанском языке отмечается определенная тенденция, проявляющаяся в образовании множественного числа глагола *haber* в данной модели при согласовании его с именем объекта, что придает последнему, как это ни парадоксально, характер подлежащего при безличном предикате. Так как именная синтагма в безличной экзистенциальной структуре с *haber* представляет собой объект, то нет никаких оснований для согласования глагола с именной синтагмой во множественном числе. Однако такое функционирование *haber* встречается в зонах, находящихся под влиянии каталанского и в языке каталонцев-билингвов, в Арагоне, а также широко распространено в Латинской Америке³¹⁵.

Использование посессивного глагола для выражения бытийности объясняется, в частности, семантической близостью *haber* и *ser* еще в староиспанском языке в период формирования у первого безличной функции и дальнейшей экспансии глагола *haber* подобно тому, как это было с лат. *habēre* за счет *esse*³¹⁶. В данном контексте весьма примечательна модель с *haber* в форме 1л. ед. ч. и личным местоимением в аккузативе, которая коррелирует с локативно-экзистенциальной моделью с глаголом *estar*. Ср.: *Heme en el puente, que ilumina la plácida claridad del plenilunio*³¹⁷ (Valle-Inclán, 109). Ср. также: *Hela en pie sobre la banca, apoyada en los hercúleos hombros de un marinero negro*³¹⁸ (Valle-Inclán, 105). Настоящая модель часто используется в рассказе о каком-то минувшем событии, и воспоминание явственно предстает перед глазами говорящего. Другими словами, в приведенном примере букв.: «*имею ее* стоящую на скамье» следует понимать как что-то типа: «как сейчас вижу ее, стоящую на скамье».

³¹⁵ Seco M. Diccionario de dudas y dificultades de la lengua española. – Madrid: Espasa-Calpe, 1986. – P. 215.

³¹⁶ Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию: Учебник. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1987. – С. 242.

³¹⁷ «Я стою (букв.: ‘*имею себя*’) на мосту, освещенном безмятежным сиянием полнолуния».

³¹⁸ «Она стоит на скамье, опираясь на богатырские плечи чернокожего моряка».

Кроме того, в испанском часто встречается использование дейктического наречия в составе личной модели с глаголом *tener*. Ср.: *Aquí tienes a nuestro amigo don Augusto Pérez*³¹⁹ (Niebla, 52). Здесь имеет место корреляция глаголов *tener* / *estar* по линии локативности. То же – и в каталанском, ср.: исп. *aquí tienes tu libro*; кат. *aquí tens el teu llibre*³²⁰.

Следует обратить внимание на случаи максимально возможной активизации высказывания в испанском на примере глагола *tener* в локативной функции при включении в рамку основной структуры неодушевленного субъекта-обладателя-локализатора, ср.: [El río] *Tiene un puente en el mismo Talamanca, hoy ya inútil, porque el río lo rehusó hace largos años y se abrió otro camino*³²¹ (Jarama, 6). В русском языке, если объектом является неотторжимая принадлежность, модель с глаголом *иметь* также возможна, ср.: В этом месте *река имеет изгиб*, однако если объектом является отторжимая принадлежность, то такая модель не используется, ср.: * В этом месте река имеет мост. Как показывает материал, мнение Н. Д. Арутюновой, согласно которому в «других языках», если речь идет о мире (а не о человеке), то сообщение о нем всегда моделируется со структурой «имеется» (фр. *il y a*, исп. *hay* и т. д.)³²², т. е. безлично, требует уточнения: активизация, эксплицируемая глаголом «иметь» в испанском имеет место и в таких случаях (кроме того, *tener* с «безличным» *se* (*se tiene*) успешно конкурирует с *hay*). Ср. в следующих четырех примерах: *La casa tenía los ruidos*³²³ – *En la casa había ruidos*, коррелирующее с атрибутивной моделью: *La casa era / estaba ruidosa*.

Рассмотренные примеры следует отличать от эллиптических моделей с опущенным вторым глагольным компонентом, в которых семантика

³¹⁹ «А вот перед тобой (познакомься) наш друг дон Августо Перес».

³²⁰ «вот твоя книга», букв. «здесь имеешь твою книгу»

³²¹ «В самой Таламанке есть мост (букв. «река имеет мост»), теперь уже никому ненужный, потому что река давным-давно поменяла русло».

³²² Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 257.

³²³ «В доме было шумно».

локативности вторична, ср.: *Yo se la tendré allí, ya veremos con qué motivo*³²⁴ (Colmena, 253) ← *Yo se la tendré traída <...>*³²⁵.

Отметим также функционирование *tener* в его возвратной форме (*tenerse*) в императивных моделях со значением “остановиться”. Так, в «Селестине»: *Tente, señor, no baxes, que ydos son*³²⁶ (II, 184, 1- Adic.). То же – в современном языке: *Al acercarnos nos gritó: - ¡Ténganse allá!*³²⁷ (Valle-Inclán, 171). Ср. также: *Yo, fuera de mí, les grité, para que se detuvieran: - ¡Teneos! Sepamos antes de quien huís!*³²⁸ (Manuscrito, 217).

Неоднократно отмечалось, что «переходный» *tener* не может образовывать пассивную конструкцию, если речь идет о нем как именно о глаголе обладания. Ср.: исп. *Juan tiene un libro / * un libro es tenido por Juan*; ср. также образования с глаголом *dar*: ** me fueron dadas tres bofetadas por ti*³²⁹. Тем не менее, следует отличать последние от пассивных образований с глаголом *tener* в значениях, лишь косвенно связанных с семантикой обладания. Ср.: *Ni la observación, ni la generalización, ni el uso hipotético deductivo de aserciones <...> pueden ser tenidos como esenciales para la ciencia*³³⁰ (из выступления ректора Гранадского университета г-на Лоренсо Морильяса Куэва на церемонии присвоения ему звания почетного доктора Санкт-Петербургского политехнического университета). То же – в атрибутивной функции в колумбийской поговорке: *Ser más tenido que burro en bajada*³³¹, в которой отметим роль причинно-следственных отношений в формировании значения. Здесь, русский эквивалент представляет собой причинный фрагмент, т. к. ослы очень упорствуют при спуске с возвышенностей, то их приходится *тянуть*, тащить силой, *держа* за уздцы (следственный фрагмент). Ср. также возникшее

³²⁴ «Я Вам ее туда приведу, посмотрим, под каким-нибудь предлогом».

³²⁵ Подробнее см.: Зеликов М. В. Указ. соч. 2005. С. 172 и сл.

³²⁶ «Стойте, сеньор, не спускайтесь, они ушли».

³²⁷ «Приблизившись к нам, он крикнул: - Стойте (там)! (Не двигайтесь!)»

³²⁸ «Вне себя я закричал им, чтобы они остановились: - Стойте! Узнаем прежде, от кого бежите!»

³²⁹ Ruiz de Loizaga J. H. Algunas consideraciones en torno al complemento agente // RSEL. – № 22 / 2. – 1992. – P. 340.

³³⁰ «Ни наблюдение, ни обобщение, ни гипотетическое дедуктивное применение утверждений <...> не могут считаться основополагающими для науки»

³³¹ «Быть очень упрямым».

в результате компрессии существительное: *tenida f* – (в Венесуэле, Мексике, Чили) «собрание, заседание» (Sic!), т. е. «заседание, на котором *удерживают* вместе некоторое число людей» ≠ хорошо известному субстантиву *mantenida* «содержанка».

Заполнение позиции *Y* в нераспространенной посессивной модели у *X* *есть* *Y* имеет ряд ограничений прагматического характера. Так, нераспространенные предложения, в которых объект обладания относится к классу предметов т.н. «неотчуждаемой принадлежности», обычно не попадают в коммуникативный фокус сообщения, т. к. сообщение о посессивном отношении не является в таком случае коммуникативно значимым, информативным. Здесь имеется два нюанса: 1) такие предложения нельзя путать с эллиптическими моделями, в которых распространяющий предложение атрибутивный элемент структуры опущен, ср. исп. *Ese sí que tiene cabeza*. ← <...> *tiene [mucha] cabeza*³³²; 2) следует учитывать, что в разных языках, в разных социумах набор объектов неотчуждаемой принадлежности не совпадает. Так, например, *коса* («вид прически») в одних социумах является неотчуждаемой принадлежностью молодой девушки («незамужней девицы»), а в других нет³³³. Таким образом, в определенном контексте утверждение о наличии или отсутствии такого объекта прагматически оправданно, т. к. имплицитно несет в себе информацию о субъекте.

В большинстве работ при анализе моделей *tener* + *N* рассматривается в основном субъектный характер последних, как средство выражения состояния или ощущения субъекта, ср.: *tener prisa* «торопиться»; *tener hambre* (*sed*) «испытывать голод (жажду)»³³⁴. Ср. также: *te tengo cariño* ‘я тебя люблю’, букв. ‘тебе имею нежность’, *te tengo ley* «я тебя люблю». О древнем использовании

³³² «Этот действительно умен».

³³³ Волоцкая З. М. К вопросу о прагматическом аспекте категории посессивности // Славянское и балканское языкознание: Проблемы диалектологии. Категория посессивности. – М.: Наука, 1986. – С. 230 – 231.

³³⁴ Друзина Н. В. Указ. соч. С. 70.

последней свидетельствует пример из харджей: *que no me tenis al-niyya* (= ‘que no me tienes ley’)³³⁵. Ср. также в современном испанском:

ADELA: ¡Qué cariño tan grande te ha entrado de pronto por mi hermana!

LA PONCIA: *No os tengo ley a ninguna, pero quiero vivir en casa decente*³³⁶ (Lorca, 62). Ср. также:

— <...>Después de todo, se ve que *le tiene ley*, ¿diga usted la verdad?

— Con los respetos debidos — contestaba el pastor —, y guardando las distancias³³⁷ (Jarama, 322).

Вне поля зрения исследователей романского материала оказывается активная семантика подобных моделей, связанная с центробежным объектным характером высказывания. Ср.: Leonor... *tenía un gran encanto, una gracia fugitiva, de pajarito*³³⁸ (Urtubi, 15).

Ср. также: исп. *El me tiene sin cuidado*³³⁹ (псевдообъектная структура), ср. кат. *en té cura un bon metge*³⁴⁰ (объектная модель) = исп. *está al cuidado de un buen médico*³⁴¹ (безобъектная модель).

Смена глагольной интенции с субъектной на объектную и наоборот в моделях с *tener / tenir* связана с отмеченной выше амбивалентностью последнего, как глагола обладания. Ср.: *tener*: 1) *causar efecto* (объектные модели); 2) *sentir* (= *experimentar*) *efecto* (субъектные модели). Подробный анализ подобных синтаксических образований в испанском и каталанском на конкретном языковом материале будет осуществлен в третьей главе нашего исследования.

³³⁵ ‘что ты меня не любишь’. – Цит. по: Зеликов М. В. Указ. соч. 2010. С. 84.

³³⁶ АДЕЛА: Что это вдруг такая любовь у тебя к моей сестре!

ПОНСИЯ: Никого из вас я не люблю, просто хочу жить в доме, где соблюдают приличия».

³³⁷ – «После всего этого, видно, что Вы к ней равнодушны, ну, скажите честно?

– С должным уважением, – отвечал пастух –, и соблюдая приличия».

³³⁸ «Леонор производила сильное впечатление, в ней было какое-то неуловимое изящество, как у птицы».

³³⁹ «Он меня не волнует (*не заботит*)».

³⁴⁰ «о нем заботится хороший врач»

³⁴¹ «он находится под наблюдением врача».

2. 5. Вторичные способы выражения обладания (лексико-синтаксические корреляты глаголов *tener / tenir*)

Одной из задач нашей работы является анализ возможностей лексико-синтаксических замен глагола “иметь” для выражения идеи обладания, другими словами, выделение минимальных смысловых единиц, определяющих семантику этого глагола и тех лексем, которые могут выступать как полные или частичные его заместители.

Существование в испанском двух пар глаголов с семантикой бытия – обладания *ser / estar* и *haber / tener* предопределило способность *tener* коррелировать не только с *haber*, но и с экзистенциальным *estar*. Среди соответствий глагола *tener* глаголу *estar* можно выделить 2 типа: 1) субъект, выражаемый *tener*, совпадает с субъектом, выраженным глаголом *estar*; 2) субъект, выражаемый *tener*, не совпадает с субъектом, выраженным глаголом *estar*. Ср.(1): Sergio *está* siempre con el estómago medio malo³⁴² (Jarama, 138) (*estar con el estómago=tener el estómago*). Ср. также:

- ¿Eh? Pues, coñac...
- No, gracias. Ya *estoy con* vino³⁴³ (Jarama, 192).

Ср. также следующий пример, в котором коррелирующие образования синонимически соседствуют друг с другом в речи: Ay, pues tampoco *estoy yo con* eso, - dijo Petra. – En los pueblos también *tienen* Ustedes sus cosas³⁴⁴ (Jarama, 140).

Ср. (2): Ya sabe Usted que nos *tiene* de su parte³⁴⁵ (= *estamos de su parte*) (Niebla, 55).

Объектные посессивные образования с *tener* часто заменяются в разговорной речи более экспрессивными генитивно-аблативными партитивными моделями³⁴⁶ с предлогом *de*, вводимыми глаголом движения

³⁴² «У Серхио вечно с желудком не в порядке».

³⁴³ - Ну, что, коньяку...?

- Нет, спасибо. У меня уже вино. (= Я уже вино пью).

³⁴⁴ «Так и у меня этого нет. У вас в деревнях тоже есть свои прелести».

³⁴⁵ «Вы же знаете, что мы на вашей стороне».

³⁴⁶ Развитие аблатива в сторону партитивной функции представляется универсальной тенденцией, которая наблюдается и в языках совершенно иного строя. Так, например, влияние тунгусо-манчжурских языков

andar. Ср.: *De hielo no crean Ustedes que ando muy bien*³⁴⁷ (Jarama, 82) (= tengo mucho de hielo). Ср. также: *Mi madre... andaba muy bien de estatura!*³⁴⁸ (FDP, 36) (= tenía buena estatura; экзистенциальное – era buena de estatura).

Рассмотрим особый случай, связанный с функционированием глагола *dar*, который на первый взгляд не может выражать посессивной семантики. Тем не менее, о том, что подобное суждение является ошибочным, свидетельствует тот факт, что в древних языках существовала возможность использования некоторых разновидностей возвратности для обозначения процесса, в котром появление субъекта в позиции объекта исключалось. В этой диатезе, способной передавать разнообразные нюансировки субъектно-объектных отношений, выражались лексические противопоставления полярных (энантиосемических) понятий: т. е. один и тот же глагол мог означать и «взять» и «дать»: санскр. *dāti* «он дает» – *ādāte* «он получает»³⁴⁹. Это, в частности, объясняет факт корреляции лично-номинативных образований с *tener* с безлично-дательными моделями с глаголом *dar* в испанском, эксплицируемые на поверхностном уровне. Ср.: *Aparte bromas ahora, que muchas veces me daban pensamientos de liar el petate de una vez y marchar para América...*³⁵⁰ (Jarama, 299) (= tenía pensamientos = tenía pensado = pensaba). Вариантом рассмотренной выше модели является безлично-дательная модель с глаголом движения *entrarle a uno* (ganas, miedo etc.) Ср.: *Me entran unas ganas de hacer unos versos a tus ojos!*³⁵¹ (Niebla, 134) (= tengo ganas).

Кроме того, в испанской разговорной речи можно указать и на другие предикативные образования с семантикой обладания. Ср.: *No es más que orgullito que se gasta y que no está bien en un mozo de su edad*³⁵² (Jarama, 69). Ср.

направило превращение древне-тюркского аблатива в партитив. Ср. эвенк. *Муе унчкурэн* 'Воды налила'. – Цит. по: Серебренников Б. А. Общее языкознание. М.: Наука, 1970. С. 223.

Уральский аблатив, характеризовавшийся суфф. –ta, превратился в финском языке в партитив, ср.: *ostan kilon voita*, «куплю кило масла». Кроме того, ярким примером возможности такого развития может служить Род. п. партитивный в русском и других славянских языках, который также исторически восходит к аблативу (там же, с. 265).

³⁴⁷ «Не думайте, что со льдом у меня особо хорошо!»

³⁴⁸ «У моей матери с фигурой было все в порядке».

³⁴⁹ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 191.

³⁵⁰ «Теперь шутки прочь, ведь столько раз у меня были мысли собрать разом пожитки и уехать в Америку».

³⁵¹ «Я хочу написать стихи о твоих глазах».

³⁵² «Это у него просто гордыня, которая не к лицу молодому человеку его возраста».

также: *Ese sí que se tira un dominguito de aúpa*³⁵³ (Jarama, 78). Ср. также: *Habría que verlos ahora cuando suban, las caras que traigan*³⁵⁴ (Jarama, 320). В этом же ряду и достаточно распространенная в испанском конструкция *hacerse con + N* «овладеть чем-то», ср.: *Me hago con el micro y canto*³⁵⁵ (Mendoza, Sin noticias de Gurb, día 15). Ср. также: *Otros tan vagos o más que él, con un par de golpes afortunados, se hicieron con unos miles de duros, pagaron las letras y andan ahora por ahí fumando buen tabaco y todo el día en taxi*³⁵⁶ (Colmena, 24). Сфера ее функционирования не ограничивается диалогической и монологической речью литературных персонажей. Ср. также в СМИ: *Nunca ha ocultado su aspiración a hacerse en algún momento con la cartera de exteriores*³⁵⁷ (из выпуска Euronews от 18.11.04).

В других случаях “обладание” выражено имплицитно. Ср.: *Vamos, hija, come, que a Dios gracias no nos falta de qué*³⁵⁸ (El espejo, 9). Ср. в переводе использование дативной, а не генитивной модели: *нам есть / у нас есть*.

В завершении этого обзора приведем фрагмент романа «Улей», указывающий на значительную концентрацию моделей выражения семантики посессивности: *“¿Me da usted un papel de fumar? Quisiera liar un pitillo de picadura, pero me encuentro sin papel”*. Entonces el otro se confía: *“No, no gasto. Si quiere usted un pitillo hecho...”* Don Leonardo pone un gesto ambiguo y tarda unos segundos en responder: *“Bueno, fumaremos rubio por variar. A mí la hebra no me gusta mucho, créame usted”*. A veces el de al lado le dice no más que *“no, papel no tengo, siento no poder complacerle”*, y entonces don Leonardo se queda sin fumar³⁵⁹ (Colmena, 21).

³⁵³ «У этого сегодня веселенькое воскресеньице».

³⁵⁴ «Надо, наверное, видеть, когда они поднимутся, какие у них лица».

³⁵⁵ «Я завладел микрофоном и запел».

³⁵⁶ «Другие такие же бездельники как и он, или даже больше, всего лишь парой удачных дел, завладели целой кучей денег, оплатили векселя и теперь шатаются здесь, курят хороший табак и весь день разъезжают на такси».

³⁵⁷ «Он никогда не скрывал своего стремления занять пост министра иностранных дел (букв. «завладеть портфелем министра...»)».

³⁵⁸ букв. ‘нам не недостает чего (есть)’ – «Давай, дочка, кушай, слава Богу *нам есть* что есть».

³⁵⁹ «Не дадите ли Вы мне папиросной бумаги? Я бы хотел скрутить папироску, да, вот нет бумажки». Тогда другой признается: «Нет, не держу. Если хотите сигаретку...» Дон Леонардо делает двусмысленный жест и медлит несколько секунд с ответом: «Ну, ладно, покурим светлого табачку для разнообразия. Мне вообще-то».

2. 6. Роль местоименных моделей в развитии субъектно-объектной структуры простого предложения

Семантические контуры категории обладания не ограничиваются только глагольными конструкциями, в которых непосредственно используется глагол «иметь» и его корреляты. Эта доминирующая в языках мира категория также эксплицируется значительным корпусом местоименных моделей, среди которых можно выделить два основных типа: 1) предикативный³⁶⁰ (*У меня есть время* и т. п.) и 2) атрибутивный (*мое время* и т. п.)³⁶¹. Последние, не являясь непосредственным объектом нашего исследования, заслуживают определенного внимания, уже хотя бы потому, что вместе они составляют часть посессивной триады³⁶² *я имею – у меня/мне есть – мой*.

Кроме того, обоснованием связи местоименных дативных моделей и глагольных моделей с семантикой обладания служит замечание А.М. Пешковского о тяготении дательного падежа к глаголу, «в сочетании «его письмо» (род.пад.) дополнение «его» мы отнесем прежде всего к самому слову «письмо» (чье письмо - его). В сочетании «ему письмо» (дат.пад.) дополнение относится, собственно не к слову «письмо», а к какому-то опущенному здесь слову, как если бы было сказано: «ему пришло письмо»³⁶³, т. е. речь идет о компрессивном словосочетании.

Дативные конструкции «представляют характерную структурную черту иберо-романских языков..., превосходя по частотности другие разновидности местоименных образований»³⁶⁴. При этом конструкции с дативом можно разделить на два основных типа: в одном реализуются собственно валентности

мелкий табак особо не нравится, поверьте». Иногда тот второй отвечает ему всего лишь «нет, бумаги у меня нет, сожалею, что не могу ничем Вас порадовать», и тогда дон Леонардо остается без курева».

³⁶⁰ Отметим, что этот тип соответствует сложившейся в зарубежной испанистике традиции называть такие модели *местоименными конструкциями*, которые представляют собой любую *глагольную синтагму*, содержащую безударную форму личного местоимения (*me, te, se, nos, os*), согласованную в лице и числе с формой глагола.

³⁶¹ Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. / Отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – С. 99.

³⁶² Несмотря на то, что, как уже отмечалось выше, некоторые конструкции с «иметь» и «быть» семантически параллельны. – Цит. по: Бенвенист Э. Указ. соч. С. 210.

³⁶³ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – С. 184.

³⁶⁴ Вольф Е. М. Указ. соч. 1974. С. 37, 41.

глагола, а в другом – связи между именными элементами, имеющими так называемые «релятивные» семы, которые относятся обычно к «персональной» сфере ... и близки к *посессивным* связям³⁶⁵.

О различных аспектах функционирования *местоименных конструкций* в испанском существует обширная библиография. Как указывает К. Гомес Молина³⁶⁶, за пятнадцать лет, прошедших со времени проведения XI Международного Конгресса по лингвистике и филологии романских языков (Мадрид, 1965), было опубликовано 52 работы, среди которых 7 книг, а также грамматики и монографии. В последующие десятилетия тенденция в целом сохранилась, и количество работ, посвященных данной проблематике только возросло.

Как полагают многие авторы, конструкции со значением обладания / принадлежности с предикатами бытия или обладания могут рассматриваться как лежащие в основе глубинной структуры *посессивных групп*³⁶⁷. Е. М. Вольф справедливо отмечает, что при сравнении *посессивных местоименных конструкций* с глагольными оказывается, что *посессивная группа* непосредственно соотносится с соответствующим определительным придаточным, включающим глагол обладания или конструкцию с глаголом бытия³⁶⁸, ср.: *mi casa = la casa que tengo*. При этом автор подчеркивает, что *не все* именные *посессивные группы* являются предикативными, ср.: *его рука ≠ * он имеет руку*³⁶⁹. Кроме того, некоторые *посессивные именные группы* (в том числе и указанный выше пример *mi casa* «мой дом»), в силу своего компрессивного характера, могут соотноситься с различными

³⁶⁵ Там же. С. 37, 39.

³⁶⁶ Gómez Molina C. Las formas pronominales de tercera persona en los verbos transitivos // *Lingüística Española Actual*. – III/1. – 1981. – P. 74.

³⁶⁷ Langacker R. Possession and Possessive Constructions // *Language and the Cognitive Construal of the World* / Ed. by John R. Taylor and Robert E. MacLaury. – Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 1995. – P. 51 – 79.

Langacker R.W. Topic, subject, and possessor // *A cognitive approach to the verb: Morphological and constructional perspectives* / Ed. by H.G. Simonsen and R.T. Endresen. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2001. – P. 11 – 48. Вольф Е. М. Указ. соч. 1977.

Писаркова К. Посессивность как грамматическая проблема (на примере польского языка) // *Грамматическое описание славянских языков*. – М.: Наука, 1974. – С. 171 – 176.

³⁶⁸ Вольф Е. М. Указ. соч. 1977. С. 151-152.

³⁶⁹ Там же. С. 149.

определительными придаточными, не обязательно посессивной семантики (ср.: «мой дом» = «дом, в котором я живу / построил / хожу мимо / люблюсь и т. п.), т. е. определяются контекстом³⁷⁰.

Известно, что еще в средневековый период испанские переводчики передавали арабские синтетические модели аналитическими конструкциями. Там, где в арабском тексте посессив выражался личным суффиксом (букв.: *las riquezas de tí (tuyos)*), в испанском переводе использовалась аналитическая модель: *las riquezas que has*³⁷¹. Отметим при этом, что из всех видов структур с эксплицитными предикатами, именно определительные придаточные ближе всего к именным группам с определениями или детерминативами типа посессивов³⁷².

В современном испанском языке посессивные модели образуют определенную номинативно-дательную парадигму. Так, специфичным для рассматриваемой категории посессивности в испанском является высокая частотность случаев, когда указание на посессора включено не в именную группу, а в глагольную структуру. Ср.: <...> *у al decir esto le lloraba la voz*³⁷³ (Niebla, 73). Датив часто выражает в испанском идею обладания, заменяя посессив (в виде притяжательного местоимения). Например, “*se le llenaron los ojos de lágrimas*”³⁷⁴ вместо “*sus ojos se llenaron de lágrimas*”. Последнее доминирует во французском, ср.: “*Ses yeux se remplirent de larmes*”. «Датив обладания, заменяемый на притяжательное местоимение, – одна из особенностей, которые наиболее отличают испанские конструкции от французских, о чем иногда забывают переводчики»³⁷⁵. По меткому замечанию

³⁷⁰ Там же. С. 150.

³⁷¹ Степанов Г. В. Формирование романских литературных языков / Отв. ред. Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1984. – 357 с.

³⁷² Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 65.

³⁷³ «... и сказав это у нее задрожал (ее) голос (букв.: ей задрожал)».

³⁷⁴ «Глаза ее наполнились слезами».

³⁷⁵ Цит. по: Bello A. Gramática de la lengua castellana destinada al uso de los americanos. – Santiago de Chile: Imprenta del Progreso, 1847. § 285.

Э. Лоренсо, испанский язык «испытывает отвращение» к посессиву в подобных конструкциях³⁷⁶.

Приведем два других примера, в которых дативные местоименные модели также выражают принадлежность лицу (лицам), о которых идет речь: *Como un sueño dulce se les iba la vida*³⁷⁷ (Niebla, 43). Ср. также: ¡Y así *se nos irán los años!*³⁷⁸ (Niebla, 57). В первом случае речь идет о референте 3-го лица, в котором, как известно, при употреблении посессивной местоименной конструкции снимается противопоставление по числу актантов, а ситуация проясняется только из контекста. Так, если не учитывать последний, неясно, чья жизнь проходила – *ego* (ее) или *их*. Ясность достигается при использовании снимающей омонимию дативной формы личного местоимения. Кроме того, заслуживает внимания сама идея, заложенная в структуру приведенного высказывания для выражения обладания тем, чем обладать в сущности нельзя и удержать невозможно. Описываемый процесс представляет собой два противоположнонаправленных вектора (в направлении к / от реального субъекта). Потенциальная способность датива обозначать в испанском как цель движения, так и его начальный пункт отмечалась и ранее, ср.: *se nos acercó* «он приблизился к нам» и *se nos apartó* «он удалился от нас»³⁷⁹. Что касается каталанского, то здесь имеются особые формы *en* и *hi*, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции. Так, «исконное», этимологическое значение местоимения *hi* – это обозначение места во всех случаях, когда оно не соответствует конструкции с предлогом *de* (т. е. не имеет семы «удаление, отделение»), ср.: *no vull anar-hi* «я не хочу туда идти», в то время как местоименная форма *en*, в числе прочих конструкций с *de*, замещает и конструкции места со значением удаления, ср.: *encara són a casa? no, ja en són fora* «Они еще дома? – Нет, они уже ушли оттуда»³⁸⁰.

³⁷⁶ Lorenzo E. El español de hoy, lengua en ebullición. – Madrid: Gredos, 1971.

³⁷⁷ «Как сладкий сон проходила их жизнь (букв.: ‘им проходила’)».

³⁷⁸ «И так пройдут наши годы! (букв.: ‘нам пройдут’)».

³⁷⁹ Вольф Е. М. Указ. соч. 1974. С. 39.

³⁸⁰ Там же. С. 54.

Большинство исследователей полагает, что термин *dativ* / (*дательный падеж*) адекватен заложенному в нем содержанию. Как известно, в античной традиции он был введен стоиками и получил свое название, видимо, в связи с его частотным использованием с глаголами с семантикой «давать»³⁸¹. Позже, в латинской традиции, Варрон именовал его *casus dandi* (*De lingua latina*, 8, 36; 10, 21). У Квинтилиана это *dativus* (*Institutio Oratoria*, 1, 4 26; 1, 7 17, etc.). Тем не менее, нельзя не отметить, что греческий термин и его латинский эквиваленты далеко не однозначны с функциональной точки зрения. Так, имя в этом падеже могло означать как *адресата*, так и *адресанта*, а в некоторых случаях и сам передаваемый объект. При этом корреляция глаголов *do*, *sum* и *habeo* при смене диатез представляется очевидной, ср.:

Pater^{Nom.} filio^{Dat.} librum^{Acc.} dat. –
 Liber^{Nom.} filio^{Dat.} est [datur] –
 Filius^{Nom.} Librum^{Acc.} habet.

Этот пример указывает на экспликацию категории обладания различными S-O отношениями в рамках предложения-высказывания. Также отметим, что, опираясь лишь на семантический критерий для адекватной интерпретации этих отношений в посессивных образованиях представляется нам недостаточной. Более полное представление об анализируемых моделях дают работы, написанные на основе использования *семантико-синтаксических* критериев³⁸². На материале русского языка здесь обычно рассматриваются способы оформления посессора актанта глагола. Так, в работе Е.В. Рахилиной тщательно проанализирована возможность оформления этого участника ситуации дательным падежом и показано, что определяющим фактором в этой связи являются семантико-синтаксические свойства глагола, кодирующего ситуацию. Предложенная методика описания ограничений на употребление

³⁸¹ Agud A. Historia y teoría de los casos. – Madrid: Gredos, 1980. – P. 60.

³⁸² Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974.

Кибрик А. Е. Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Слово в тексте и в словаре: сб. научн. статей к 70-летию Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 647 с.

Рахилина Е. В. Указ. соч. 1982.

дательного посессивного (далее – ДП) в русском языке³⁸³ позволила выделить четыре семантические группы глаголов, не допускающих ДП: 1) глаголы психической каузации; 2) адресатные глаголы; 3) глаголы восприятия; 4) глаголы с семантикой приобретения. Вслед за автором отметим, что глаголы, составляющие первую группу, требуют обязательной коррелентности посессора субъекту-подлежащему (ср. *зажмурить глаза*) и, таким образом, не допускают ДП. Такие глаголы по типу каузации относятся к психическим и противопоставлены глаголам механической каузации, которые ограничений на оформление посессора не накладывают. Для того чтобы провести четкую грань между указанными типами глаголов поясним, что действие, выражаемое первыми, есть следствие *прямого* воздействия нервного импульса на ту или иную часть тела, тогда как действие вторых представляет собой *опосредованное* воздействие. Как представляется, понимание данного обстоятельства позволяет пойти дальше и, уже избегая использования понятий психической и механической каузации, вывести структурно-семантическое определение. Возможность оформления посессора дательным падежом присуща именно тем глаголам, в глубинной структуре которых имеется валентность на заполнение инструментальной функции. Ср., например, в исп.:

- 1) *Se frotó el párpado (con la mano)*³⁸⁴;
- 2) *La perra fijó en el niño sus vivaces pupilas*³⁸⁵.

Что касается глаголов второй и третьей группы, то их можно было бы объединить в одну, так как и те и другие содержат в своей глубинной структуре адресат, кодируемый дательным падежом. В связи с этим появление в подобных структурах ДП невозможно, так как в полученном предложении в этом случае было бы две дативных формы, в то время, как известно, что любое падежное отношение выражается в простом предложении только одной. Из этого следует, что когда некоторая падежная форма появляется в

³⁸³ Подробнее см.: Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 25.

³⁸⁴ «Он протер веко (рукой)».

³⁸⁵ «Собака уставилась на мальчика своими выразительными глазами».

поверхностной структуре одного и того же предложения более чем один раз (в разных именных группах), то либо здесь налицо более чем один глубинный падеж, либо данное предложение является сложным³⁸⁶.

Наибольший интерес вызывают глаголы четвертой группы (т. н. глаголы с семантикой приобретения), при которых принцип кодирования посессора может кардинально отличается в сопоставляемых языках. Особенностью семантической структуры моделей с данными глаголами является так называемая *смена посессора*, таким образом, что всякий естественный язык должен в таких случаях определить, какого именно из двух актантов-посессоров следует выражать дативом. В русском языке выбирается второй, ср.: *Купил мне книгу у букиниста* (по-видимому, по причине «заинтересованности» второго в приобретении, так как заинтересованность первого необязательна)³⁸⁷. В чешском наоборот ДП кодирует первого посессора: *Ukradl mi kabát*³⁸⁸. То же в латыни для глаголов *adimo* ‘отнимать’, *eripio* ‘похищать’ и т.д. Ср.: *Tam bellum mihi passerem abstulistis* [из Катутлла]³⁸⁹. Ср. также в испанском: *Está bien, te la compro. ¿Qué quieres por ella?*³⁹⁰ (*Delibes, 163*).

Как представляется, подобный феномен оформления посессора дативом следует объяснять не столько семантикой «заинтересованности» (что, безусловно, имеет место в некоторых случаях, но далеко не универсально в применении ко всему множеству случаев реального употребления (об этом также см. ниже)), сколько структурно-историческими предпосылками. Так, например, хорошо известно о совпадении форм генитива и датива в пространстве всего балканского ареала (в греческом, албанском, румынском,

³⁸⁶ Филлмор Ч. Дело о падеже // Зарубежная лингвистика. III. / Общ. ред. В. Ю. Розенцвейга и др. – М.: Прогресс, 2002. – С. 127 – 259.

³⁸⁷ Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 29.

³⁸⁸ ‘Он украл у меня пальто’ (= букв. ‘Он украл мне пальто’).

³⁸⁹ «Вы похитили у меня (букв. ‘мне’) прекрасного воробья».

Этот и предыдущий пример цит. по: Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 29.

³⁹⁰ «Идет. Я у тебя (букв. ‘тебе’) ее куплю. Что ты за нее хочешь?».

Отметим, что в испанском параллельно функционирует оба способа, тем не менее, оформление ДП исходного посессора предпочтительнее. В данном случае интерпретация высказывания определяется последующим контекстом (см. вопросительную реплику).

болгарском, македонском и, отчасти, сербо-хорватском языках)³⁹¹, а также в северных русских говорах.

Кроме указанных четырех групп, также отмечается, что в русском языке ДП невозможен при одновалентных глаголах. Ср.: **Кукла спит Маши*; **Рубашка сохнет напе*, тогда как в других языках, которые используют модель с ДП, такого ограничения может не быть. Ср. чешск. *Tváře ji hořely* ‘У нее (букв. ей) щеки горели’; нем. *Die Augen leuchteten ihm* ‘Глаза у него (букв. ему) светились’³⁹². Ср. то же в исп.: *Me bailan las fechas en la cabeza*³⁹³ (Reina, 50). Отметим, тем не менее, что приведенные автором примеры не совсем удачны, а точнее – не показательны, так как в русских предложениях (см. выше) объектом обладания является отторжимая принадлежность, а во всех остальных примерах из других языков – неотторжимая. Кроме того, вопрос о структурно-семантическом статусе глагола положениями теории валентностей не исчерпывается. Так, в испанском глагол *dormir* в отличие от своего лексического эквивалента «спать» в русском языке (ср. выше) может иметь как минимум четыре варианта залогово-аспектуальной характеристики, благодаря различной нюансировке субъектно-объектных отношений в результате действия фактора компрессии:

- 1) неактивное субъектное значение, ср.: *La niña duerme*³⁹⁴;
- 2) неактивное перфектное значение, ср.: *Se durmió la niña*³⁹⁵ как результат стяжения двух пропозиций (каузативной и стативной), ср.: (а) *Algo (Alguien) hizo dormir la niña* + (б) *La niña duerme*;
- 3) неактивное субъектное перфектное значение с ДП, ср.: *Me durmió la niña*³⁹⁶;
- 4) активное (каузативное) объектное перфектное значение с ДП, ср.: *Le dormí la niña a él*³⁹⁷ (подробнее о некорректности предложений типа *Me dormí la niña* см. ниже).

³⁹¹ Серебренников Б. А. Указ. соч. С. 224, 290.

³⁹² Пример цит. по: Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 25.

³⁹³ «Даты пляшут у меня (букв. ‘мне’) в голове».

³⁹⁴ «Девочка спит».

³⁹⁵ «Девочка заснула».

³⁹⁶ «Моя девочка заснула» (букв. ‘Мне заснула девочка’).

Особо в работе Е.В. Рахилиной выделяются предложения с одноместным глаголом *быть*, такие как, например: *Будет тебе дальняя дорога*, которым, с точки зрения автора, должна быть приписана иная глубинная структура. Как видится, глагол в этом случае следует интерпретировать по своей функции как двухместный (*будет тебе* ← = (быть) *у тебя* ← = *иметь*). Показательно, что в древнерусском языке, в отличие от современного, ДП мог употребляться и при одноместном глаголе. Ср.: *У кого порося пропало, тому в ушах визжитъ*³⁹⁸.

Ю.Д. Апресян описывает еще несколько конструкций, выражающих значение посессивности: 1) дательный посессора с предлогом *к*, ср.: *Вбежал к нему в комнату*; 2) винительный посессора, ср.: *Гладить девочку по волосам*. Синтаксическое различие между конструкциями с дательным посессора и винительным посессора «имеют тонкую коммуникативную мотивацию»³⁹⁹. Если при глаголе возможны два дополнения – прямое и косвенное, то в фокусе внимания (при прочих равных условиях) оказывается объект в позиции прямого дополнения. Ср.: 1) *Петр целовал ей руку* (более или менее обезличенная форма светского приветствия, следовательно в фокусе внимания субъекта не объект чувства, а объект самого ритуального действия); 2) *Петр целовал ее в губы* (фиксация внимания на объекте чувства)⁴⁰⁰.

Как было отмечено выше, в русском языке существует три синтаксических варианта реализации одного глубинно-синтаксического посессивного представления: генитив / датив / именная группа с притяжательным местоимением. Этот феномен, как показано в работах ряда исследователей⁴⁰¹, состоит в том, что единая семантическая валентность

³⁹⁷ «Я уложил спать его дочку».

³⁹⁸ Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 25.

³⁹⁹ Апресян Ю. Д. Указ. соч. 1967. С. 7.

⁴⁰⁰ Ср. у А. Ахматовой создаваемый синтаксическими средствами образ безответности поцелуя:

Перенеся двухдневную разлуку,
К нам едет гость вдоль нивы золотой,
Целует *бабушке* в гостиную руку
И губы *мне* на лестнице крутой.

(пример цит. по: Апресян Ю. Д. Указ. соч. 1967. С. 8).

⁴⁰¹ Wierzbicka A. Ethno-syntax and the Philosophy of Grammar // *Studies in Language*. Vol. 3. – № 3. – 1979. – P. 313 – 383.

Studies in Relational Grammar / Ed. by David Perlmutter. – Chicago; London, 1983.

предиката на синтаксическом уровне может быть представлена как две синтаксические валентности за счет т.н. «расщепления» исходной структуры на производные, каждая из которых самостоятельно вступает в синтаксические отношения с предикатом. Этот процесс широко представлен в самых различных языках, в том числе и в испанском, однако репертуар ситуаций, когда такое «высвобождение» посессора возможно, желательно или обязательно, варьируется в том или ином конкретно рассматриваемом языке. Типологии этого явления в 1997 г. была посвящена специальная международная конференция в Юджине, штат Орегон. В некоторых случаях при таком смещении («подъеме посессора» по терминологии Л. Хаймана и Д. Перльмуттера, «экстрапозиции посессора», по терминологии А. Е. Кибрика) происходит системный семантический сдвиг, связанный с категорией аффецированности, т. е. прямой вовлеченности посессора в действие, так как при подъеме, особенно в ядерную позицию, посессор эксплицитно вводится в число актуализированных участников события. Ср.: *Он прострелил мне шляпу* (т. е. шляпа была на мне или у меня в руке, а я был непосредственно вовлечен в действие) и *Он прострелил мою шляпу* (т. е. шляпа могла быть где угодно, в том числе у меня дома, когда я сам находился на работе и не был прямо вовлечен в действие)⁴⁰². Ср. также: *Я вбежал к Ивану в кабинет* (Иван был в своем кабинете) - *Я вбежал в кабинет Ивана* (Иван мог быть где угодно). По мнению А. Е. Кибрика, за разнообразием проявлений этого явления стоит некий единый *когнитивный* механизм, способствующий «высвобождению» посессора (являющегося зависимой составляющей в исходной именной группе с притяжательным местоимением) и переподчинению его предикату⁴⁰³. Степень доступности семантических отношений процессу расщепления отражена в предложенных А. Е. Кибриком иерархиях, одна из которых представляет собой развернутый вариант известной оппозиции «неотчуждаемая» / «отчуждаемая»

Апресян Ю. Д. Указ. соч. 1974;

Кибрик А. Е. Указ. соч. 2000.

⁴⁰² Апресян Ю. Д. Указ. соч. 1974. С. 259 – 260.

⁴⁰³ Кибрик А. Е. Указ. соч. С. 435.

принадлежность (см. схему 1), а вторая основывается на противопоставлении по признаку «одушевленности» / «неодушевленности» (см. схема 2). Чем выше стоит посессор в иерархии, тем предпочтительнее его синтаксическое выражение как внешнего посессора.

Схема 1:

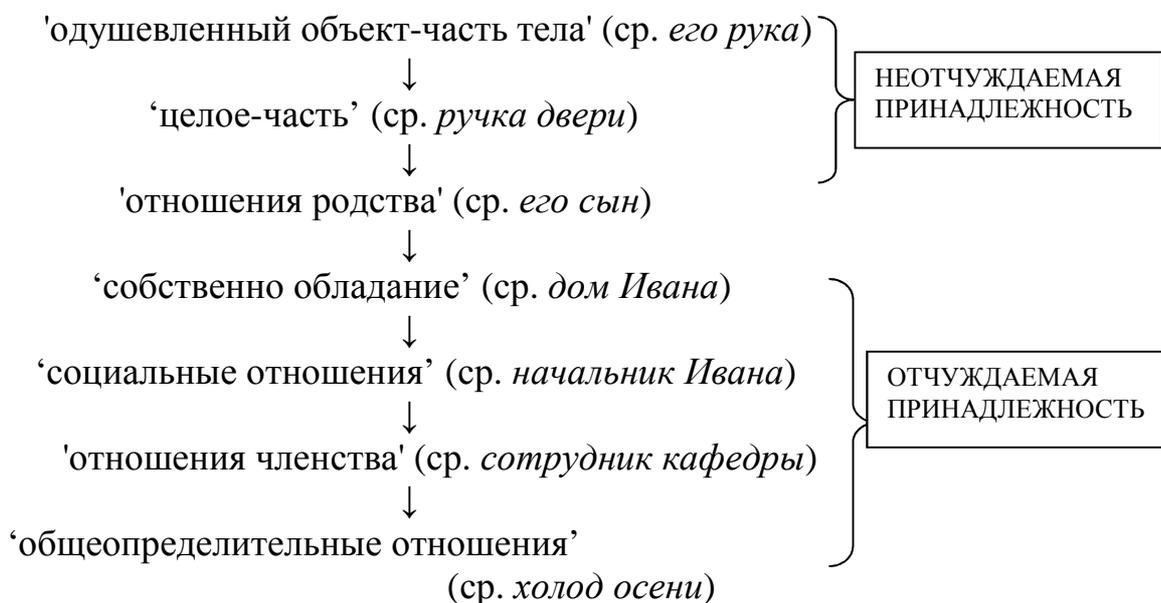

Схема 2: 1^е / 2^е лицо → 3^е лицо → человек → одушевленное → неодушевленное

Кроме того, выделяются еще две взаимодействующие иерархии: *реляционная* (<Подлежащее> → <Прямое дополнение> → <Обстоятельство места> → <прочее>) и *ролевая* (<Место> → <Пациенс> → <Экспериментер> → <Агенс>)⁴⁰⁴. Как указывает Д. Пэйн, заметное предпочтение использовать конструкцию с внешним посессором имеют непереходные стивные предикаты и переходные глаголы физического контакта/воздействия⁴⁰⁵. Отметим, что указанные типы предикатов коррелируют с отмеченной выше в иерархии предпочтительностью ролей *Пациенса* и *Места*. В целом вопрос о т. н. «расщеплении» исходной структуры на производные связан, как нам представляется, не с упомянутым выше *неким* единым *когнитивным* механизмом, а является следствием действия давно *известного*

⁴⁰⁴ Там же. С. 439.

⁴⁰⁵ Payne D. Prolegomenon to the typology of external possession constructions // Conference on EP and noun incorporation. – Eugene, 1997. – P. 6-7.

всепоглощающего закона экономии в развитии языковых моделей и напоминает случаи компрессии двух пропозиций в конечной модели предложения⁴⁰⁶. Ср. гипотетические варианты развития структуры простого испанского предложения, где (1а) объект обладания – «неотчуждаемая принадлежность», каузатор = субъект обладания; (1б) то же, но с элиминацией субъекта, т. е. объект обладания – «неотчуждаемая принадлежность», каузатор = зарамочный субъект ≠ субъект обладания, а пресуппозиционное значение передает произвольность действия; (2) – объект обладания – «отчуждаемая принадлежность»:

(1а) El Antoliano ...*se* limpió el sudor de *la frente* con el antebrazo (Ratas, 25) ← El Antoliano^{Nom.} *se*^{Acc./Pron.refl.} limpió a sí mismo del sudor + en *la frente*^{Loc.} había el sudor + *la frente*^{Nom.} era *suya*^{Pron.poss.}.

(1б) <...> al Justito *le*^{Dat.poss.} temblaban visiblemente *los* dedos. (Ratas, 122) ← Los dedos le pertenecían al Justito^{Dat.} + los dedos temblaban ← [Algo/Alguien] hacía temblar los dedos del Justito^{Gen. poss.}.

(2) <...> no dejes a ese gandul que *te* pise *el* terreno” (Ratas, 100) ← <...> que *te*^{Acc.} pise a ti + <...> que pise el terreno tuyo^{Pron.poss.} [≈ no dejes ... que *te*^{Acc.} pise a ti por pisar el terreno que *te*^{Dat.} pertenece]. Ср. также: ...los cuervos no *me* dejan quietos *los sembrados* (Ratas, 13) ← los cuervos no *me*^{Acc.} dejan quieto a mí + los cuervos no dejan quietos los sembrados míos^{Pron.poss.} [≈ los cuervos no *me*^{Acc.} dejan quieto a mí por no dejar quietos los sembrados que *me*^{Dat.} pertenecen]. Связь четырех падежей, образующих своего рода сложную дативно-генитивно-аккузативно-номинативную парадигму при выражении семантики обладания/принадлежности, была отмечена еще в грамматике Присциана. Согласно латинскому грамматисту, посессор выражается генитивом, обладаемое – номинативом (“*Hector filius Priami*”); если в структуре предложения употребляется глагол обладания (*possideo, habeo*), то посессор выражается номинативом, а обладаемое – аккузативом (“*Hectorem filium*

⁴⁰⁶ Подробнее о влиянии компрессии на развитие структуры иберороманского предложения в кн.: Зеликов М. В. Указ. соч. 2005. С. 145 и сл.

Priamus possidet”/ “*habet*”); вместе с тем существует и третий вариант с глаголом «быть» (*sum*), который образует конструкцию как с генитивом (“*filius Priami fuit Hector*”), так и с дативом (“*filius Priamo fuit Hector*”) (*Institutiones Grammaticae*, 3, 213, 3 ss.).

Использование личного местоимения в дативе вместо притяжательного местоимения (т. е. случаи т. н. *dativo posesivo*) рассматривается некоторыми авторами как проблема нейтрализации посессив - артикль⁴⁰⁷. Вызывает недоумение то, что некоторые исследователи не видят здесь существенной разницы между именной и глагольной структурой при выражении посессивных отношений и, кроме того, забывают об узуальной для испанского языка предпочтительности последней. Более того, считая обе структуры именными, Сантуш Ваамонде выдвигает тезис о том, что дативный вариант по сравнению с приименным посессивом потенциально более многозначен, и приводит следующий пример:

Buscó a Aureliano en la oscuridad, *le puso la mano en el vientre* y lo besó en el cuello con una ternura maternal⁴⁰⁸ (Márquez, Cien años). Автор предлагает четыре (Sic!) возможных интерпретации выделенной курсивом структуры, ср:

- a) [Pilar Ternera] puso la mano de Pilar Ternera en el vientre de Aureliano.
- б) [Pilar Ternera] puso la mano de Pilar Ternera en el vientre de Pilar Ternera.
- в) [Pilar Ternera] puso la mano de Aureliano en el vientre de Aureliano.
- г) [Pilar Ternera] puso la mano de Aureliano en el vientre de Pilar Ternera⁴⁰⁹.

Комментируя эти примеры, обратим внимание на то, что варианты (б), (г)

⁴⁰⁷ Porto Dapena J. Á. Los posesivos personales del español: intento de descripción funcional // Dicenda. Cuadernos de Filología Hispánica. Facultad de Filología. Universidad Complutense de Madrid. – № 1. – 1982. – P. 95.

Santos Vaamonde G. Las relaciones posesivas y la estructura argumental de la cláusula // Actas del XXXV Simposio Internacional de la Sociedad Española de Lingüística / Ed. por Milka Villayandre Llamazares. – León: Universidad de León, 2006. – P. 1688;

Company Company C. Gramaticalización, debilitamiento semántico y reanálisis. El posesivo como artículo en la evolución sintáctica del español // Revista de Filología Española. – № 81, 1º- 2º. – 2001. – P. 49 – 87.

Demonte V. El ‘artículo en lugar del posesivo’ y el control de los sintagmas nominales // Nueva Revista de Filología Hispánica. – № 36. – 1988. – P. 89 – 108;

Losada Durán J. R. El artículo y el posesivo en español e inglés // Analecta-Malacitana: Revista de la Sección de Filología de la Facultad de Filosofía y Letras (Málaga). – № 14 – 1. – 1991. – P. 141 – 157.

⁴⁰⁸ «(Она) нашла Аурелиано в темноте, положила ему руку на живот и поцеловала его в шею с материнской нежностью».

⁴⁰⁹ Santos Vaamonde G. Op. cit. P. 1690.

возможны, только если рассматриваемая структура имеет вид: *se puso la mano en el vientre*, т. к. *le* является местоимением не возвратным, а именно косвенным.

Следует также отметить, что взаимозаменяемость посессивного датива и притяжательного местоимения имеет место не всегда. Проиллюстрируем это положение на следующем примере: *En la cara de la mujer que le abrió la puerta vio grabado el horror, y la mano que se pasó por la frente salió roja de sangre*⁴¹⁰ (Borges). Здесь подобная замена приглагольной дативной частицы *se* в медиальном значении на притяжательное местоимение исказила бы смысл предложения (Ср.: *En la cara de la mujer que le abrió la puerta vio grabado el horror, y la mano que pasó por su frente salió roja de sangre.*) Местоименная посессивная конструкция анафорична⁴¹¹ и использование ее в данном предложении скорее указывало бы на принадлежность *frente* другому актанту – женщине, открывшей дверь. Функционирование *se*, таким образом, снимает проблему, раскрывая отношение, которое в именной посессивной группе могло бы толковаться двояко: как субъектное и как объектное. Подчеркнем, что в подобных случаях уместнее говорить не о сомнительной нейтрализации «посессив – артикль», а скорее о нейтрализации грамматической омонимии, при использовании дативной структуры вместо приименного посессива.

Причину, по которой говорящий отдает предпочтение дативу, сторонники нейтрализации «посессив – артикль» чаще всего видят в контексте. Среди лингвистических факторов указываются в основном случаи, по сути, представляющие собой модели неотторжимой принадлежности, но в работах указанных выше авторов используется термин «эндоцентрическая принадлежность» (букв. *pertenencia endocéntrica*)⁴¹². Необоснованное, на наш взгляд, нагромождение терминологии в работах последних десятилетий продолжается. Ср., например, понятие т. н. «сущностной связи» между

⁴¹⁰ «На лице женщины, открывшей ему дверь, он увидел ужас: рука, которой он провел себе по лбу оказалась красной от крови».

⁴¹¹ Вольф Е. М. Указ. соч. 1977. С. 171.

⁴¹² Так, например, в статье: Porto Dapena J. Á. Op. cit. P. 97.

актантами (исп. *conexión intrínseca*⁴¹³, *relación inherente*⁴¹⁴, ср. англ. *lexical possession*⁴¹⁵), в то время как вся проблематика, в сущности, здесь сводится все к той же давно известной оппозиции отторжимой/неотторжимой принадлежности.

Основным признаком «неотторжимой принадлежности» считается максимально тесная, нерасторжимая связь посессора и объекта, проявляющаяся в том, что посессор, утратив объект, перестает быть тождественным самому себе и поэтому вне связи с объектом не мыслится⁴¹⁶. Ср.: *Se secaba la mano derecha en el paño y luego se la ofrecía*⁴¹⁷ (Jarama, 209). Ср. также следующие два примера:

1) *Yo me lavo las manos*⁴¹⁸ (me lavo – возвратная форма)

2) *María le lava la lechuga a su mamá*⁴¹⁹ (lavarle algo a uno – невозвратная форма)

По мнению К. Монсон, второе предложение при попытке сделать его возвратным становится грамматически неправильным:

2* → [*María le lava la lechuga a María*]

*María se lava la lechuga*⁴²⁰.

Н. Картахена отмечает, что первое предложение имеет особые семантические характеристики прямого дополнения, а именно отнесенность его к какой-либо части тела субъекта. Однако некоторые носители языка считают эти характеристики необязательными и предложения второго типа [2*] они расценивают как грамматически правильные⁴²¹.

⁴¹³ Santos Vaamonde G. Op. cit. P. 1686.

Ср. англ. термин *intrinsic connection*. – Цит. по: Hawkins R. Towards an account of the possessive constructions: NP's and the N of NP // *Journal of Linguistics*. – № 17. – 1981. – P. 248. Последний, в свою очередь, базировался на идеях Н. Хомского.

⁴¹⁴ Müller H. H. Op. cit. P. 176.

⁴¹⁵ Barker, Ch. *Possessive Descriptions*. Stanford: CSLI Publications, 1995.

⁴¹⁶ Журиная М. А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания в языке. – М.: Наука, 1977. – С. 195.

⁴¹⁷ «Он вытирал свою правую руку о тряпку и затем протягивал ее им».

⁴¹⁸ «Я мою (себе / свои) руки».

⁴¹⁹ «Мария моет зелень для своей матери».

⁴²⁰ Monzón C. Op. cit. P. 77.

⁴²¹ Cartagena N. *Sentido y estructura de las construcciones pronominales en español*. – Chile: Universidad de Concepción, 1972. – P. 80.

Тем не менее, подобной трансформации без ущерба смысла могут быть подвергнуты не все предложения. Ср.:

1) Juan *le endulzó* el café a Pedro⁴²².

[Juan *le endulzó* el café a Juan.]⁴²³

Juan *se endulzó* el café⁴²⁴.

2) Anoche Juan *le durmió* la niña a María⁴²⁵

[Anoche Juan *le durmió* la niña a Juan.]⁴²⁶

*Anoche Juan *se durmió* la niña⁴²⁷.

Отличительным признаком предложений 1 и 2 является одушевленность / неодушевленность объекта, однако только предложение [2*] считается грамматически неправильным⁴²⁸, что указывает на то, что критерий одушевленности / неодушевленности объекта, а тем более отторжимой / неотторжимой принадлежности, определяющим для подобных моделей в испанском не является. Основным «блокирующим» моментом в моделях типа [2*], является гипотетически возможная в таких случаях грамматическая омонимия полифункциональной клитики *se* в функции «*dativo posesivo*» (т. е. объектная референция) и возвратной функции (т. е. когда *se* коррелентна субъекту), ср.:

1) Anoche Juan hizo dormir a su niña

versus

2) Anoche Juan hizo dormir a sí mismo;

Таким образом, рассматриваемая дативная модель глагольных структур с семантикой обладания расширяет сферу своего употребления в испанском, не ограничиваясь рамками понятия «неотторжимой принадлежности» и

⁴²² «Хуан подсластил кофе для Педро».

⁴²³ «Хуан подсластил кофе Хуану».

⁴²⁴ «Хуан подсластил себе кофе».

⁴²⁵ «Вчера вечером Хуан уложил спать дочку Марии (букв. 'для Марии')».

⁴²⁶ «Вчера вечером Хуан уложил спать дочку Хуана (букв. 'для Хуана')».

⁴²⁷ «Вчера вечером Хуан (букв. 'себе уложил спать дочку')».

⁴²⁸ Monzón C. Op. cit. P. 77.

«неодушевленности» объекта. Ср.: ¡Los cuervos no *me* dejan quietos los sembrados!⁴²⁹ (Ratas, 13).

Вопрос об оппозиции отторжимой / неотторжимой принадлежности неразрывно связан с противопоставлением «внешнего» и «внутреннего» в языке, эксплицирующим проблемы оппозиции «активный – средний залог». Если субъект выступает как «место протекания» процесса, т. е. действие остается в сфере субъекта и за его рамки не выходит, то он является *внутренним* по отношению к процессу. В таких случаях следует говорить о среднем залоге. Активный залог, наоборот, предполагает *внешнее* положение субъекта по отношению к процессу, где субъект является действующим лицом (агентом), а процесс, лишившись субъекта как места своего осуществления, переносится на другой член, становящийся объектом (как некоторая цель). Такое залоговое противопоставление было установлено еще Панини: *parasmaipada* (актив) представляет собой «слово для другого», а *ātmanepada* (медий) – «слово для себя»⁴³⁰. Как нам представляется, такой подход избавляет исследователя от необходимости прибегать к весьма расплывчатому понятию «заинтересованности» субъекта в процессе⁴³¹. Последнее, кстати, иногда понимается в литературе неоднозначно⁴³². Так, например, указанный семантический признак выделяется при сопоставлении двух⁴³³ способов выражения отношения принадлежности в русском языке с дательным или родительным падежом соответственно. Они не синонимичны. Ср.: 1) *Он нянчил*

⁴²⁹ «Вороны никак не оставят в покое *мои* посевы».

⁴³⁰ Андреева М. Д. Значения среднего залога в эпическом санскрите // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. (Отв. ред. Н.Н.Казанский). – Т. IV. – Ч.1. – СПб.: Наука, 2008. С. 299.

⁴³¹ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 188-190.

⁴³² Так, разные точки зрения на проблему «заинтересованности» субъекта см. в следующих работах:

Monzón С. Op. cit.

Zorraquino М. М. Las construcciones pronominales en español. Paradigma y desviaciones. – Madrid: Gredos, 1979;

Апресян Ю. Д. Указ. соч. 1974;

Маслов Ю. С. Указ. соч. 2004;

Рахилина Е. В. Указ. соч.;

Селиверстова О. Н. Указ. соч.;

Григалонене Й. Й. Синтаксический посессив и коррелирующие с ним модели в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т языкознания. – М., 1986.

⁴³³ Шире – трех синтаксических вариантов с Д.п. / у + Р.п. / притяжательное местоимение. – Цит. по: Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 24.

моих детей (заинтересованность не выражена языковыми средствами); 2) Он *нянчил мне детей* (= ‘моих’ детей + ‘для меня’). Таким образом, «сема заинтересованности является конституирующим элементом смыслового представления конструкции с дательным посессивным»⁴³⁴. Наличие этой семы обуславливает запрет на использование неодушевленных имен в роли посессора. Ср.: * *Отрезать пирогу кусок*. Только в случае окказионального перехода существительного в категорию семантически одушевленных становится возможным вариант с неодушевленным посессором. Ср.: Это он моему «Запорожцу» стекло разбил!⁴³⁵. Ср. в этой связи *benefactive*⁴³⁶, *complemento de interés*⁴³⁷.

Любопытно, что разделы, посвященные феномену *dativo de interés* в учебниках по грамматике испанского языка, отличаются как раз отсутствием интереса исследователей к дативу и к эмпирическому материалу с ним связанному, следствием чего становится нехватка ясности и точности в определениях явления, а иногда контаминация с другими пограничными случаями функционирования падежной системы в испанском. Так, не всегда ясно в каких системных отношениях состоят между собой упоминаемые авторами грамматик и отдельных исследований такие феномены, как *dativo de interés*, *dativo superfluo*, *dativo simpatético*, *dativo ético*, *dativo aspectual* и, наконец, наиболее интересующий нас *dativo posesivo*. Более того, в отдельных работах⁴³⁸ почти стирается грань, отделяющая последние от возвратных и местоименных глаголов, а также проблемы среднего залога. Приведем материал.

1.1 *Dativo superfluo*

⁴³⁴ Там же. С. 57.

⁴³⁵ Там же. С. 25.

⁴³⁶ Филлмор Ч. Указ. соч.

⁴³⁷ Monzón C. Op. cit.;

Alcina Franch J., Blecua J. M. Gramática española. – Barcelona: Ariel, 1975;

Bello A. Op. cit. § 285.

⁴³⁸ Fernández Ramírez S. Gramática española: El pronombre. – Madrid: Arco/Libros, 1987.

Cano R. Estructuras sintácticas transitivas en el español actual. – Madrid: Gredos, 1981;

García-Miguel J. M. La voz media en español: las construcciones pronominales con verbos transitivos // Verba. – № 12. – 1985. – P. 307 – 343.

Так называемый «избыточный датив» – первый в ряду некорректно используемых терминов, определяющих функции датива в простом испанском предложении. Ср. примеры к этому типу⁴³⁹:

1) *La casa nos está saliendo muy cara.*

2) *Se me escapó el canario por la ventana..*

В п. 1 «Дом выходит очень дорого стоит *для нас(!!!)*» Ведь утверждается именно это, а не то, что он дорогой (ведь для кого-то эта цена, может быть вполне приемлемой).

В п. 2 «*У меня* (= от меня) улетела канарейка», т. к. здесь *у меня* это как раз самое главное в сообщении, а не то, что канарейка улетела.

И первый, и второй пример вызывает сомнение в правомочности атрибуирования дативу в таких моделях функций *dativo superfluo*, если прагматически датив выражает основного фигуранта ситуации, а не только передает ту или иную степень аффективности и т. п. Нам видится ошибочным предположение о том, что употребление датива в таких моделях факультативно, а именно в этом, состоит смысл термина *dativo superfluo*, и тем более утверждать, что «датив здесь не имеет никакой синтаксической функции, и его опущение не искажает верного отображения ситуации. Датив не выражает актантной позиции и даже не является обстоятельством в предложении. Он лишь маркирует эмфатический акцент, заинтересованность или аффект, испытываемый *внешними* (курсив наш. – А. И.) по отношению к описываемому событию элементами (такими как говорящий или слушатель)»⁴⁴⁰.

А. Бельо использовал термин ‘*superfluo*’ (букв. «избыточный») применительно к дативу в тех случаях, когда было необходимо подчеркнуть отличие его функции от косвенного дополнения⁴⁴¹. Так, им были выделены следующие разновидности:

⁴³⁹ Цит. по: Alcaraz Varó E., Martínez Linares M. A. Diccionario de lingüística moderna. – Barcelona: Editorial Ariel, 1997. – P. 158.

⁴⁴⁰ Ibid.

⁴⁴¹ Bello A. Op. cit. § 33.

- a) **‘Dativo simpatético’**⁴⁴² о **‘posesivo’** (букв. «симпатетический датив» или «посессивный») – модели, в которых датив обычно указывает на лицо (субъектная составляющая), а существительное в номинативе неодушевленно, ср.: *La greña sudada y angustiada se le pegaba a la frente*⁴⁴³.
- b) **‘Dativo de dirección’** (букв. «датив направления») – модели, конкурирующие с предложными синтагмами *a (de, sobre, etc.)* + ударная форма личного местоимения, ср.: *Durante todo el camino se **nos** acercó la gente de los pueblos*⁴⁴⁴.
- c) **‘Dativo commodi o incommodi’** (букв. «датив пользы или вреда», то же что и «датив заинтересованности»), ср.: *Cortó una rama de avellano que **le** nublabá el sol*⁴⁴⁵.
- d) **‘Dativo ético’** («этический датив»), по указанию А. Бельо, в основном встречается в разговорных моделях с высокой степенью экспрессии и преимущественно в форме 1 л. ед. ч. Ср.: *Había ido el gato y se **me** lo ha comido*⁴⁴⁶; *Vosotras no **me** salgáis de aquí*⁴⁴⁷.

Позже М. Санчес Маркес (в 1872 г.) предпринял новую серьезную попытку объяснить суть различий косвенного дополнения и датива заинтересованного лица (в его терминологии – *complemento de interés*). Последний выражает не только и не столько адресата действия, сколько субстанцию (чтобы не сказать субъект), затронутую действием. Автор выделяет несколько разновидностей: неграмматический субъект, претерпевающий душевные переживания (**‘dativo ético’**), неграмматический субъект, испытывающий на себе физический ущерб (**‘dativo de daño’**), неграмматический субъект, получающий выгоду (**‘dativo de provecho’**), неграмматический субъект-участник, затронутый действием (**‘dativo**

⁴⁴² О том, что термин симпатетический датив (*dativo simpatético*) впервые был использован В. Хаверсом (см. Havers W. Untersuchungen zur Kasusyntax der Indogermanischen Sprachen. – Strassburg: Trubner, 1911) утверждается, по всей видимости, ошибочно. – Цит. по: Lázaro Carreter F. Diccionario de términos filológicos. – Madrid: Gredos, 1988.

⁴⁴³ «Потная прядь волос тоскливо прилипла у неё ко лбу».

⁴⁴⁴ «На протяжении всего пути к нам подходили люди из окрестных селений».

⁴⁴⁵ «Он отрезал ветку орешника, которая заслоняла ему солнце».

⁴⁴⁶ «Наверное, пришел кот и съел его у меня».

⁴⁴⁷ «Вы только мне отсюда не уходите!»

simpatético'), неграмматический субъект-обладатель ('**dativo posesivo**'), датив направления или цели ('**dativo de fin o destino**')⁴⁴⁸.

Помимо указанных разновидностей датива, Г. Кампос⁴⁴⁹ выделяет еще три типа:

- 1) **Dativo de separación** (букв. «датив отделения»), ср.: *Le robaron la bicicleta a Michel.*
- 2) **Dativo de eficiencia** («датив нехватки/излишка чего-л.»), ср.: *A Kiko le falta un millón para construir la piscina.*
- 3) **Dativo de relación** (букв. «датив отношения к чему-л.»), ср.: *A Choche le pareció buenísima la idea de Ximena.*

Последний тип с таким же названием встречается также в грамматике Х. Альсина Франк и Х.М. Блэкуа при анализе предложений типа: “*Le pareció magnífico*”, “*Se le reían*”, в которых «косвенное дополнение *le* выражает лицо, в отношении которого действительно то, что констатируется в глаголе»⁴⁵⁰. По сути датив в таких моделях выражает субъект ситуации восприятия, так называемый экспериенцер, ср.: русс. *мне снится, мне нравится*, среднеанглийское *me thinks, me likes*. При этом указываемый Г. Кампосом «этический датив» (*dativo ético*) ошибочно иллюстрируется следующим примером, ср. *Se lo leyó de cabo a rabo*, представляющим по сути т. н. «аспектуальный датив» (Подробнее об этом типе см. в этом разделе ниже).

Настоящие образования *dativo superflúo* являются личными моделями и имеют экспрессивный характер, выражая отношение говорящего субъекта к описываемой ситуации. Следует отличать подобные образования от других дативных моделей, в которых избыточность заключает функции других падежей, ср., например:

⁴⁴⁸ Gutiérrez Ordóñez S. Los dativos // Gramática descriptiva de la lengua española / Bosque I., Demonte V. (eds.). – Madrid: Real Academia Española / Espasa Calpe, 1999.

⁴⁴⁹ Campos H. Transitividad e intransitividad // Gramática descriptiva de la lengua española / Bosque I., Demonte V. (eds.). – Vol. 2. – Madrid: Real Academia Española / Espasa Calpe, 1999.

⁴⁵⁰ Цит. по: Alcina Franch J., Blecua J. M. Op. cit. P. 868.

- *дательный = родительный = аблатив*, ср.: Ahora estarán riéndose los dos de mí, - se decía, - y él doblemente, porque *se me lleva* a Rosario⁴⁵¹ (Niebla, 140). В настоящем примере возвратная частица *se*⁴⁵² определяет вектор действия (на субъект), благодаря чему его локативно-родительная направленность, несмотря на дательную форму модели, просматривается весьма четко. Здесь дательный *me* заменяет аблатив, основной функцией которого является, как известно, функция отдаления или отделения. Кроме того, настоящая модель соответствует посессивной (= porque *se lleva a mi* Rosario). Ср. также: Es decir que no sólo abandonó a su esposa, sino que la arruinó robándole lo suyo⁴⁵³ (Niebla, 110). Ср. также: Entretanto, *le* robo a la amistad tus besos, // y con el codo empujo mi soledad a un lado⁴⁵⁴ (Regla, 173).

- *дательный = аккузатив*, ср.:

- ¿Por qué habrían de hacerlo? – intervino el dentista.
- ¿Por qué? Me extraña su pregunta... Para robarle⁴⁵⁵. (Sepúlveda, 28)

В отличие от рассмотренных выше, модели избыточного дательного носят исключительно экспрессивный характер. Ср.: Ya, ¡enterada! ¿Conque es cosa hecha? Esto ya *me lo sabía yo*⁴⁵⁶ (Niebla, 133). Ср. также: Anda, ya, no *me* seas parado!⁴⁵⁷ (Jarama, 161).

Показательно, что А. Бельо отмечает тот факт, что никогда не встречал случаев, в которых избыточный дательный не был бы выражен 1-м лицом ед. числа⁴⁵⁸. Тем не менее, такие примеры имеются. Ср.: ¿*Te* crees que soy una radio para poder yo ajustarme el tono de la voz a gusto del oyente?⁴⁵⁹ (Jarama, 233).

⁴⁵¹ «Теперь они, наверное, смеются вдвоем надо мной, - говорил он, - и он вдвойне, потому что он *увел у меня* Росарио».

⁴⁵² Отметим попутно, что в испанском возвратное местоимение используется для создания новых глаголов, подобно тому как в английском здесь используются предлоги: to put = poner – to put *on* = ponerse. – Цит. по: Monzón С. Ор. cit. P. 78.

⁴⁵³ «То есть он не только бросил свою жену, но и разорил ее, украв у нее все ее (имущество)».

⁴⁵⁴ «Меж тем я украду у дружбы твои поцелуи, и локтем оттолкну мое одиночество в сторону».

⁴⁵⁵ - Зачем же им это делать? – вмешался дантист.

- Зачем? Меня удивляет ваш вопрос. Чтоб обчистить *его*.

⁴⁵⁶ «Хватит. Понятно! Значит вопрос решенный? Я ведь так и знала».

⁴⁵⁷ «Все, иди! Не стой *мне* тут (столбом)!»

⁴⁵⁸ Bello А. Ор. cit. § 285.

⁴⁵⁹ «Ты думаешь *себе*, что я как радио могу настраивать тембр голоса по вкусу слушателя?»

В разговорной речи в некоторых регионах Чили (реже в Аргентине), встречаются модели типа: *se me le cayó = se me cayó*. Ч. Кэни считает, что *le* несколько напоминающее известное *dativo ético* не следует интерпретировать подобным образом, так как, *в отличие о последнего*, это *le* нереперентно. *Le* в данном случае лишено смысловой нагрузки и лишь придает фразе большую категоричность суждения, создавая особый ритмический рисунок:

Argentina: *¡Y quién sabe cuánto tiempo se hubiese quedao ahí como dormido ... si un red repente no me le da por estornudar!*

Chile: *A mí no se me le da na. – Casi se me le sale un garabato. – Se me le va la vista. – Se me le cayó el pañuelo. – Se me le perdió el sombrero»*⁴⁶⁰.

Вопрос об избыточности некоторых местоименных моделей неоднократно ставился и каталанскими исследователями. Так, еще П. Фабра⁴⁶¹ рассматривал вопрос о правомерности использовать сочетание *els hi*, букв. ‘им там’ в моделях простого предложения. Так, сочетания типа: *Ex.: Els hi fa mal el cap*⁴⁶², *No-ls hi agrada gens*⁴⁶³, *Doneu-los-hi flors*⁴⁶⁴ расцениваются как неправильные с грамматической точки зрения, и вместо них предлагаются модели типа: *Els fa mal el cap*, *No-ls agrada gens*, *Doneu-los flors* «то же». С точки зрения П. Фабра, желание говорящего указать в высказывании локативный член *hi* по типу полифункционального испанского *se* грамматически не является корректным.

Чрезмерное использование наречного местоимения *hi* указывается в работе Ф. Жуве-и-Вергеса⁴⁶⁵. В статье также приводятся примеры из кастильского средневекового памятника «Книга об Аполонио»:

Auia grant repintencia porque era *hi* venido

Entendió bien que era en fallensa caydo.

.....

⁴⁶⁰ Цит. по: Kany Ch. *Sintaxis hispanoamericana*. – Madrid: Gredos, 1976. P. 174-175.

⁴⁶¹ Fabra P. *Qüestions de gramatica catalana*. – Barcelona: Biblioteca popular de “L’Avenç”, 1911. P. 23-29.

⁴⁶² «У них болит голова».

⁴⁶³ «Это им совсем не нравится».

⁴⁶⁴ «Дайте им цветы».

⁴⁶⁵ Jové y Vergés F. *Op. cit.* P. 113 – 114.

A su hija Luciana mandola *hi* venir.

1.2. *Dativo ético*

Зачастую под грифом *dativo ético* также представляют в массе примеров совсем иные случаи употребления датива. Так, например: *Tú no te me escapas*⁴⁶⁶, характерная для простого испанского предложения уже упомянутая нами выше дативно-аблативная модель. Отметим попутно, что такая интерпретация не исключает экспрессивной функции последней, но вместе с тем и не исчерпывается ею.

Часто к ошибочной интерпретации приводит игнорирование аспектуальных характеристик высказывания. Так, И. Боске пишет: «*Dativo ético* не совместим с переходными глаголами, если в высказывании в позиции объекта употреблено имя существительное без артикля. Мы можем сказать: *me bebí la leche*, но **me bebí leche* недопустимо»⁴⁶⁷. К. Монсон также отмечает, что подобные модели требуют наличия какого-либо детерминанта для прямого дополнения (артикль или посессив), определяя предложения типа: *ella se tomó café* или *me bebí vino* как грамматически неправильные. Тем не менее, ср.:

- ¿ Qué tomáis?
- Cazalla del Clavel...¿Tú?
- De claveles ya es tarde. Mejor *me tomo vino*⁴⁶⁸ (Jarama, 45)

Функциональное значение датива в модели *me bebí la leche* указано И. Боске некорректно. Если бы акцент был сделан именно на аспектуальной составляющей, это позволило бы шире раскрыть и затронутую здесь проблематику постановки артикля, как детерминирующей единицы. Неоднократно указывалось⁴⁶⁹ на зависимость категории вида и категории

⁴⁶⁶ «Ты от меня не скроешься».

⁴⁶⁷ Цит. по: Bosque I. Repaso de sintaxis tradicional: Ejercicios de autocomprobación. – Madrid: Arco/Libros, 1999. – P. 61, 89.

⁴⁶⁸ – Что будешь пить?

– Гвоздичную... (А) ты?

– Для гвоздичной уже поздно. Лучше выпью вина.

⁴⁶⁹ Пупынин Ю. А. Взаимосвязи категорий вида и залога в русском языке при функционировании форм несовершенного вида в пассивных конструкциях // Теория грамматического значения и аспектологические исследования / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – С. 175–188.

количества вещества (шире – имени объекта). Релевантными характеристиками объекта при анализе видовых оппозиций в моделях простого предложения являются конкретность/абстрактность объекта, конкретность (уникальность) / типичность (принадлежность к классу подобных), исчисляемость/неисчисляемость (т. е. обозначение предметов, не поддающихся счету). Последнее как раз и определяет употребление датива в указанной выше модели *me bebí la leche* не как *dativo ético*, а как *dativo aspectual*.

1.3. *Dativo aspectual*

Появление в структуре предложения т. н. «аспектуального датива» имеет условием наличие в высказывании исчисляемого имени объекта. Утверждается, что есть определенная связь между оппозициями *неисчисляемое / исчисляемое* существительное и *имперфект / перфект* глагола⁴⁷⁰. При наличии в именной синтагме, выражающей объект, квантификатора *un montón de* проблема оппозиции *masa/contable* отдельно взятого имени, функционирующего в данной модели, снимается. Ср.: **Me comí arroz / Me comí un montón de arroz*⁴⁷¹. Ср. другие квантификаторы и показатели завершенности действия, типа: *enteramente, de una vez, de un tirón, de golpe* и т. п., а также характерные для латиноамериканского варианта: *de viaje, de un viaje, de al viaje*, ср.: *Se tomó el vaso de vino de un viaje* (Padrón, Cuba)⁴⁷² и для отдельных регионов Испании, ср. арагонск. *d'un biache*⁴⁷³.

Несмотря на тезис о том, что решающим оказывается факт наличия или отсутствия семантики *contable* у всей глагольной синтагмы, а не только у

Barra Jover M. Dativo de interés, dativo aspectual y las marcas de aspecto perfectivo en español // Verba. – № 23. – 1996. P. 121– 146;

Marín Galvés R. El componente aspectual de la predicación: Unpublished Ph. D. Diss. – Barcelona: Universitat Autònoma de Barcelona, 2000.

⁴⁷⁰ Barra Jover M. Op. cit. P. 121, 125;

Marín Galvés R. Op. cit. P. 47, 204.

Подробнее о конкретной оппозиции *неисчисляемое / исчисляемое* (ср. исп. *masa/contable*) на материале испанского языка см.: Morimoto Y. El aspecto léxico: delimitación. – Madrid: Arco/Libros, 1998.

Рассмотрение составляющих указанной оппозиции с точки зрения когнитивной лингвистики см. в: Langaker R. W. Noms et verbes // Communications. – № 53. – 1991. – P. 103 – 154; в логико-грамматическом аспекте в: Meulen A. An Intensional Logic for Mass Terms // Philosophical Studies. – № 40. – 1981. – P. 105 – 125.

⁴⁷¹ Barra Jover M. Op. cit. P. 127.

⁴⁷² Kany Ch. Op. cit. P. 357.

⁴⁷³ Borao J. Diccionario de voces aragonesas. – Zaragoza, 1908. P. 117.

именной синтагмы объекта⁴⁷⁴, автор не видит ее в большинстве анализируемых случаев. При этом слабым местом в иллюстративной базе приводимых им примеров является игнорирование фактора компрессии даже на элементарном уровне его проявления. Таким образом, примеры *Juán se toma mucha azúcar* и *Juán se toma mucha azúcar con el café* рассматриваются как разные предложения, а не как полное и эллиптическое с одной и той же базовой структурой. Первое в итоге характеризуется автором, как неадекватное, т. к. не имеет «квантифицирующего показателя», а второе, якобы при ассоциации с кофе воспринимается дозировано, т. е. *contable* [там же]. Следствием невнимания к закону экономии является игнорирование автором связи с пресуппозицией высказывания типа *Mejor me tomo vino*, в котором, несмотря на отсутствие эксплицитного выражения детерминатива-квантификатора, последний мыслится говорящим (*un poco de..., unas copas de...* и т. п.).

Вместе с тем, нельзя не отметить несколько ценных наблюдений, которые приводит М. Барра Ховер. Ср., например, предположение о том, что *dativo aspectual* связан с идеей обладания и, как следствие, происходит от *dativo posesivo*⁴⁷⁵. Действительно, во-первых, как было показано в первой главе нашей работы, образование перфектных конструкций связано с категорией обладания не только в романских, но и в большинстве индоевропейских языков. В испанском это особенно четко видно на примере конструкции *tener + participio*, одной из функций которой является роль периферийного средства для выражения перфектных значений по линии возможных корреляций глаголов *haber / tener*. Во-вторых, по утверждению Дж. Андерсона⁴⁷⁶, при анализе таких моделей следует говорить о структурах, в которых агент глубинной структуры (выраженный *dativo posesivo*) поднимается в позицию субъекта. Так, на примере фр. *La chemise qu'il a achetée*⁴⁷⁷ он указывает, что присутствие глагола *avoir* «разрывает» (Sic! disrupts) структуру, которая иначе могла бы иметь здесь

⁴⁷⁴ Barra Jover M. Op. cit. P. 134.

⁴⁷⁵ Ibid. P. 140.

⁴⁷⁶ Anderson J. M. An essay concerning aspect. – The Hague-Paris: Mouton, 1973. P. 33.

⁴⁷⁷ «Рубашка, которую он купил».

вид конструкции с *dativo de interés*⁴⁷⁸. Кроме того, следует подчеркнуть, что в испанском модели с *dativo posesivo* получили наиболее широкий спектр употребления по сравнению с другими европейскими языками. Так, в отличие от французского, в испанском *posesivo* датив используется не только в случаях неотторжимой, но и отторжимой принадлежности. Ср.:

- 1) фр. * *Je me nettoye les chaussures* (только *je nettoye mes chaussures*)
- 2) исп. *Me limpio los zapatos* (= *limpio mis zapatos*)

Последнее, в свою очередь, легло в основу дальнейшего развития структуры с семантикой обладания. Ср.: исп. *me limpié tus zapatos*, являющееся примером не *posesivo*, а собственно аспектуального датива. Если в первом случае датив может быть коррелятен и субъекту и объекту, то во втором в позиции объекта находится притяжательное местоимение 2 лица. Датив при этом коррелятен субъекту и приобретает новую функциональную нагрузку выражения видовой характеристики конструкции.

Особо отметим функционирование т. н. псевдовозвратных глаголов, типа: *fumarse, beberse, tomarse, comerse, creerse* etc. Ср.: *У Usted aquí, tomándose su cafeitito, ¿eh?*⁴⁷⁹ (Jarama, 169). При анализе подобных моделей авторы подчеркивают их экспрессивный характер и апеллируют обычно все к той же пресловутой семе «заинтересованности»⁴⁸⁰. Отметим попутно, что «заинтересованность» бывает и, так сказать, «отрицательная». Ср.: *Вам отрежут голову!* (Булгаков, 12). В известных случаях представить себе субъект в роли бенефицианта предидируемого глаголом отношения / действия очень сложно. Какой интерес, - как справедливо замечает М. Сорракино, - мог иметь Сократ в том, чтобы выпить яд цикуты? Тем не менее, предложение *Sócrates se bebió la cicuta* является грамматически правильным. Местоимение *se*, по мнению М. Сорракино, в данном случае скорее имеет *локативную*⁴⁸¹

⁴⁷⁸ Ibid. P. 33.

⁴⁷⁹ «А Вы тут, попивая себе свой кофеек, а?»

⁴⁸⁰ Lamirou B., Delbecque N. The possessive dative in Romance and Germanic languages // *The Dative (vol. I)* / Ed. by W. van Belle and W. van Langendonck. – Amsterdam: John Benjamins, 1996. – P. 32.

⁴⁸¹ Еще Э. Бенвенист, рассматривая противопоставление «внешнего» и «внутреннего» в языке, предлагал эксплицировать подобные случаи с точки зрения оппозиции активный – средний залог в глаголе. Последний,

функцию (*locativo-implícito*). Очевидно, что любое глагольное действие (процесс) развивается в каком-то пространстве (*locativo mínimo*) и в какое-то время: использование транзитивного глагола предполагает, что это пространство распространяется на прямой и / или косвенный объект, в то время как задействие нетранзитивного глагола предполагает, что этим пространством является сам грамматический субъект. Как правило, в первом случае это «минимальное пространство» формально не выражено. Однако в разговорном испанском языке структура предложений, подобно приведенному выше примеру, свидетельствует о желании говорящего все же выделить это пространство и тем самым как бы притянуть переходный процесс вместе с объектом в сферу субъекта, уподобив оформление транзитивного глагола нетранзитивному (возвратному)⁴⁸².

О выражении перфективности / результативности с помощью локативного члена в языках мира писали многие исследователи. Так в датск. *slapen* 'спать', но *inslapen* (т. е. с префиксом *in-*) 'заснуть'⁴⁸³. Ср. также в совр. англ. *eat* "есть" - *eat up* "съесть". Во всех случаях перфектность достигается за счет указания на направление действия с помощью локативного члена. В испанском, в некоторых случаях частица *se* несет функцию целеполагания (т. н. *a telic* clitic se*)⁴⁸⁴. Ср.: *Pedro se comió tres manzanas*⁴⁸⁵.

Если мы представим себе описываемую ситуацию в свете рассматриваемой нами проблематики, то субъект со всей очевидностью предстанет перед нами в роли посессора, что может свидетельствовать о сближении указанной модели с результатами. Другими словами, *se* обладает способностью привносить некоторый оттенок перфектности в семантику

как известно, служит для характеристики субъекта как *внутреннего* по отношению к процессу. – Цит. по: Бенвенист Э. Указ. соч. С. 188 - 190.

⁴⁸² Для подкрепления своей интерпретации М. Сорракино приводит соответствия рассмотренной модели английским оборотам. Ср.: исп. *Yo me pago esas bebidas* / англ. *I'm having a drinking ON myself*; *You're having a drinking ON myself*. – Цит. по: Zorraquino M. M. Op. cit. P. 104 – 109, 279.

⁴⁸³ Abraham W. Kasus, *Aspekt und nominale Referenz* // *Linguistische Berichte*. – № 7. – Sonderheft, 1996. – S. 31.

⁴⁸⁴ Sanz M. M. *Telicity, Objects and the Mapping onto Predicate Types*. – Rochester PhD, 1996;

Bonneau J., Bruhn-Garavito J., Libert A. *Feature Checking and Spanish SE* // *WECOL 24 Proceedings* / Ed. by V. Samiian & J. Schaeffer, 1994.

⁴⁸⁵ «Педро съел три яблока».

глагольной структуры. Ср.: ... *se fumaba un purito* (“и он *вы*куривал сигарку”) и ...*fumaba su purito* (“и он курил *свою* сигарку”), т. е. функционирует здесь как своего рода перфективирующая частица. Учитывая, существование на внутреннем уровне определенной посессивной семантики рассмотренных дативных моделей, можно отметить, что здесь мы сталкиваемся с тем, что идея обладания и в этом случае располагает способностью выражения перфектности.

1. 4. *Dativo posesivo*

Традиционные грамматики определяют датив в предложениях типа *Juan te cerrará la boca* как посессивный (1), т. к. он образует определенную глагольно-именную парадигму выражения семантики обладания вместе с конструкциями с глаголом *tener* (2) и его лексико-синтаксическими коррелятами, притяжательными местоимениями (3), генитивными моделями (4) и конструкцией *N + de + Pron* (5)⁴⁸⁶, ср.:

- (1) *A María, le mancharon el vestido.*
- (2) *Mancharon el vestido, que María tenía puesto.*
- (3) *Mancharon su vestido.*
- (4) *Mancharon el vestido de María.*
- (5) *Mancharon el vestido de ella.*

Некоторые исследователи⁴⁸⁷ отрицают правомочность использования термина *dativo posesivo* («посессивный датив»), потому что в конструкциях, в которых он встречается, идея посессивности вообще не имеет места⁴⁸⁸. Это объясняется тем, что посессивность понимается в данном случае не во всем разнообразии спектра ее семантических вариантов, а в узком смысле, только как обладание (= владение). Последнее выражается исключительно

⁴⁸⁶ Статистический анализ возможных корреляций между *N+de+N* и т. н. симпатетическим дативом (*dativo simpatético*) = *dativo posesivo* см Kliffer M. D. Beyond Syntax: Spanish Inalienable Possession // *Linguistics*. – № 21. – 6(268). – 1983. – P. 769 y ss.

⁴⁸⁷ Dick S. C. *Studies in Functional Grammar*. – Londres: Academic Press, 1980. P. 106;

Pinkster H. *Lateinische Syntax und Semantik*. – Tubinga: Francke, 1988. P. 30;

García-Hernández B. El dativo llamado posesivo: una confusión terminológica y conceptual // *BCILL 70: De Vsu, Études de syntaxe latine offertes en hommage à Marius Lavency / D. Longrée (ed.)*. – Lovaina, Peeters, 1992. – P. 155 – 162.

⁴⁸⁸ García-Hernández B. *Op. cit.* P. 156.

посредством конструкции с переходным глаголом *habeo / possideo*, носит активный характер с точки зрения залоговых отношений, и поэтому термин «посессивный» не может быть употреблен применительно к дативу в конструкциях типа *sum + Dat.*⁴⁸⁹. Отметим при этом, что на псевдопереходный характер глагола «иметь» указывал еще Э. Бенвенист⁴⁹⁰, а о неправомерности интерпретации конструкций с глаголом обладания как исключительно активных говорит следующий пример, ср.: исп. ... *es que allí a los moros les tienen mandadas retirar toda clase de bebidas alcohólicas*⁴⁹¹ (Jarama, 150) (зд.: неопределенно-личная, объектная модель, активный залог). Ср. также гипотетически возможную модель: исп. *Los moros tienen mandado retirar toda clase de bebidas alcohólicas*, которая может иметь две залоговые интерпретации в связи с корреляцией в испанском глаголов *haber / tener / ser / estar*:

а) личная, объектная модель, активного залога = *Los moros han mandado retirar toda clase de bebidas alcohólicas*⁴⁹²;

б) неопределенно-личная модель пассивного залога = *Los moros están mandados retirar toda clase de bebidas alcohólicas*⁴⁹³.

В сущности, критические замечания о некорректности использования термина «посессивный датив» не лишены смысла, однако акценты расставлены не совсем удачно, при анализе полностью отрицается роль пресуппозиции. Возможным решением сложившегося «терминологического распутства» (*perversión terminológica*)⁴⁹⁴ было бы внедрение нового термина «*датив принадлежности*», однако автор его не предлагает.

Между тем, если мы обратимся к истории возникновения рассматриваемого термина, то станет вполне очевидным, что определение «посессивный» в его наименовании традиционно понималось как раз в широком смысле: как собственно обладание (= владение), так и включало

⁴⁸⁹ Ibid. P. 157.

⁴⁹⁰ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 210.

⁴⁹¹ «... потому что у них там арабам предписано отказываться от всякого рода алкогольных напитков».

⁴⁹² «Арабы запретили употреблять любые алкогольные напитки».

⁴⁹³ «Арабам запрещено употреблять любые алкогольные напитки».

⁴⁹⁴ Цит. по: García-Hernández B. El dativo con *svm* y la vulgarización de la noción de posesión / Revista Española de Lingüística. - № 22. - 2. - 1992. - P. 335.

семантические варианты со значением партитивности, связанности родственными отношениями, принадлежности и т. п. Использование данного аппеллятива уходит корнями в греко-латинскую традицию. Впервые он встречается у грамматистов Александрийской школы Дионисия Фракийского и у Аполлония Дискола. Позднее, в латинских грамматиках прилагательное *possessivus* представляет собой результат семантического калькирования греческого κτητικός, которое грамматисты употребляли применительно к генитиву, прилагательным с семантикой обладания, к посессивным местоимениям и прилагательным.

В средневековых грамматиках и у грамматиков эпохи Возрождения, главным образом, у Ф. Санчеса, а затем и в Грамматике Пор-Рояля этот термин также встречается в широком смысле его понимания. Не претендуя далее на всесторонний обзор употребления рассматриваемого термина в истории лингвистических учений, отметим лишь, что даже новое слово в грамматике падежей, сказанное Филлмором в его известной работе «Дело о падеже»⁴⁹⁵, отнюдь не положило конец посессивной семантике датива. Помимо отдельного раздела его статьи, посвященного грамматике неотчуждаемой принадлежности, примечателен анализ безличных предложений наличия, соответствующих схеме [__O + L]⁴⁹⁶, и представленных моделями типа англ. *There is/are...*, ср. исп. *hay*, кат. *hi ha* и т. д. В качестве «нормального» подлежащего обычно выбирается «Объектив» (O), тогда структура имеет вид: (1) *Many toys are in the box*. Другой альтернативой является выбор в качестве подлежащего «Локатива» (L) с сопутствующим вынесением эксплетивного местоименного наречия *there*, дублирующего L, ср.: (2) *There are many toys in the box*. Вместо замещения падежного элемента L эксплетивным *there* можно сохранить именную группу, реализующую падеж L, в качестве подлежащего. Тогда потребуется прономинализация повторяющейся именной группы и замена

⁴⁹⁵ Филлмор Ч. Указ. соч.

⁴⁹⁶ Номенклатура глубинных падежей здесь и далее такова: Агентив (A), Инструменталис (I), Объектив (O), Фактитив (F), Локатив (L), Бенефактив (B), Датив (D), Экспериенцер (E).

глагола *be* «Ø / быть» → *have* «иметь», ср.: (3) *The box has many toys in it*⁴⁹⁷. Все три модели возможны и в испанском, ср.: (1') *Muchos juguetes están en la caja*; (2') *Hay muchos juguetes en la caja*; (3') *La caja contiene muchos juguetes*, однако, в отличие от английского, влияние КП проявляется здесь уже на втором этапе трансформаций поверхностных структур, а именно в безличной экзистенциальной модели с *haber* в 3-м лице ед. ч. и дейктическим наречием *y* (= *allí* “там”): *hay* “там есть (имеется)”, структурно и типологически равнозначной *there is / there are...* Важно, как отмечает сам Филлмор, что мена глагола в третьей модели обязательна при условии, что подлежащим является такая именная группа, которая происходит не из падежа O. Наиболее наглядно такой случай представлен в рамке [___O + D]; в этом контексте подлежащим в английском становится падежный элемент «Датив» D, что дает типичные предложения с глаголом *have*⁴⁹⁸. Последнее доказывает несостоятельность критики наиболее яростного противника термина «посессивный датив» Б. Гарсиа-Эрнандеса, утверждающего, что «использование апеллятива «посессивный» применительно к дативу ошибочно уже потому, что оно предполагает рассмотрение функционирования датива в перспективе глагола “tener” (“poseer”), выражающего действие⁴⁹⁹, которое никогда не управляет этим падежом»⁵⁰⁰. Между тем, в предложенных Филлмором корреляциях падежных рамок, подлежащим которых становится «Локатив», «Датив», «Бенефициант» и добавленный позднее «Экспериенцер»⁵⁰¹, убедительно показано обратное.

⁴⁹⁷ Там же. С. 194.

⁴⁹⁸ Там же. С. 196.

⁴⁹⁹ Коль скоро речь идет о точности терминологии, то следует отметить, что употребляемое автором статьи, существительное *acción* (букв. «действие») применительно к семантике обладания глагола *tener* свидетельствует, на наш взгляд, об искаженном понимании категории обладания как таковой, хотя бы потому, что глаголы обладания к глаголам действия не относятся.

⁵⁰⁰ Цит. по: García-Hernández B. Op. cit. 1992. P. 157.

⁵⁰¹ Филлмор Ч. Указ. соч.

Выводы по главе 2

1. При последующем анализе конкретного эмпирического материала в испанском и каталанском языках, целесообразно учитывать корреляцию не трех, а как минимум шести базовых глаголов: исп. *dar* (кат. *dar*) / исп. *ser* (кат. *ésser*) / исп. *estar* (кат. *estar*) / исп. *hacer* (кат. *fer*) / исп. *haber* (кат. *haver*) / исп. *tener* (кат. *tenir*), образующих между собой сложную структурно-семантическую трехмерную решетку, отдельные компоненты которой имеют между собой связь только на диахроническом уровне, а другие - на синхроническом.
2. Интерпретация залоговых отношений в простом предложении должна опираться на анализ валентностной схемы глагольного значения. Обязательным условием такого анализа должен быть учет влияния фактора компрессии, позволяющий увидеть реальное число актантов глагола «в действии», а не в пассивном словарном «бытии», в противном случае исследователь рискует не увидеть объектных значений за привычными субъектными рамками (ср., например, такие испанские глаголы как *dormir*, *correr*, *volar* и т. п., давно ставшие классическим примером подобного рода заблуждений).
3. При интерпретации залоговых отношений в простом предложении необходимо также учитывать: а) влияние компонента с семантикой посессивности, б) семантику субъекта и объекта, в) принадлежность смыслового глагола к той или иной семантической группе (глаголы приобретения, адресатные глаголы и т. д.).

Глава 3. Сопоставительный анализ моделей с семантикой посессивности в испанском и каталанском языках

3. 1. Глагольные модели с семантикой посессивности в испанском и каталанском языках

Исходя из основополагающего критерия субъектно-объектных отношений, а также с учетом прагматики высказывания, рассмотрим парадигмы моделей с глаголом «иметь» в испанском и каталанском языках⁵⁰², выявляя при этом модели, полностью совпадающие в сопоставляемых языках (1.1), модели, имеющие частичное сходство (1.2), и модели, представляющие собой структурно-семантический феномен одного из сопоставляемых языков (1.3).

Всего в рамках структуры с глаголом «иметь» с реальными или фиктивными субъектами (агенсами) и объектами (пациенсами) можно потенциально выделить 4 типа: 1) Одушевленный субъект (=X-лицо) – Одушевленный объект (=Y-лицо); 2) Одушевленный субъект (=X-лицо) – Неодушевленный объект (= Y-предмет); 3) Неодушевленный субъект – (=X-предмет) - Неодушевленный объект (= Y-предмет); 4) Неодушевленный субъект (=X-предмет) – Одушевленный объект (= Y-лицо)⁵⁰³.

В испанском и каталанском, как и в других западнороманских языках, чаще других реализуются модели *второй* разновидности (X-лицо, Y-предмет)⁵⁰⁴, ср.: ¿Por qué dices que te has tragado la punta, di, si la *tienes* en el

⁵⁰² Нумерация моделей для испанского языка ведется сплошная, арабскими цифрами в круглых скобках, например (1), модели каталанского языка также пронумерованы арабскими цифрами в круглых скобках, но со знаком апострофа (1').

⁵⁰³ Методологически такой подход соответствует анализу простого предложения, представленного в следующих работах:

Степанов Ю. С. Указ. соч. 1989. С. 10-68;

Лухт Л. И. Категории бытия и обладания (французско-румынские параллели) // Категория бытия и обладания в языке. – М.: Наука, 1977. – С. 125 – 144.

Применительно к иберо-романскому материалу см.: Зеликов М. В. Функциональная парадигма глагола обладания в испанском и португальском языках // Сб. научн. статей, посв. памяти Е. М. Вольф. – М.: МГУ (*в печати*).

⁵⁰⁴ Лухт Л. И. Указ. соч. 1977. С. 126.

bolsillo?⁵⁰⁵ (Príncipe, 73), в которой *tener* восходит к этимологическому значению «держатъ». То же – в каталанском: ...i ara té a la mà un vodka amb llimonada⁵⁰⁶ (Quim Siles, 78).

3. 1. 1. Модели, полностью совпадающие в сопоставляемых языках

Как было указано выше, модели с одушевленным субъектом и неодушевленным объектом (тип 2) наиболее частотны в сопоставляемых языках. Принимая характеристику субъекта как лица за некоторую константу, можно выделить несколько разновидностей рассматриваемых моделей в зависимости от характера объекта: модели с реальным (материальным) объектом и модели с фиктивным (абстрактным) объектом.

В моделях с реальным объектом глагол *tener* в сущности соответствует *poseer*⁵⁰⁷, ср:

(1) *Tengo una casa enorme*⁵⁰⁸ = *poseo una casa / soy poseedor de una casa enorme*.

То же – в каталанском:

(1') *Tinc una casa enorme / posseeixo una casa enorme*.

В моделях с фиктивным объектом возможен широкий спектр корреляций *tener* с глаголами движения (шире – действия), состояния, чувственного восприятия и т.п.

Ср. *tener / estar con .../ estar en + (Pron. poss)... + NS*:

(2) *La niña no tiene por qué estarse aquí sacrificada todos los domingos; también tiene derecho de ir al cine*⁵⁰⁹ (Jarama, 9).

⁵⁰⁵ «Зачем же ты говоришь, что ты проглотил иголку, а? Если она у тебя в кармане?» (= «держишь ее в кармане»).

⁵⁰⁶ «...и теперь у нее в руках водка с лимонадом», ср. букв. «держит в руках...»

⁵⁰⁷ В текстах официально-делового стиля и документах возможны также корреляции с моделью *estar en posesión de...*, *hacerse con...*, ср.: Los que deseen tomar parte en estas pruebas selectivas habrán de reunir los siguientes requisitos: <...> *Estar en posesión* del título de Bachiller o equivalente... (*Convocatoria de becas*), «Те, кто хотят принять участие в этих отборочных испытаниях, должны соответствовать следующим критериям: иметь диплом о среднем образовании и т.п...»

⁵⁰⁸ «у меня есть огромный дом»

В следующем примере, помимо эллиптического опущения *estar* в рассматриваемой модели (ср. ← <...> *se creen estar con el derecho...*), отметим попутно корреляцию *tener / saber (dos letras)*⁵¹⁰, ср.:

(3) Estos chavales en cuanto *tienen dos letras, ya se creen con el derecho de subírsele a la parra a todo el mundo*⁵¹¹ (Jarama, 68).

Ср. также:

(4) ¡*Estoy en mi derecho de subir!*⁵¹² (Laforet, 181).

То же – в каталанском. Ср.:

(2') Per tant, mentre visquem, *tenim un cert dret* sobre aquestes sostres deshabitats, nosaltres, homes sense casa⁵¹³ (Pere Calders, 34);

(3') La gent que *es creu amb el dret*, i alguns fins i tot amb el deure, de comentar i aconsellar⁵¹⁴ (CTILC);

(4') Per una banda crec que *estic en el meu dret* de marxar uns dies⁵¹⁵...(CTILC).

Ср. также корреляции *tener / pasar / estar con...* в субъектной модели *tener hambre = pasar hambre = estar con hambre* «быть голодным» эквивалентные универсальной модели *sentir hambre* «чувствовать голод», ср.: Me acuerdo que *sentía un hambre extraordinaria...*⁵¹⁶ (Laforet, 46). Так, в испанском, ср.:

(5) – Es el acordeonista de casa de la Parrocha, puede que *tenga hambre*⁵¹⁷ (Mazurca, 163);

(6) ... no es que nadase en la abundancia, pero tampoco *pasaba lo que se dice hambre*⁵¹⁸ (Colmena, 348);

Ср. также модель *estar hambriento*:

⁵⁰⁹ «Девчонке нет смысла сидеть здесь все выходные, принося себя в жертву; у нее тоже есть право сходить в кино».

⁵¹⁰ Ср. в русском языке «знать» как «иметь знание о чем-л.»

⁵¹¹ «Эти юнцы едва только выучатся писать, уже мнят себя в праве с наглостью лезть в бутылку!»

⁵¹² «Я в праве (у меня есть право / я имею право) подняться [к нему]».

⁵¹³ «Поэтому, пока мы живы, мы имеем некоторое право на эти заброшенные лачуги, мы - бездомные люди».

⁵¹⁴ «Эти люди считают еще себя в праве, а некоторые даже почитают своим долгом, высказывать свое мнение и советовать».

⁵¹⁵ «С одной стороны, я думаю, что я в праве погулять несколько дней...»

⁵¹⁶ «Я помню, что чувствовала сильнейший голод».

⁵¹⁷ «Это аккордеонист из дома Парочи, может, он голоден».

⁵¹⁸ «...не то чтоб он купался в роскоши, но и, как говорится, не голодал».

(7) ¿Tienes algo que comer, Glenda? *Estoy hambriento*⁵¹⁹ (Marías, 138).

То же – в каталанском: *tenir / passar gana (fam) / estar famolenc*:

(5') El diumenge no ens llevàvem per no *tenir tanta gana*⁵²⁰ (Plaça, 168).

(6') Jo no recordo *haver passat molta fam*, però, com que si que era una època de *passar gana*, cada família tenia unes cartilles de racionament⁵²¹ (Història oral).

(7') Jo sempre *estic famolenc* de coses noves⁵²²... (Quim Siles, 57).

Сюда же следует отнести и многие другие модели, выражающие физическое состояние субъекта, типа: *tener sed / sueño = estar sediento / con sueño / somnolento* «хочу пить / спать» и их аналоги в каталанском *tenir set / son = estar assedegat / amb somni*. Ср. в испанском:

(8) исп. *Sube con una jovencita, y me jura que la llevaba a darle agua, porque tenía sed*⁵²³ (Regla, 92);

То же – в каталанском, ср.:

(8')...un ocell que *tenia set* i sense saber-ho esbarriava el cel de l'aigua amb el bec...⁵²⁴ (Plaça, 252).

К субъектным моделям с *реальным агентом* следует отнести дативные модели *tenerle / tomarle manía a alguien*, эквивалентные синтетической модели *odiarle a alguien*, ср.:

(9) ...ya ves tú, que aunque no se debe odiar, *yo le tengo una manía a ese hombre que no le puedo ver*...⁵²⁵ (Mario, 21);

(10) No sé qué *manía les has tomado* solo verlas, *habrán dicho que eres grosero*⁵²⁶ (Entre visillos, 87).

То же – в каталанском, ср.:

⁵¹⁹ «У тебя есть что-нибудь поесть, Гленда? Я голоден».

⁵²⁰ «В воскресенье мы не вставали с постели, чтобы не так сильно хотеть есть».

⁵²¹ «Я не помню, чтобы сильно голодала, но, так как это действительно было голодное время, у каждой семьи были продовольственные карточки».

⁵²² «Я всегда жажду чего-то нового».

⁵²³ «Он поднялся (в квартиру) с молодой девушкой и клянется мне, что привел ее, только чтобы дать ей воды, потому что она хотела пить».

⁵²⁴ «...птица, которая хотела пить, сама не зная о том, разбивала клювом небесную гладь на воде».

⁵²⁵ «... ты ж понимаешь, что хоть и не должно *ненавидеть*, но я настолько *не выношу этого человека*, что даже видеть его не могу...».

⁵²⁶ «Не понимаю, что ты на них так взъелся, как только увидел. Небось, скажут еще, что ты грубиян».

(9') *Li tenia una mica de mania* perquè quan fou bibliotecari a la Universitat no em serví mai cap llibre dels que jo li demanava⁵²⁷ (Pla, *El quadern gris*, 521);

(10') *Agafà mania* a la Felisa, la interina. Deia que el perseguia...⁵²⁸ (*El temps*, 229).

Ср. также дативно-безличную модель: *I em va agafar la mania de netejar*⁵²⁹ (Plaça, 72).

Во многих моделях, выражающих психоэмоциональное или физическое состояние субъекта, типа *tener lástima / simpatía / amor / odio / miedo / dolor...* глагол *tener* также реально соответствует *sentir*, ср.:

(11) *Lo pintó Figurita, un hombre ... de tan buen corazón que le tenía lástima al diablo*⁵³⁰ (Márquez, *Memoria*, 64);

То же – в текстуальных перифразах в рамках одного высказывания (персонажа):

(12) *No puede ser; Raffaele tenía simpatía por tí y hoy siente repulsión...*⁵³¹ (Gómez de la Serna, 116);

То же – в диалоге:

- ¿Qué te habrá hecho mi familia, pregunto yo, para que *les tengas esa ojeriza*?
- *Les tengo la simpatía que me tienen ellos a mí*⁵³² (*Entre visillos*, 90);

Ср. также: *No sentía ira, ni demasiada pena. No tenía amor ni odio: sólo un poco de miedo*⁵³³ (*Jardín*, 95);

(13) *No me pongo mejor, oye, qué mal ahora, qué dolor de cabeza tengo...*⁵³⁴ (*Entre visillos*, 80);

(14) *Sintió un dolor muy concreto y agudo. No oyó ningún disparo, pero sintió el dolor*⁵³⁵ (*Jardín*, 21).

⁵²⁷ «Я его немножко ненавидел, потому что когда он был библиотекарем в Университете, он ни разу не выдал мне ни одной книги, которую я просил».

⁵²⁸ «Он вдруг невзлюбил Фелису, горничную. Говорил, что она его преследует...»

⁵²⁹ «И меня охватило наваждение мыть все вокруг».

⁵³⁰ «Ее нарисовал Фигурита, человек с таким добрым сердцем, что испытывал жалость даже к дьяволу».

⁵³¹ «Не может быть; Рафаэль питал к тебе симпатию, а теперь чувствует отвращение...».

⁵³² - Что такого тебе сделала моя семья, чтоб ты испытывал к ней такую ненависть?

- Я питаю к ней ту же симпатию, что и все они ко мне.

⁵³³ «Я не чувствовал ни злобы, ни особенной горечи. Не питал ни любви, ни ненависти, только немного страха».

⁵³⁴ «Мне не лучше, слышишь, как плохо мне, как у меня болит голова».

То же – в каталанском, ср.:

(11') No es tracta de *tenir llàstima* dels negres⁵³⁶ (Rubió i Tudurí, 98);

(12') El senyor Fontanals pensà que aquella noia estava un xic guillada i *sentí llàstima*, però no hi podia fer res⁵³⁷ (Villalonga, 157);

(13') Jo, cap al tard, també *tinc un mal de cap terrible*⁵³⁸ (Manent, 52);

(14') ...quan em recordava de la cara que havia fet en Pere, *sentia la pena dolente* molt endins⁵³⁹ (Plaça, 25).

Очевидно, что предложения, подобные тем, которые представлены в примерах (11) – (14)/(11') – (14'), следовало бы отнести к *моделям с фиктивным агенсом*, в которых процесс развивается без субъектного участия. Такие модели обычно коррелируют с каузативными (с глаголом действия) или безличными образованиями, причем первое более характерно для каталанского, второе – для испанского языка (см. подробнее о таких моделях раздел 3.1.2 настоящей главы).

Здесь же модели, выражающие возраст, в которых корреляция *tener* (*tenir*) / *hacer* (*fer*) возможна в обоих сопоставляемых языках, ср:

(15) *¿Qué tiempo tiene?* – Tres años. En abril *hará* cuatro⁵⁴⁰ (Principe, 66).

Ср. также: - *¿Y sucederá eso pronto?* – La primera mañana que *haga* un millón de millones de años⁵⁴¹ (Gómez de la Serna, 67).

То же – в каталанском, ср:

(15') *Tinc*, no em sap greu confessar-ho, no com altres, cinquanta anys <...>

Cinquanta anys justs. *Els vaig fer* la setmana passada⁵⁴² (Riera, 73).

Очевидно, что указанные модели, в сущности, являются перифрастическими, соотносясь как причина и следствие.

⁵³⁵ «Он *почувствовал* явную и острую *боль*. Он не слышал никакого выстрела, но *боль почувствовал*».

⁵³⁶ «Речь не идет о том, чтобы *иметь жалость* к рабам».

⁵³⁷ «Сеньор Фонтанальс подумал, что эта девушка была немного чокнутая, и *почувствовал жалость*, но ничем не мог в этом помочь».

⁵³⁸ «У меня к вечеру тоже жутко болит голова».

⁵³⁹ «...когда я вспоминала, какое лицо сделалось у Пере, я *чувствовала* очень глубокую боль».

⁵⁴⁰ «Сколько ему? – Три года. В апреле будет четыре».

⁵⁴¹ - И скоро ли это произойдет?

- В то утро, когда ему исполнится миллиард лет.

⁵⁴² «Мне, и я не боюсь в этом признаться как другие, пятьдесят лет <...> Ровно пятьдесят мне исполнилось на прошлой неделе».

Как было отмечено в первой главе нашего исследования, в связи с относительной релевантностью категории «переходность» - «непереходность» в иберо-романских языках испанский глагол *tener* в некоторых моделях с фиктивным объектом способен образовывать как субъектные, так и объектные структуры.

В случае объектной структуры, модель *tener acceso a algo / alguien* имеет значение «иметь доступ к кому-л. / чему-л.». Ср.:

(16) *Mi padre era bastante apuesto, gustaba a las mujeres y llegó a tener acceso a algunas socialmente muy superiores a él*⁵⁴³ (Moncada, Taj Mahal, 16); ср. также: ...Francisco José, siempre cediendo con la esperanza de *tener acceso nocturno a los aposentos de su esposa*⁵⁴⁴ (Moix, 141).

Ср. также при смене субъектно-объектных отношений корреляцию с экзистенциальным *ser*:

(17) *¿Y tienen razón los que dicen que ellas [las indias] son de fácil acceso?*⁵⁴⁵ (Sinisterra, 55).

В каталанском отмечены те же модели⁵⁴⁶, ср.:

(16') *Estic absolutament segur que hauria estat per a mi molt positiu i eficaç per a no perdre temps, de tenir accés a alguna senyora amb unes certes possibilitats de generositat i de tendresa*⁵⁴⁷ (Pla, El quadern gris, 642);

Ср. также: En tots els mercats continentals, els pollastres d'autèntica substància porten un senyal, i d'aquesta manera el comprador *té accés* a la realitat⁵⁴⁸ (Pla, El que hem menjat, 167);

При смене субъектно-объектных отношений, так же как и в испанском, наблюдается корреляция с экзистенциальным *esser*, ср.:

⁵⁴³ «Мой отец был достаточно привлекательной наружности, нравился женщинам и даже стал встречаться с некоторыми, гораздо превосходящими его по социальному статусу».

⁵⁴⁴ «...Франсиско Хосе, всегда во всем уступавший в надежде получить по ночам доступ в покои его жены».

⁵⁴⁵ «А правы ли те, кто говорят, что они (индианки) легкодоступны?»

⁵⁴⁶ См. также раздел 3.1.3 настоящей главы, где рассмотрено функционирование рассматриваемой структуры в моделях с оценочной лексикой, не имеющее параллелей в испанском.

⁵⁴⁷ «Я абсолютно уверен, что для меня было бы очень выгодно и полезно, чтобы не терять зря времени, иметь связь с какой-нибудь дамой, в некоторой степени способной на великодушие и ласку».

⁵⁴⁸ «На всех континентальных рынках на тушках натуральных цыплят стоит клеймо, и, таким образом, покупателю доступна реальная информация».

(17') Tots sabíem que *era una dona de fàcil accés...*⁵⁴⁹ (STILC).

В случае субъектной структуры, модель *tener acceso de ...* коррелирует в испанском с целым рядом аналогичных структур с глаголами чисто субъектной семантики. Однако, в связи с тем, что в каталанском языке примеров функционирования настоящей модели с глаголом *tenir* как субъектной нами не выявлено, подробнее об этом см. в разделе 3.1.3. настоящей главы.

К образованиям с фиктивным объектом относятся также модели *tener + Obj.*, выражающие постоянный или временный признак субъекта. Ими являются имена с семантикой неотторжимой принадлежности (ср.: исп. *tener cara / morro/ agallas* = кат. *tenir cara/ barra*; исп. *tener cojones* = кат. *tenir pebrots...* и т. п.). Когда используется нераспространенная посессивная модель можно отметить несколько нюансов прагматического характера: 1) коммуникативный фокус сообщения обычно отсутствует, т. к. сообщение о посессивном отношении не является в таком случае коммуникативно значимым или информативным (исключение составляет особый контекст); 2) эти предложения не относятся к эллиптическим, в которых распространяющий предложение атрибутивный элемент структуры опущен, ср. исп. *Ese sí que tiene cabeza. ← <...> tiene [mucha] cabeza* – «Этот действительно умен»; 3) следует учитывать, что в определенном контексте утверждение о наличии или отсутствии такого объекта является прагматически оправданным, т. к. имплицитно содержит информацию о субъекте, а высказывание представляет собой *сокращенное* логическое умозаключение с *опущенной* большой посылкой. Так, в испанском можно отметить:

(18) ¿Cómo *tiene agallas* para decir tamaña falsedad?⁵⁵⁰ (Regla, 87) (зд.:

tener agallas, букв. «иметь миндалевидные железы, миндалины в горле»);

Ср. также модель *tener / estar con estómago ...* - «осмелиться» (т. е. иметь хороший желудок и не ведать страха, приводящего к желудочно-кишечному расстройству):

⁵⁴⁹ «Мы все знали, что она была женщиной *легкодоступной*».

⁵⁵⁰ «Как у тебя язык повернулся сказать сухую неправду?»

(19) Quise preguntarle... pero *no me sentía con estómago* para hablar con él⁵⁵¹ (Márquez, Memoria..., 53);

(20) Te atreves a regañarle a Carmelo porque sabes que no te puede cascar, porque eres una jodía rana entumecida que *no tienes ni media bofetada*⁵⁵² (Jarama, 112).

Отметим в последнем случае модальный компрессивный характер модели, соответствующей русским аналитическим образованиям. Ср. также корреляцию глаголов *tener / dar* без смены субъектно-объектных отношений в следующем диалоге:

(21) — Es que *no tengo mucha estatura* para ponerme pantalones. — Chica, un retaco no eres. *La talla ya la das*⁵⁵³ (Jarama, 65).

В каталанском также отмечены подобные модели, все они строятся на основе глагола *tenir*, ср.:

(18') – No cal que em miri així, no! – va *tenir la barra de dir-me*⁵⁵⁴ (Vallverdú, 121);

(19') ...viviú una contradicció: cal *tenir els pebrots de resoldre-la*...⁵⁵⁵ (Pàmies, 15);

(20') Pere: Estàs gelosa? Cristina: Només em faltava això. També he d'estar gelosa de les mones? Jo! *Tens un estómac!*⁵⁵⁶ (Barbero, 77).

Здесь в реплике героини компрессивный вариант модели, ср.: *Tens un estómac!* ← *Tens estómac* per a dir tal cosa ← Cal *tenir estómac* per a dir tal cosa, букв. «Нужно *иметь желудок*, чтобы сказать такое!». Только учитывая фактор компрессии, можно правильно перевести следующий диалог, в котором имеет место эллиптическое опущение глагола *tenir*, ср.:

(21') - No sé com t'ho fas, va dir-li en Quimet. <...>

⁵⁵¹ «Я хотел спросить его... но не осмелился заговорить с ним».

⁵⁵² «Ты осмеливаешься ворчать на Кармело, потому что знаешь, что он не может намять тебе бока, потому что тебе, чертовой парализованной жабе, *нельзя влестить и полпощечины*».

⁵⁵³ - У меня просто *рост* небольшой, чтобы надевать брюки.

- Детка, ну и коротышкой тебя не назовешь. *Рост-то у тебя нормальный*».

⁵⁵⁴ «Не надо так на меня смотреть, а! – осмелился он сказать мне».

⁵⁵⁵ «...вы живете в противоречии: надо найти в себе силы разрешить его».

⁵⁵⁶ П е р е : Ты ревнуешь?

К р и с т и н а : Еще чего не хватало! Я должна еще к обезьянам ревновать? Ха! Ну, ты наглец!»

- Manetes⁵⁵⁷ (Plaça, 39).

Ср. полный вариант: *Tenir manetes* = ésser molt traçut, «быть ловким, пронырливым». В испанском – только *ser un manitas* = ser muy mañoso «то же», ср.: Su reputación de manitas llegaba desde el barrio de la Ribera hasta el mercader del Ninot⁵⁵⁸ (Zafón, 41).

Отдельно отметим также *tener mucho / poco atractivo, tener gracia, tener piedad*, которые в случае корреляции с экзистенциальной моделью с глаголом *ser* смены субъектно-объектных отношений не предполагают, ср.:

(22) Tu hermana *no tiene mucho atractivo*, Mario, las cosas claras, y además es roñosa, como tu padre⁵⁵⁹ (Mario, 30) = Tu hermana *no es muy atractiva*...;

(23) *Tenía su gracia hablando*⁵⁶⁰ (Jarama, 46) = *Era gracioso hablando*;

(24) Eres mala, Elvira, conmigo. *No tienes piedad*⁵⁶¹ (Entre visillos, 126) = ...*no eres piadosa*.

То же – в каталанском, ср.:

(22') Entra Ramon per la porta de l'escala. Va mudat. *Té un cert atractiu*⁵⁶² (Benet i Jornet, 18) = *És gaire bé atractiu*.

Ср. также малоупотребительное, но все же возможное функционирование настоящей модели в объектном значении:

(23') *L'atractiu que sempre heu tingut per la vostra germana us esgarria una mica el judici*⁵⁶³ (Bas, 17).

(24') *Ara li tinc pietat*⁵⁶⁴ (Benet i Jornet, Estricta vigilància, 51) = *Ara sóc piadós amb ell*.

Ср. также безлично-дательную корреляцию последней модели, отмечаемую ниже: *Em fa pietat l'assassí més bell del món*⁵⁶⁵ (там же, 51).

⁵⁵⁷ - Не знаю, как это тебе удастся, - сказал ему Кимет.

- Я проворный...

⁵⁵⁸ «Слух о его мастерстве тянулся от квартала Рибера до рынка Нинот».

⁵⁵⁹ «Твоя сестра не особо привлекательна, Марио, ясное дело, и, кроме того, скупая, как твой отец».

⁵⁶⁰ «Он был хорош, когда говорил».

⁵⁶¹ «Ты не добра ко мне, Эльвира. Нет в тебе сострадания».

⁵⁶² «В дверь с лестницы входит Рамон. Идет молча. Он весьма привлекателен».

⁵⁶³ «Интерес, который вы все время питали к вашей сестре, немного подвинул ваш рассудок».

⁵⁶⁴ «Теперь я жалею его».

⁵⁶⁵ «Мне жаль самого красивого на свете убийцу».

Модели типа *tener + N.S.*, в которых сочетание двух компонентов равно одному конкретному глаголу, типа *tener deseo = desear; tener confianza = confiar; tener estima = estimar; tener aprecio = apreciar, tener atenciones = atender* и т. д. легко интерпретируются и в большинстве своем представляют общее для сопоставляемых языков (шире – общероманское) явление. Ср.:

(25) ¡Pues yo no tengo necesidad de copiarle nada a nadie, ya lo sabes!⁵⁶⁶
(Jarama, 87) = ...no necesito copiarle nada a nadie...

(26) - Me acordé. ¿Conque te tiene estima?

- Se la tendrá - terciaba el hombre de los z. b.⁵⁶⁷ (Jarama, 359) =
<...>¿Conque te estima?

(27) Por supuesto, él tiene conmigo toda clase de atenciones⁵⁶⁸ (Jardin, 115).

То же – в каталанском:

(25') Quanta necessitat tinc de tu!⁵⁶⁹ (Delmón Pau, 7) = Com et necessito!

(26') Que de totes maneres, havia de fer veure que me l'estimava, perquè en Quimet estaria content de mi si la seva mare em tenia apreci⁵⁷⁰ (Plaça, 59).

(27') El meu pare casat amb una altra i jo sense la meva mare que només vivia per tenir-me atencions⁵⁷¹ (Plaça, 18).

Особое место в системах испанского и каталанского глагола занимают образования *tener (tenir) с причастием*. Модели с субъектом-лицом и неодушевленным объектом имеют следующие разновидности:

- а) объектные модели с реальным активным субъектом и реальным неодушевленным объектом-пациентом;
- б) модели с реальным субъектом и фиктивным объектом;
- в) амбивалентные структуры, залоговая характеристика которых зависит от совокупности факторов;

⁵⁶⁶ «Мне вообще нет нужды кому бы то ни было подражать, так и знай!»

⁵⁶⁷ «Да так, вспомнил. Так значит, он тебя уважает? – Да, уж, наверное, – вмешался человек в белых туфлях»/

⁵⁶⁸ «Разумеется, он всячески ухаживал за мной».

⁵⁶⁹ «Как ты мне нужна!»

⁵⁷⁰ «Так или иначе, нужно было показать, что она мне нравится, потому что Кимет будет очень доволен мной, если его мать меня оценит».

⁵⁷¹ «Мой отец женился на другой, а я осталась без матери, которая жила только ради того, чтобы заботиться обо мне».

г) эллиптические модели.

Образования группы (а) до известной степени коррелируют с аналитической конструкцией с *haber* / *haver* в испанском и каталанском соответственно. При этом, опираясь на сопоставительный анализ текста романа каталанской писательницы Мерсе Родореды «Площадь Диамант» («*La plaça del Diamant*») и его перевода на испанский язык, осуществленного известным испанским переводчиком Энрике Сордо («*Plaza del Diamante*»), с некоторой долей осторожности, можно утверждать, что функционирование *Pretérito perfecto Compuesto* и его каталанского аналога *Pretérit Indefinite* вполне идентично, ср.:

кат. - *Com ho saps?*

- *Que no has sentit el xiulet?*⁵⁷² (*Plaça, 27*)

исп. - *¿Cómo lo sabes?*

- *¿No has oído el pito?* (*Plaza, 7*).

Эти модели представляют собой так называемый объектный результатив, ср. в испанском:

(28) *Vuelve dentro de quince días por aquí, yo te lo tendré ya todo preparado*⁵⁷³ (*FPD, 81*).

Следует подчеркнуть, что аналитическая конструкция с *haber*, представляя собой акциональный перфект, является лишь промежуточным звеном причинно-следственной цепочки, последние две ступени которой в результате стяжения двух пропозиций и образуют собственно рассматриваемую структуру с *tener*, ср.: ... *lo tendré preparado todo* ← *lo tengo + todo está preparado* ← *lo he preparado*. Ср. также модель предложения, в котором совмещается как глагольная (с *tener*), так и именная (дативно-аблативная) посессивная структура, первая относится к субъекту, а вторая – к объекту

⁵⁷² - Откуда ты знаешь?

- А ты что не слышала свистка?

⁵⁷³ «Приходи сюда через пятнадцать дней, и я тебе все уже подготовлю».

высказывания (в переводе на русский язык коррелирующая с притяжательным местоимением):

(29) Yo a la gente que conozco mucho ya *le tengo cogido el tranquilo* y me distraigo porque no espero sorpresas...⁵⁷⁴ (Reina, 185).

То же – в каталанском, ср.:

(28') ... en Quimet quan *va tenir el menjar ben salat* va deixar el saler damunt de la taula...⁵⁷⁵ (Plaça, 42).

По наблюдениям Э. Бенвениста, своеобразием и.е. глагола является то, что в нем содержится указание только на связь с субъектом, но не с объектом⁵⁷⁶. Отметим при этом особенность конструкций *tener + participio*, образующих, как в испанском, так и в каталанском, глагольную структуру в которой есть оба показателя. Так, в испанском:

(30) ...*hacía muchos años que estaba reuniendo una dote y ya la tenía ahorrada*⁵⁷⁷ (Laforet, 72); то же – в каталанском, ср.:

(29') En Quimet es *va mirar totes les butxaques per tal de veure si les tenia forades*⁵⁷⁸ (Plaça, 62).

Подчеркнем, что в испанском согласование имеет место только в формах с *tener*, в каталанском также и с *haver*, но только в том случае, если объект выражен местоименной формой, ср.:

(30') ...en Quimet se *l'havia ficada* a la butxaca⁵⁷⁹ (Plaça, 62).

Вопреки тому, что утверждается в теоретической грамматике испанского языка⁵⁸⁰, *tener + participio* в испанском не ограничивается только результативным значением. Ср. значение дуративности:

(31) Más nos fastidia a nosotros *tener tres días ocupada* la plaza que ahora *tiene su coche*⁵⁸¹ (Jardín, 195).

⁵⁷⁴ «Я у людей, которых знаю давно, все их уловки взял на заметку и теперь спокоен, потому что не жду (от них) сюрпризов».

⁵⁷⁵ «Кимет, когда посолил хорошенько блюдо, поставил солонку на стол...»

⁵⁷⁶ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 185.

⁵⁷⁷ «... вот уже много лет она собирала вступительный взнос, и вот теперь он был накоплен».

⁵⁷⁸ «Кимет осмотрел все карманы, чтобы убедиться, не продырявились ли они».

⁵⁷⁹ «...Кимет положил его (зд.: «ключ», в кат. la clau – ж.р.) себе в карман».

⁵⁸⁰ Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Указ. соч. С. 277.

Попутно отметим, что определительное придаточное в настоящем примере, представляет собой эллиптический вариант модели, но с неодушевленным субъектом и зевгматическим опущением причастия, ср.: <...> ← ...que ahora *tiene ocupada* su coche, букв. «...которое имеет занятым Ваша машина».

Тот же аспектуальный оттенок значения рассматриваемой модели отмечен и в каталанском, ср.:

(31') ...em va dir que era una rosa de Jericó que *tenia guardada* de quan havia tingut en Quimet⁵⁸² (Plaça, 72).

Наиболее частотным аспектуальным значением рассматриваемой конструкции в испанском является – итеративное, однако следует указать на отсутствие последнего при функционировании *tenir* с причастием в каталанском (подробнее об этом см. в разделе 3.1.3 настоящей главы).

Распространение действия результата на более широкую зону смыслов связано также и с эллиптичностью этих образований. Ср. зевгматическое опущение причастия в ответной реплике:

(32) - *Aburrirnos a todas* es lo que vas a conseguir.

- *A mí ya me tiene...*- dijo Mely⁵⁸³ (Jarama, 129) (← <...> *me tiene aburrida*, букв. «меня-то он уже имеет утомленной»).

То же – потенциально возможно в каталанском.

Большое количество случаев функционирования глагольных форм с *tener* (*tenir*) представляют собой по сути компрессивные образования с опущенным причастием смыслового глагола. Последний обычно относится к группе глаголов ментальной активности (исп. *entender* / кат. *entendre* «понимать», исп. *recordar* / кат. *recordar* «вспоминать», исп. *inventar* / кат. *inventar* «придумывать, изобретать»), которые мыслятся, но восстановления не требуют. Так, в испанском:

⁵⁸¹ «А нас больше раздражает то, что у нас три дня будет занято место (в мастерской), которое теперь занимает Ваша машина».

⁵⁸² «...она сказала мне, что это иерихонская роза, которую она хранит с тех пор как родила Кимета».

⁵⁸³ - Утомишь нас всех, вот чего ты добьешься.
- Меня-то он уже достал... - сказала Мели.

(33) La miró durante unos segundos y de pronto exclamó:

- ¡*Ya lo tengo!* Lo vi en un periódico de NY hace tres semanas⁵⁸⁴ (Marías, 162).

Ср.: <...> ← ¡*Ya lo tengo recordado!*

(34) – Ah, ¿y cómo tenía que hablarles, según tú? ¡Mira que *tienes unas cosas!*

A lo mejor querías que me encarase con ellos⁵⁸⁵ (Jarama, 101).

Ср.: <...> ← ¡Mira que *tienes inventadas* unas cosas!⁵⁸⁶ Ср. также:

(35) – El crío este *tiene cada cacho salida*⁵⁸⁷ (Principe, 54), ср.: <...> ← ... *tiene inventada/encontrada/hecha* alguna salida.

То же возможно и в каталанском:

(32') - Mirin d'agafar-la. - I com vol que l'agafem? Té cada sortida vostè!⁵⁸⁸ (La meva Cristina..., 24) ← Té *trobada* cada sortida!

(33') ¡*Ja ho tinc!* El faré venir. O jo no sóc ningú o ballareu junts⁵⁸⁹ (Mirall trencat, 77) Ср.: <...> ← *Ya ho tinc inventat!*

Главной особенностью конструкций с одушевленным субъектом и одушевленным объектом (тип 1) является то, что собственно сема обладания в них отсутствует и имеет место либо выражение отношения между двумя предметами, либо экспликация экзистенциально-локативных отношений.

Для всех языков изоглоссы «иметь» характерна модель, выражающая родственные отношения, не предполагающая корреляций ни с безличным *haber / haver*, ни с глаголом конкретно посессивной семантики *poseer*. Ср. в испанском:

(36) *Tiene una chica muy crecida*, para ser él tan joven⁵⁹⁰ (Jarama, 81).

То же – в каталанском, ср.:

⁵⁸⁴ «Я вспомнил его! Я видел его в нью-йоркской газете три недели назад».

⁵⁸⁵ «Ха! И как же я должен был с ними говорить по-твоему? Гляди-ка, чего ты удумал! Ты, наверное, хотел, чтоб я с ними поругался».

⁵⁸⁶ Следует отличать настоящие образования от словосочетания *tener cosas* в значении *decir* «говорить» в восклицательных моделях типа: ¡*Qué cosas tiene!* «Что вы такое говорите!»

⁵⁸⁷ «Этот ребенок на каждом шагу устраивает какую-нибудь выходку».

⁵⁸⁸ «Смотрите, ловите ее. - Как вы хотите, чтоб мы ее поймали? На все у вас есть решение!»

⁵⁸⁹ «Все! Я придумала! Я заставлю его прийти. Либо я ничего не стою, либо мы будем танцевать вместе!»

⁵⁹⁰ «Дочка у него больно взрослая для такого молодого».

(34') - Sí. *Jo tinc un cosí a qui passa el mateix.* - Quin cosí? El barber? - No. Un que *en tinc de torero*⁵⁹¹ (Pere Calders, 24).

Отметим попутно, что последняя реплика представляет собой компрессивное образование в результате стяжения двух пропозиций, ср.: (с) ... *en tinc de torero* ← (a) *tinc un cosí* + (b) *el cosí està (treballant) de torero*.

Модели с активным реальным агенсом и объектом-лицом (тип 1) так же как и рассмотренные выше модели с неодушевленным объектом (тип 2) до известной степени коррелируют с аналитической конструкцией с *haber / haver* в испанском и каталанском соответственно. Ср. в испанском:

(37) *Los ha recogido Barberina la Prisca, una viuda lavandera, que también a mi me tiene recogido*⁵⁹² (Valle-Inclán, 39).

То же – в каталанском, ср.:

(35') ...era una senyora veïna que *la mare d'en Quimet tenia recollida* perquè s'havia barallat amb el seu marit⁵⁹³ (Plaça, 41).

(36') - Els conec d'una hora lluny... - vaig contestar-li.

- Que vols dir que *n'has vistos gaires?*⁵⁹⁴ (Pere Calders, 55).

Следует обратить внимание на то, что явно итеративный характер действия в последнем примере не находит в каталанском отражения в виде причастной модели с *tenir*, что еще раз подтверждает наше наблюдение об отсутствии возможности выражения в этом случае в каталанском итеративного значения.

Помимо результативного модели второго типа способны передавать и другие аспектуальные значения так же, как и рассмотренные выше примеры с неодушевленным объектом. Так, дуративное значение отмечается в:

(38) *So color de vender cobre labrado, Abrahén obtuvo autorizaci3n para entrar algunas veces donde nos tenían recluidos...*⁵⁹⁵ (Manuscrito, 185).

⁵⁹¹ «Да. У меня есть племянник, с которым происходит то же самое. – Какой племянник? Цирюльник? – Нет. Тот, что у меня тореро».

⁵⁹² «Их подобрала Барберина ла Приска, вдова-прачка, которая и меня вот тоже приютила».

⁵⁹³ «... это была соседка, которую мать Кимета приютила у себя, так как та поссорилась со своим мужем».

⁵⁹⁴ - Я их знаю с давних пор... - ответил я ему.

- Хочешь сказать, что ты их видел уже много раз?

⁵⁹⁵ «Под предлогом продажи чеканной меди, Абрахан получил разрешение заходить иногда туда, где нас держали под стражей...»

(39) ¡Mi marido que me tiene dos largos años abandonada!⁵⁹⁶ (FPD, 138).

То же – в каталанском:

(37') Uns quants dies *el vam tenir lligat* per una pota a la barana de ferro de la galeria⁵⁹⁷ (Plaça, 81).

(38') ...quan jo li demanava que no fes les feines de la casa, ella em guaitava amb un mal aire i feia, *no em tens tancada a casa*, doncs, què vols que hi faci?⁵⁹⁸ (L'opera, 87).

Общеиндоевропейской чертой функционирования глагола «иметь» в активных моделях с реальным одушевленным субъектом и реальным одушевленным объектом является сема «физического, плотского обладания». О функционировании глаголов с семантикой обладания в рамках «интимной сферы смыслов» говорится уже у Аристотеля, ср.: «Про нас (т. е. людей) также можно сказать, что *мы имеем жену*, и про женщину - что *она имеет мужа*. Только что указанное значение обладания - наименее подходящее, ведь "иметь жену" означает не что иное, как сожительствовать»⁵⁹⁹. То же - в сопоставляемых языках. Так, в испанском:

(40) Lo llevé conmigo sin decir una palabra. *Y lo tuve. ¿Lo tuve? Él respondió con cariño y docilidad a mis caricias*⁶⁰⁰ (Manuscrito..., 167).

То же – в каталанском:

(39') ¿Però retornar d'on? Si mai *no m'has tingut*, ¿com puc retornar? Has entrat a casa meva sense tocar-me...⁶⁰¹ (Pedrolo, La nostra mort de cada dia, 83).

Испанские образования с *tener*, выражающие состояние реального логического субъекта, находящегося в позиции объекта, имеют компрессивный характер и являются следственным фрагментом или результатом некоего

⁵⁹⁶ «Мой муж уже два года ко мне не притрагивается!»

⁵⁹⁷ «Несколько дней мы его (букв. «имели/держали привязанным) за ногу к железным перилам в галерее».

⁵⁹⁸ «...когда я просил ее не делать работу по дому, она смотрела на меня недовольно и говорила, не ты ли держишь меня дома взаперти, тогда что ж ты хочешь, чтоб я делала?»

⁵⁹⁹ Аристотель Указ. соч. С. 90.

⁶⁰⁰ «Я притянул его к себе, не говоря ни слова. И овладел им. Овладел? Он ответил нежно и покорно на мои ласки».

⁶⁰¹ «Вернуться?! Но откуда? Ты же ни разу не был со мной близок, как ты можешь вернуться? Ты вошел в мой дом, не дотронувшись до меня...»

воздействия субъекта на объект, имплицированного за рамками высказывания (в пресуппозиции). Ср.:

(41) *Sobre ascuas me tiene a mí ya, con este asunto*⁶⁰² (Jarama, 165).

В этом случае может иметь место корреляция с *estar*, предполагающая смену субъектно-объектных отношений: <...> ← [él hace así que] *estoy sobre ascuas con este asunto*. Ср. модель с *estar* в реальном тексте: Tarsis, desasosegado, *estaba en ascuas*⁶⁰³ (Arrabal, 141).

В каталанском в этом случае только *estar*, ср.:

(40') *En realitat, tots estaven com sobre brases*⁶⁰⁴ (Perucho, 53).

Однако определенное структурное сходство с испанскими образованиями типа (41) обнаруживаются в каталанском в таких примерах как:

(41') *I, tot movent les pestanyes com una papallona, va fer, ai, filla, això és un turment, la Mimí em té ben enconyada, si veiessis quin cos que té, tota bíceps...*⁶⁰⁵ (L'opera, 90).

Ср. также:

(42') *Em té amb l'ai al cor, s'entreté amb les sensacions i jo, el que vull saber, és com acabà la història amb la Maria*⁶⁰⁶ (L'opera, 146).

Сравните коррелирующую с последней эллиптическую модель с опущенным *estar*: ...no era senyora ni del seu temps, <...>, *bleda com és, sempre amb l'ai al cor de tanta por com li fa el seu home*⁶⁰⁷ (L'opera, 129). Ср. полный вариант в испанском: – *Contigo siempre se está en un ay*⁶⁰⁸ (Manuscrito, 133).

Все вышеприведенные модели характеризуются одной общей особенностью, проявляющейся в том, что действие субъекта, каузирувавшее

⁶⁰² «Я уж вся как на иголках из-за него от этой проблемы».

⁶⁰³ «Тарсис, обеспокоенный, был как на иголках (букв. “углях”)».

⁶⁰⁴ «На самом деле все были как на иголках».

⁶⁰⁵ «И, хлопая ресницами как бабочка (крыльями), она сказала, ах, детка, это просто мўка какая-то, я от Мими просто хренею, если б ты видела, какое у нее тело, одни бицепсы...»

⁶⁰⁶ «Я трепещу, а вы забавляетесь всякими сенсациями, тогда как я всего лишь хочу знать, чем закончилась история с Марией».

⁶⁰⁷ «...она даже не могла распоряжаться своим временем, ..., наивная дуреха, всегда у нее екало сердце от страха перед своим мужем».

⁶⁰⁸ «С тобой всегда сердце не на месте!»

состояние объекта, является неволевым. Отметим также, что к реально каузативным моделям с *tener* в испанском относятся, например:

(42) ...echó escalera abajo a los chiquillos, y a mí me tuvo de rodillas soportando sus excomuniones...⁶⁰⁹ (Regla..., 111) ← y a mí me hizo estar de rodillas. Ср. также:

(43) ...y a ti te tengo un mes a pan y agua⁶¹⁰ (Laforet, 106), ← ...a ti te hago pasar un mes a pan y agua...

Те же образования имеются и в каталанском, но они значительно менее частотны. Ср.:

(43') Isabel, sí, Isabel. La tens de genolls als teus peus i plorant sobre els teus genolls⁶¹¹ (Casp, 132).

Помимо рассмотренных выше форм, как в испанском, так и в каталанском, функционируют модели с *tener* (*tenir*), также выражающие состояние реального логического субъекта, совпадающего с грамматическим субъектом высказывания, но при этом не являющимся реальным агенсом: последний (каузатор презентного состояния субъекта) находится либо в пресуппозиции, либо выражен косвенным дополнением. Так, в испанском *tener asco* «испытывать отвращение» коррелирует с безличными дативными образованиями *darle / entrarle asco a uno*, ср.:

(44) *Tengo tanto asco... y estoy tan furiosa... ¡que creo que voy a vomitar!*⁶¹² (Moncada, 34). Ср. также: – *Me da asco la comida*, – *dijo la chica contemplando los platos como si estuvieran llenos de inmundicias*⁶¹³ (Vázquez Montalbán, 78). Ср. также: *Me entró asco y sentí una irresistible necesidad de humillarlo*⁶¹⁴ (Torres, 133).

В каталанском *tenir fàstic* «испытывать отвращение» коррелирует с каузативным *fer*, ср.:

⁶⁰⁹ «...он прогнал мальчишек вниз по лестнице, а меня заставил стоять на коленях и выслушивать его нотации...»

⁶¹⁰ «...а тебя я на месяц посажу на хлеб и воду»

⁶¹¹ «Изабель, да. Изабель. Ты заставляешь ее стоять перед тобой на коленях и плакать у тебя в ногах».

⁶¹² «Мне так противно... я вне себя... я думаю, меня сейчас вывернет!»

⁶¹³ «Меня мутит от этой еды. – сказала девушка, глядя на тарелки, как будто в них были помои».

⁶¹⁴ «Мне вдруг стало противно, и я почувствовала непреодолимое желание унижить его».

(44') Aloma, en un moment de lucidesa, *té fàstic* del seu egoism⁶¹⁵ (Aloma, 156).

Ср. обе модели в рамках одного высказывания: *Però és que jo vaig descobrir, aclarí la Natàlia, un bon dia, que no em feia fàstic el país, sinó que em feien fàstic els qui em voltaven i també tenia fàstic de mi mateixa*⁶¹⁶ (El temps..., 217).

Глаголы *tener / tenir* могут выступать в функции полнозначного *considerar* «считать кого-то кем-то» в модели *tener (tenir) + Obj. pers. + por (per) + Sust./Adj.* в испанском и в каталанском соответственно, порядок следования компонентов относительно свободный, ср.:

(45) Los intérpretes *se tienen por semidioses* o *semidivos*⁶¹⁷ (Marías, 62).

То же – в каталанском, ср.:

(45') *A més, no em tenia per res. Segons ell, jo era un llonze, un home que no havia sabut establir-se pel seu compte*⁶¹⁸ (L'òpera, 91).

Ср. также: – *Per tan poca cosa em tens?* – *Bé, veuràs, no m'agrada de fer patir ningú*⁶¹⁹ (Pla, Cuadern gris, 275).

Расширение сферы употребления глагола *tener* и задействие его в моделях третьего и четвертого типа (см. выше) является отражением сильной тенденции к активизации высказывания в иберо-романских языках. Так, в испанском:

(46) [El río] *Tiene un puente* en el mismo Talamanca, hoy ya inútil, porque el río lo rehusó hace largos años y se abrió otro camino⁶²⁰ (Jarama, 7), букв.

‘...*река *имеет* мост в самой Таламанке’.

Здесь возможна прямая корреляция с безличной экзистенциально-локативной формой с глаголом *haber*, ср.:

⁶¹⁵ «Алома, в момент просветления, почувствовала отвращение к его эгоизму».

⁶¹⁶ «Но я вдруг обнаружила, пояснила Наталия, в один прекрасный день, что меня раздражает не эта страна, а мне противны те, кто меня окружают, и я сама себе противна».

⁶¹⁷ «Переводчики *считают себя полубогами* или чуть не звездами».

⁶¹⁸ «Кроме того он меня считал пустым местом. По его словам, я был просто дураком, который не сумел устроиться в жизни самостоятельно».

⁶¹⁹ –Ты что же, меня ни во что не ставишь?

– Ладно, увидишь, что я никому не хочу зла.

⁶²⁰ «На реке есть мост в самой Таламанке, теперь заброшенный, потому что река отклонилась от него уже очень давно и пошла по другому руслу».

(47) ...*hay un puente* en el mismo Talamanca «В самой Таламанке есть (букв. ‘имеется’) мост».

Попутно отметим допустимое в испанском использование нескольких моделей в рамках одного высказывания. Так – в следующем примере, включающем личную активную локативную форму с *tener* и экзистенциально-локативную с *estar* в эмфатической структуре, а также неопределенно-личную модель с *tener* с инверсией объектного дополнения:

(48) — ¡Qué divertido! — dijo Mely —; todos los pueblos *tienen los cementerios en los altos*, y aquí en cambio *lo que está en alto es la población*, y el cementerio lo tienen junto al río⁶²¹ (Jarama, 152).

Ср. также: ...es un pueblo que *no tiene* cementerio ni tampoco prostíbulo⁶²² (Cristo versus Arizona, 101), ср.: = ... es un pueblo, donde *no hay* cementerio ni tampoco prostíbulo.

То же – в каталанском:

(46') La cambra *no té cap finestra*⁶²³ (Aloma, 227), ср.: = A la cambra *no hi ha cap finestra*.

(47') És una casa gran, que *té a la façana un llarguíssim balcó*⁶²⁴ (Pla, Cuadern gris, 234) = És una casa gran, en la façana de la qual *hi ha un llarguíssim balcó* = És una casa gran amb un llarguíssim balcó, que *está a la façana*.

Необходимо отметить, что даже при рассмотрении настоящих безличных образований с *haber / haver*, можно говорить о потенциально возможной в сопоставляемых языках активизации высказывания, эксплицируемой глаголом «иметь», в связи с корреляцией последних с *tener / tenir* и полифункциональной частицей *se / es*. Так, в испанском, *se tiene = hay*:

(49) – No te pongas así... Todo pasa un día u otro... Come... Es peor si *no se tiene nada en el vientre*⁶²⁵ (Arrabal, 158).

⁶²¹ «Как забавно! – сказала Мели, – во всех селениях кладбище располагают на возвышенностях, а здесь, наоборот, селение как раз на возвышенности, а кладбище у них у реки».

⁶²² «... это селение, в котором нет ни кладбища, ни борделя».

⁶²³ «В комнате нет ни одного окна».

⁶²⁴ «Это большой дом, у которого вдоль фасада тянется длинный балкон».

⁶²⁵ «Не отчаивайся... Все проходит рано или поздно... Ешь... Хуже, когда нет ничего в желудке».

Ср. также *se tiene = es*:

(50) – Te envidio. Siempre me ha parecido que el momento para leer a Carax es cuando todavía *se tiene el corazón joven y la mente limpia*⁶²⁶ (Zafón, 25).

То же – в каталанском, ср. *es té = hi ha*:

(48') Cada foradet rodó amb una pell més nova, una mica més clara que la pell que *es té del néixer*⁶²⁷ (Plaça, 203). Ср. также обе модели в рамках одного высказывания:

(49') – Ha d'ésser així perquè la literatura és per a les estones en què no *es té* res a fer, en què no *hi ha* res a pelar...⁶²⁸ (Pla, El quadern gris, 118).

Ср. также *es té = és*:

(50') ... quan *no es té* el cor com una pedra és impossible d'esterilitzar la vanitat del cor⁶²⁹ (Pla, El quadern gris, 236), ср.: = ...quan el cor *no és* com una pedra...

Ср. также прагматически равнозначное *tiene = hay* при разной субъектно-объектной структуре высказывания в следующих двух испанских примерах:

(51) ...a mí esto de que las mujeres fumen me parece muy bien, claro que muy bien ; después de todo, *¿qué tiene de malo?*⁶³⁰ (Colmena, 69).

(52) *¿Qué hay de malo* en que tú y yo pasemos un rato juntos de vez en cuando?⁶³¹ (El hereje, 114).

То же – потенциально возможно и в каталанском, например:

(51') *L'ordre té això de dolent*: paralitza, admira, invita a no tocar res⁶³² (Pla, El quadern gris, 133).

Еще одной характерной разновидностью настоящих моделей являются компрессивные модальные структуры, коррелирующие с безличными

⁶²⁶ «Завидую тебе. Мне всегда казалось, что лучшее время для чтения Каракса это то, когда сердцем еще молод, и мысли чисты».

⁶²⁷ «Каждая оспинка была покрыта слоем более новой кожи, немножко более светлой, чем та, что была от рождения».

⁶²⁸ «Так и должно быть, потому что литература и существует для таких моментов, когда нечего делать, когда нечем заняться...».

⁶²⁹ «...когда сердце не из камня, невозможно оградить себя от сердечных мук...»

⁶³⁰ «...по мне, то, что женщины курят, мне кажется, очень хорошо, да, очень хорошо; в конце концов, что в этом плохого?»

⁶³¹ «Что плохого в том, что ты и я проведем вместе какое-то время иногда?»

⁶³² «В порядке вот что плохо: он парализует, вызывает восхищение, призывает ничего не трогать».

предложениями. Так, в испанском:

(53) – *Eso tiene arreglo* – le informó Miquel –, para eso están los amigos ricos⁶³³ (Zafón, 326) = *Eso se puede arreglar...*

Ср. также: ... le dio el remangu de la electricidad que *tiene mal aguante...*⁶³⁴ (Cristo versus Arizona, 235), ср.: = ... que *no se puede aguantar* /...que se aguanta mal...

То же – в каталанском:

(52') Si el meu mal *no té remei*, contesti'm també per escrit⁶³⁵ (Cristina, 31), ср.: = Si el meu mal *no es pot remeiar...*

Причастные модели с *tener / tenir* в моделях третьего типа затруднений при интерпретации субъектно-объектных отношений не вызывают. Как в испанском, так и в каталанском допустимы безличные трансформации с *haber / haver* соответственно. Так, в испанском:

(54) Las tres [habitaciones] *tenían colgados* del techo mosquiteros de tul⁶³⁶ (Regla..., 211) = En estas tres habitaciones *había* mosquiteros de tul *colgados* del techo.

То же – в каталанском:

(53') El bagul, que és al costat del xofer, *té papers blaus enganxats*, guarnits amb lletres blanques⁶³⁷ (Aloma, 52) = En el bagul, ..., *hi ha papers blaus enganxats*, guarnits amb lletres blanques.

Также следует отметить высокую частотность *атрибутивных моделей* с *tener* и фиктивным субъектом. Так, в испанском можно отметить следующие разновидности:

(55) Es una vida que *no tiene chiste*⁶³⁸ (Jarama, 89), ср.: = ...vida que *no es chistosa*.

То же – в каталанском:

⁶³³ «Это можно уладить – сказал ему Микел, – для этого есть богатые друзья».

⁶³⁴ «...его ударило током, что переносится плохо...»

⁶³⁵ «Если мой недуг нельзя исцелить, ответьте мне тоже в письменном виде».

⁶³⁶ «Во всех трех покоях висели москитные сетки из тюля, подвешенные к потолку».

⁶³⁷ «На ящике, который находится рядом с шофером, прикреплены голубые бумажки, исписанные белыми буквами».

⁶³⁸ «Это безрадостная жизнь».

(54') *La ciutat té gràcia*, els arbres són bonics, l'aire és agradable, tot és fresc⁶³⁹
(Pla, El quadern gris, 779), ср.: *La ciutat és graciosa...*

Ср. также:

(55') El ciment *tenia moltes esquerdes...*⁶⁴⁰ (Plaça, 100), ср.: El ciment *era molt esquerdat...*

Ср. в испанском:

(56) – ¿Qué tal está el jardín? ¿*Tiene sombra*, como el año pasado?⁶⁴¹ (Jarama, 65), ср.: = ... el jardín *es / está sombreado...*

Отметим, что в каталанском модель *tenir ombra*, букв. 'иметь тень', в предикативной функции коррелирует с каузативным *fer*, ср.:

(56') Em vaig aturar en sec i mig d'esma vaig estirar un braç i *el braç no tenia ombra*⁶⁴² (Quanta, quanta guerra..., 187), ср.: ... i el *braç no feia ombra*.

Ср. то же в оригинальном тексте: – ¿No t'has adonat que *tens ombra*? – Em quedava quiet i l'ombra no es movia. Aquella taca fosca a *terra la feia jo. L'ombra la faig jo*⁶⁴³ (Quanta, quanta guerra..., 186).

Еще одна разновидность атрибутивных моделей в испанском:

(57) El barroco de Miraflores *tiene hoy temperatura y luz de milagro*⁶⁴⁴ (Umbral, 114), ср.: = ...hoy en Miraflores *la temperatura y luz son de milagro / son milagrosos...*

То же – в каталанском:

(57') Una certa densitat botànica faria a més que *Calella tingués*, a l'hivern, *una temperatura més benigna*⁶⁴⁵ (Pla, Cuadern gris, 289), ср.: = ... en Calella *la temperatura és més benigna*. Ср. также:

(58') ... la rampa a la banda de fora *tenia finestretes estretes i llargues...*⁶⁴⁶

⁶³⁹ «Город прекрасен, деревья красивы, воздух приятен, свежо».

⁶⁴⁰ «В цементе было много трещин / Цемент был очень растрескавшийся...»

⁶⁴¹ «Как там сад? Такой же тенистый, как и в прошлом году?»

⁶⁴² «Я остановился как вкопанный и привычным движением вытянул вперед руку, и рука не отбрасывала тени».

⁶⁴³ «Ты не понял, что *ты отбрасываешь тень*? Я замер, и тень не двигалась. Это темное пятно на земле делал я. Тень (букв. 'делал') я».

⁶⁴⁴ «Сегодня в барочном Мирафлорес чудесная температура и ясно».

⁶⁴⁵ «Заметная густота растительности способствовала тому, что в Калелье зимой температура была более благодатная».

⁶⁴⁶ «...на пандусе с внешней стороны были узенькие длинные окошечки...»

(Plaça, 219), ср.: = ...les finestretes de la rampa a la banda de fora *eren estretes i llargues*...

Здесь также возможна безличная трансформация, т. е. корреляция с *haver* как в локативных образованиях: ... a la banda de fora *hi havia finestretes estretes i llargues*... Последняя имеет место в оригинальном тексте в продолжении указанного выше предложения: ...i, a la banda de dintre, al peu de cada finestreta, *hi havia un covador amb un colom covant*⁶⁴⁷ (там же, 219).

Модели четвертого типа (с *неодушевленным субъектом и одушевленным объектом*) также можно разделить на две группы: 1) коррелирующие с безличными экзистенциально-локативными структурами на базе *haber / haver*; 2) с возможной корреляцией по линии активности с глаголами *poner / posar, volver / tornar* и каузативами с *hacer / fer*. Первые были выявлены нами только в испанском (подробнее о них см. в разделе 3.1.3 настоящей главы), вторые возможны в обоих сопоставляемых языках. Так, в испанском:

(58) De vez en cuando miraba a Lucía y parecía encenderse su rostro en la penumbra con el resplandor de anima que *tenía amarilla a la jóven*⁶⁴⁸ (Gómez de la Serna, 116), ср.: = ... que *hacía amarillear* a la jóven...

(59) ¡...y no me hagas seguir hablando, que todo este trajín *me tiene muy fatigada!*⁶⁴⁹ (Mendoza, 181).

Здесь допустимы корреляции как по активной линии (некое явление / событие / факт каузирует состояние), ср.: = ... este trajín *me pone fatigada / me da fatiga / me fatiga*, так и по экзистенциально-стативной, ср.: = ... *estoy fatigada con este trajín*.

В следующем примере глагол *traer* функционально эквивалентный *tener*, часто замещающий последний в различных контекстах, также коррелирует с активными моделями, ср.:

⁶⁴⁷ «... а с внутренней стороны, под каждым окошечком, было место для кладки яиц с голубем, высиживающим птенцов».

⁶⁴⁸ «Изредка я посматривал на Лусию и, казалось, ее лицо вспыхивало в полумраке от сияния ее души, которое придавало желтый оттенок всему ее облику».

⁶⁴⁹ «...и не заставляй меня говорить дальше, а то вся это возня мне уже порядком надоела!»

(60) Una madrugá de borrachería *trajo loco al chófer* <...> *lo trajo loco* porque estaba todo cerrado⁶⁵⁰ (Quiñones, 99 – 100), ср.: = ... *lo puso loco / lo volvió loco / lo enloqueció*...

В каталанском:

(59') Ara, en aquests moments, em trobo davant d'un obstacle considerable, d'un obstacle que *em té immobilitzat*⁶⁵¹ (Pla, El quadern gris, 672), ср.: = ...*estic immobilitzat* per un obstacle...

(60') Però comprar coses que no siguin de menjar... ja *em té més perdut* que un mussol quan és de dia⁶⁵² (Cristina, 77), ср.: = ... *ya em posa / torna / fa més perdut*...

3.1.2. Модели, имеющие частичное сходство в сопоставляемых языках

В данном разделе мы рассмотрим образования, имеющие частичное сходство в сопоставляемых языках, различные переходные случаи и отклонения на уровне корреляций с другими базовыми глаголами.

Помимо *tener + Obj.*, выражающей постоянный или временный признак субъекта (см. раздел 3.1.1 настоящей главы), в сопоставляемых языках также функционирует *tener + Obj. + Atrib.*, однако расхождение при их функционировании отмечается на уровне корреляций с экзистенциальными глаголами сопровождающееся сменой субъектно-объектных отношений. В испанском в случае постоянного признака имеет место корреляция с *ser*, а в случае временного признака – с *estar*, ср.:

(61) El violinista, que *tiene los ojos grandes y saltones* como un buey aburrido, la mira mientras lía un pitillo⁶⁵³ (Colmena, 79) = *Los ojos del violinista eran grandes y saltones*...;

⁶⁵⁰ «Утреннее похмелье привело в бешенство шофера <...> оно его довело до безумия, потому что все (= все магазины со спиртным) было закрыто».

⁶⁵¹ «Сейчас, в настоящее время, я нахожусь перед значительным препятствием, таким препятствием, которое меня парализует».

⁶⁵² «Но вопрос покупки чего-то несъестного ... меня приводит в замешательство, как филина наступление дня».

(62) *Mira tú cómo tengo ya los dedos. Parecen pasas*⁶⁵⁴ (Jarama, 41) = *Mira tú cómo están mis dedos...*

То же – в каталанском, в рамках одного высказывания:

(61') *I els llavis els tenia sempre encesos i eren grossets*⁶⁵⁵ (Plaça, 60);

ср. также модель, выражающую временный признак:

(62') *Jo tenia els peus glaçats perquè duia les sabates molles*⁶⁵⁶ (Plaça, 35) = *Els meus peus estaven glaçats...*

Последнее менее употребительно, чем исходная форма с *tenir*, но теоретически возможно⁶⁵⁷, несмотря на традиционную для каталанского корреляцию этой модели с *esser*, ср.: ...*jo anava pels carrers d'un poble mort i quan veia uns ulls per entre les escletxes d'unes cortines sempre eren uns ulls glaçats*⁶⁵⁸ (Cristina, 97). Для выражения временного признака субъекта более частотны модели с глаголами действия типа *fer*, *agafar*, ср.:

...*agafa una cara com si es trobés davant d'un traïdor, us mira de reüll, fa uns ulls estranyíssims com si l'haguessin ofès...*⁶⁵⁹ (Pla, El quadern gris, 786); ср. также: ... *alguns dies a sota a casa al costat d'una basa els soldats feien xocolata desfeta per*

⁶⁵³ «Скрипач, у которого были большие и выпученные как у уставшего вола глаза, смотрел, как она скручивает папиросу».

⁶⁵⁴ «Смотри-ка какими стали у меня пальцы. Похожи на изюм».

⁶⁵⁵ «Губы у него всегда были пылающие и пухлые».

⁶⁵⁶ «Ноги у меня заledenели, потому что я была в мокрых туфлях».

⁶⁵⁷ В русле настоящей проблематики см. работы:

Vallcorba i Rocosa J. Op. cit. 1978.

Falk J. Ser y estar con atributos adjetivales. Anotaciones sobre el empleo de la cópula en catalán y en castellano // I Acta Universitatis Upsaliensis / Studia Romanica Upsaliensa. – Vol. 29. – Uppsala, 1979.

Solà J. Qüestions controvertides de sintaxi catalane. – Barcelona: Edicions 62, 1987.

Sanz Cr., González M. J. Ser y estar in Tortosí Catalan: Language contact, language variation and language change // Sintagma. – № 7. – 1995. – P. 5–25.

Как отмечается в указанных исследованиях, каталанский находится на более ранней стадии развития системы вспомогательных глаголов, чем испанский. Здесь до сих пор наиболее употребителен глагол *esser* как в функции связки, так и в локативной функции. Однако по сравнению со стандартной каталанской нормой, описанной в грамматике А. М. Бадиа Маргарит, все чаще отмечается замещение *esser* глаголом *estar* во все возрастающем числе контекстов не только в зонах языкового контакта с испанским, но и как общезыковая тенденция.

О последнем косвенно свидетельствует и следующий факт: чем меньше возраст каталаноговорящих информантов, участвовавших в исследовании, тем выше частотность использования ими разнообразных моделей с *estar*. – Цит. по: Sanz Cr., González M. J. Op. cit. P. 21.

⁶⁵⁸ «...я бродила по улицам вымершего селения и когда замечала глаза, (глядящие) сквозь щель меж занавесок, глаза эти всегда были заледенелые».

⁶⁵⁹ «...у него такое лицо, как будто стоит перед каким-то предателем, косо смотрит на вас, и делает такие странные глаза, как будто его оскорбили...».

berenar, i nosaltres els mes menuts baixàvem i ens en donàvem per *la cara de gana que feiam...*⁶⁶⁰ (História oral).

Локативные конструкции с глаголом *tener*, типа *tengo + N(obj.) + Adv.loc. / tengo + N(obj.) + (Prep. + N)loc.* очень часто в испанском коррелируют с образованиями со стативным *estar* и реальным неодушевленным агенсом, предполагающими смену субъектно-объектных отношений:

(63) – ¿Ha pedido usted un coche?

– Sí, señor; *a la puerta lo tengo*⁶⁶¹ (Jarama, 326) = ... a la puerta está;

Ср. также: Le seguimos, atravesando un largo dédalo de habitaciones...hasta el cuarto donde Guixols *tenía su estudio*⁶⁶² (Laforet, 103) (букв. ‘Гишольс имел свой кабинет’))» = ...donde *estaba el studio* de Guixols.

(64) – *Aquí tienes mi pistola* – le dijo. – No me provoques. ¡Canalla!⁶⁶³

(Laforet, 17).

Следует отметить, что последний пример представляет собой компрессивное предложение, которое могло бы быть восполнено следующим образом: *Aquí tienes mi pistola, así que puedes usarla en cualquier momento*. При использовании в данной ситуации стативной модели связь с адресатом высказывания была бы потеряна, ср.: *Aquí está mi pistola...* «Здесь лежит мой пистолет», поэтому потенциально возможная для рассматриваемых моделей корреляция с *estar*, здесь прагматически не оправдана.

Ср. также компрессивную безличную экзистенциально-локативную модель с глаголом *haber*:

(65) – ¿Café no *tiene*?

– Creo que lo *hay* hecho en la cocina⁶⁶⁴ (Jarama, 14) = ... el café *esta* hecho en la cocina...

⁶⁶⁰ «...иногда неподалеку от дома солдаты делали на завтрак шоколад, и тогда самые маленькие из нас подходили к ним, и они нам его давали, потому что у нас были такие голодные лица».

⁶⁶¹ «Вы уже вызвали машину? – Да, сеньор; она у меня у дверей».

⁶⁶² «Мы последовали за ним, пройдя сквозь длинный лабиринт помещений, до комнаты, где у Гишольса был свой кабинет.

⁶⁶³ «Вот тебе мой пистолет (букв. ‘вот здесь ты имеешь мой пистолет’), - сказал он ему. – Не провоцируй меня! Мерзавец!»

⁶⁶⁴ «А кофе нет у вас? – Думаю, что есть там готовый на кухне».

В каталанском – те же образования, но корреляция при смене субъектно-объектных отношений возможна преимущественно с глаголом *esser*. Ср.:

(63') ... la mare d'en Quimet *tenia molts ramets de boix damunt de la taula...*⁶⁶⁵ (Plaça, 41) = ...molts ramets de boix *eren damunt de la taula...*

Здесь же можно рассматривать и модель с причастием как вариант полной структуры, ср.:

(64') Era una perla grisa i feia molt de temps que *la tenia ficada al cap*⁶⁶⁶ (Mirall trencat, 95) = <...> → *que la tenia al cap*.

Приведем следующий небольшой отрывок из внутреннего монолога персонажа Р. Рубера, который пытается понять значение неизвестного ему слова *la torra*⁶⁶⁷, блестяще иллюстрирующий диапазон *esser / tenir* в каталанском по сравнению, например, с французским, где подобное было бы едва ли возможно: ...Torno a trucar, i una veïna surt a dir-me: - Si busca 'ls senyors d'aquí davant, *són a la torra*. <...> Trobo un conegut, i, tot saludant-me, em diu: - Adéu. Me'n vaig a la torra. «Com? - dic jo. - Aquest també *té torra?*» I tot passant sento que una senyoreta diu a un jovenet: - Demà *serem a la torra*. Es a dir que tothom va a fòra i *tothom té torra!*⁶⁶⁸ (Robert Robert, 17).

Как уже было отмечено выше, в каталанском глагол *estar* в локативном функции не употребляется. Тем не менее, в исследованиях последних десятилетий⁶⁶⁹ отмечаются случаи использования последнего при передаче пространственных отношений. Так, выявлено два фактора, влияющих на выбор глагола *estar* в моделях с неодушевленным субъектом: 1) наличие наречия

⁶⁶⁵ «...у матери Кимета на столе стояло много веточек самшита...», букв. («... мать Кимета *имела много веточек самшита на столе*»).

⁶⁶⁶ «Это была серая жемчужина, которую уже давно я прикрепила к голове».

⁶⁶⁷ Отметим попутно, что это значение не отражено ни в одном из известных нам авторитетных словарей каталанского языка (DIEC; DGLC). Вероятно, это слово дериват глагола *torrar*, который в переносном смысле означает «напиться, опьянеть, гульнуть». Ближайшим лексическим коррелятом в испанском является *tuesta* «пьянка, попойка». Ср. также исп. *grifar* перен. «горчать» → *grifo* «распивочная».

⁶⁶⁸ «Я снова звоню (в дверь), выходит соседка и говорит мне: – если Вы ищите господ из этой квартиры, так они [находятся] на '*пирушке*'. <...> Встречаю знакомого, и не успел он поприветствовать меня, как говорит: – Ну, пока. Я иду на '*пирушку*'. «Как? – говорю я себе. – У этого тоже есть (букв. «имеется») '*пирушка*'?» И тут, проходя мимо, слышу, как одна девушка говорит юноше: – Завтра будем на '*пирушке*'. В общем, никто дома не сидит, и у *всякого есть* (букв. «всякий имеет») какая-то '*пирушка*'!».

⁶⁶⁹ Vallcorba i Rocosa J. Op. cit. 1978.

Falk J. Op. cit.

Sanz Cr., González M. J. Op. cit.

времени (ср.: *avui el cel esta blau*, «сегодня небо голубое»), подчеркивающего изменение, произошедшее в состоянии субъекта; 2) в случае релевантности значения *обычности* / *необычности* данной пространственной локализации субъекта, первое выражается посредством глагола *esser*, второе – *estar* и предполагает наличие в пресуппозиции некоего агента, каузировавшего это положение, ср.: (a) *les forquilles són al calaix*, «вилки лежат в ящике»; b) *les forquilles estan al terra*, «вилки лежат на полу»⁶⁷⁰.

Отметим также, что безличная экзистенциальная модель *haver-hi* «быть-иметься» коррелирует при смене субъектно-объектных отношений не с *estar* + *Loc.*, а с моделью *esser-hi*, отсутствующей в испанском, ср.:

(65') *Al cap d'una estona de treballar ens vam adonar que en Quimet no hi era*⁶⁷¹ (Plaça, 36) = ... *que en Quimet no hi havia*...

Следует подчеркнуть, что в каталанском локативный член – местоимение *hi* (букв. 'здесь') – эксплицитно представлен во всех временных формах функционирования настоящей модели и в коррелирующих моделях с экзистенциальным глаголом, в отличие от испанского: исп. *hay* [← *ha* + *y*] (наст. вр. индикатива) / Ø *había* (имперфект индикатива) ≠ кат. *hi ha* (наст.вр.) / *hi havia* (имперфект). Ср.: ...*a la paret hi havia* almenys cinc gruixos de paper i en Quimet no volia que n'*hi quedés* ni un...⁶⁷² (Plaça, 40) = *a la paret hi era* almenys cinc gruixos de paper...

Локативные образования с глаголом обладания активно используются в испанском и в структурах первого типа с одушевленным объектом. Так, в испанском широко распространены модели *tener* с фиктивным агенсом, эксплицирующие экзистенциально-локативные отношения. Все они представляют собой активную трансформацию той или иной экзистенциально-локативной модели с *estar* и сопутствующий этому прагматический сдвиг фокуса сообщения при смене субъектно-объектной нюансировки: актант,

⁶⁷⁰ Vallcorba i Rocosa J. Op. cit. 1978.

⁶⁷¹ «Поработав какое-то время, мы обнаружили, что Кимета здесь не было».

⁶⁷² «...на стене было, как минимум, пять слоев обоев, а Кимет не хотел, чтобы из них остался хоть один...».

занимавший позицию субъекта в образовании с *estar* становится объектом в новой структуре высказывания, а в позицию субъекта выдвигается актант, занимавший зависимую позицию в группе обстоятельства. Ср.:

(66) *Me turbaba tenerla tan cerca...*⁶⁷³ (Entre visillos, 136) Ср.: <...> ← *Me turbaba que [ella] estaba / estuviera tan cerca de mí...*

Здесь компрессивный вариант (опущение причастного компонента), ср. также возможный в данном случае полный: *Me turbaba tenerla sentada tan cerca*, букв. «Меня смущало иметь ее сидящей так близко». Ср. также: - ...*me alegro mucho verlos. Ya le estaba diciendo antes aquí que me extrañaba este año no se diesen ustedes una vuelta. - Pues ya nos tiene aquí*⁶⁷⁴ (Jarama, 16) Ср.: <...> ← *Pues ya estamos aquí (donde Usted)...* Ср. также: - *El que quiera algo, ya sabe dónde me tiene*⁶⁷⁵ (Tomás García, 91), ср. = ... *ya sabe dónde estoy.*

То же – в каталанском, но преимущественно с использованием *esser* в случае корреляции с экзистенциально-локативной моделью:

(66') *Hagi canviat o no, ja la tenim a casa. És això el que compta*⁶⁷⁶ (Pàmies, 105). Ср.: <...> ← ...*ya és a (la nostra) casa.*

Ср. также: *Més jo no podia oblidar-la, <...> sempre em semblava tenir-la al davant <...> m'entrava un gran desig de passar per on ella era*⁶⁷⁷ (Joan Maragall, Una calaverada, 22).

Здесь же отметим компрессивные образования с опущенной частью свернутого логического умозаключения, представляющие собой стяжение двух пропозиций:

(67) *En el ático tiene una señorita que está la mar de bien, se llama la señorita Pirula*⁶⁷⁸ (Colmena, 271) (ср.: <...> ← *tiene una señorita + (esta) señorita [vive] en el ático.*

⁶⁷³ «Меня смущало, что она так близко от меня...», букв. «...имею ее так близко».

⁶⁷⁴ - ...очень рад вас видеть. А я вот как раз говорил тут, что странно, что в этом году вы ни разу не заехали.

- Ну, вот мы и у вас», букв. «...вот вы нас и имеете здесь».

⁶⁷⁵ «Тот, кому что-нибудь понадобится, знает, где я...».

⁶⁷⁶ «Изменилась она или нет, она у нас уже дома. Вот что важно».

⁶⁷⁷ «Я никак не мог забыть ее <...> мне все казалось, что она рядом <...> у меня было сильное желание пройтись там, где была она».

⁶⁷⁸ «В верхнем этаже есть у него девица, очень хороша собой, зовут ее сеньорита Пирула».

То же – в каталанском:

(67') Son gent que *tenen la familia a la vila* a Sant Gervasi, al Putxet i a Vallcarca⁶⁷⁹ (Robert, Barcelonines, 77). Ср.: <...> ← ...que *tenen la familia + (la familia) viu a la vila...*

В разделе 3.1.1 настоящей главы мы указали на то, что модели, рассмотренные нами в примерах (11) – (14) и (11') – (14') соответственно, следовало бы отнести к *моделям с фиктивным агенсом*, в которых процесс развивается без субъектного участия. Такие модели обычно коррелируют с каузативными (с глаголом действия) или безличными образованиями, причем первое более характерно для каталанского, второе – для испанского языка.

Так, в испанском, возможны дативно-безличные корреляции моделей типа (11) – (14): *Me da (entra) lástima / pena / miedo / dolor...* «Мне жаль / неприятно / страшно / больно...», ср.:

(68) *Me daba miedo volver a casa, pero tampoco encontraba placer en la compañía de los bares atendidos por mujeres*⁶⁸⁰ (Millás, 228).

Последние следует отличать от личных объектных моделей, типа *darle lástima / miedo a uno* «расстроить / напугать кого-то», ср.: – ¿Por qué no sube? – <...> *Quiere darme miedo*⁶⁸¹ (Muñoz Molina, 63); Ср. также: *A mí me dan mucha lástima los niños chicos*⁶⁸² (Príncipe, 43).

В каталанском в таких случаях преобладают синтаксические образования с глаголом действия:

(68') *M'ha fet llàstima, i jo n'hi he fet. Què voleu? És la vida*⁶⁸³ (Pàmies, 98).

3.1.3. Модели, не имеющие аналога в одном из сопоставляемых языков

Как уже было отмечено, конструктивные возможности глагола *tenir* (по сравнению с его каталанским коррелятом *tenir*) достигают в испанском языке

⁶⁷⁹ «Это люди, у которых вся семья отдыхает в Сан-Жервази, в Пуче или Валькарке».

⁶⁸⁰ «Мне было страшно возвращаться домой, но и особой радости от прогулки по барам, полным женщин, я не находил».

⁶⁸¹ – Почему он не поднимается?

– ... Хочет меня напугать»

⁶⁸² «Меня очень расстраивают маленькие дети».

⁶⁸³ «Ей стало жаль меня, а мне стало жаль ее. Что ж вы хотите? Такова жизнь».

своего максимума. Ниже приводятся модели, не имеющие структурных аналогов в каталанском. Так среди моделей с одушевленным субъектом и неодушевленным объектом в структурной разновидности *tener / estar con ... + NS* только в испанском нами были выявлены модели типа: *tener mucho / poco despiste = estar (andar) despistado*:

(69) Es que *tengo mucho despiste* con ella. Me gusta, pero no sé qué hacer⁶⁸⁴
(Entre visillos, 165).

Ср. также: *Tiene un despiste* que no quieras saber. Está modorro del todo⁶⁸⁵ (Jarama, 47); El pobre participante traía un huso eléctrico de su invención y *andaba despistado*, preguntando a unos y a otros en alemán и en inglés dónde debía inscribirse⁶⁸⁶ (Mendoza, 92).

В каталанском распространена только причастная конструкция с глаголом движения, ср.: *Tan despistada anava* la pobra dona que preguntà amb un posat de gran dama: "¿Pero, estoy detenida?"⁶⁸⁷ (Pàmies, 115).

При анализе модели *tenir accés* (см. раздел 1.1 настоящей главы) было выявлено, что в каталанском в сочетаниях с оценочной лексикой последняя приобретает функции атрибутивной, типа: *tenir / esser d'un accés magnífic, agradable* и т. п. «быть приятным в общении», не имеющие параллелей в испанском. Это значение не отмечено в авторитетных словарях каталанского языка (DGLC; DIEC), тем не менее, встречается у каталанских авторов, ср.:

(69') En determinats moments *és un home d'un accés magnífic*, d'una cortesia meravellosa, d'un tracte agradabilíssim!⁶⁸⁸ (Pla, El quadern gris, 786).

Ср. также значение настоящей модели в объектных структурах с субъектом нелицом:

(70') *És només aquesta gràcia personal ...*, el que permet de comprendre que un plat que, a priori, tot fa creure que no pugui ésser res més que una gasòfia,

⁶⁸⁴ «Я просто в полной нерешительности с ней. Она мне нравится, но я не знаю, что делать».

⁶⁸⁵ «Он совсем расклеился, ты не представляешь. Его совсем в сон клонит».

⁶⁸⁶ «Бедняга участник (выставки) таскал за собой электрическую ось своего изобретения и в растерянности спрашивал то одних, то других, и на немецком, и на английском, где ему нужно зарегистрироваться».

⁶⁸⁷ «Бедная женщина была в такой растерянности, что спросила с видом высокопоставленной особы: «Я что, арестована?»»

⁶⁸⁸ «В определенных случаях он человек прекрасный в общении, удивительно вежливый и приятный».

pugui arribar a *tenir un accés agradable i magnífic*⁶⁸⁹ (Pla, El que hem menjat, 99).

То же – при смене субъектно-объектных отношений, ср.: Tant en l'una forma com en l'altra, el caviar *és d'agradable accés*⁶⁹⁰ (Pla, El que hem menjat, 48).

Принимая во внимание относительную релевантность категории «переходность» - «непереходность» в иберо-романских языках, нами было обнаружено, что испанский глагол *tener* в некоторых образованиях с фиктивным объектом способен образовывать не только объектные (см., например, рассмотрение модели *tener acceso* в разделе 1.1), но и субъектные структуры. Так, в испанском:

(70) ...además, *tuvo un acceso* de pánico al comprobar que yo no era la sufrida esposa que ella había imaginado⁶⁹¹ (Pedraza, 150).

Широко распространены корреляции последней с целым рядом аналогичных структур с глаголами чисто субъектной семантики. Так, с глаголом *sentir*:

Gregorio *sintió entonces un acceso de ternura* y, acercándose por atrás, la besó en el pelo⁶⁹² (Landeró, 196); с глаголом *sufrir*: Esta mañana *sufrió otro acceso de ahogo* y los médicos creyeron que me iba ya⁶⁹³ (Hernández, 71); с глаголом *caer*: Recoge mis palabras con una pálida sonrisa y otra vez, sin transición, vuelve a *caer en un acceso de melancolía*⁶⁹⁴ (Tomeo, 50); с глаголом *entregarse (a)*: ...esperó a que el monje, con lágrimas en los ojos, se retirara para, fuera de sí, *entregarse a un acceso de ira*⁶⁹⁵ (Aguirre, 37).

Отметим также пример пассивной трансформации с глаголом *poseer*, эксплицирующий связь пассивности и посессивности, как еще одно подтверждение амбивалентного характера КП: Se abandonó a cierto temblor de

⁶⁸⁹ «Только врожденное чутье и талант позволяют понять, что блюдо, на первый взгляд кажущееся лишь какой-то бурдой, может в итоге *imеть такой необычайный и приятный вкус*».

⁶⁹⁰ «Как в одном виде, так и в другом, *икра великолепна на вкус*...».

⁶⁹¹ «Кроме того, ее охватила паника, увидев, что я совсем не жена-страдалица, которую она себе вообразила».

⁶⁹² «Грегорио почувствовал в тот момент приступ нежности и, приблизившись сзади, поцеловал волосы».

⁶⁹³ «В это утро я пережил еще один приступ удушья, и врачи уже думали, что я отправлюсь на тот свет».

⁶⁹⁴ «Он выслушал мои слова с легкой улыбкой и снова, не изменившись в лице, *впал в уныние*».

⁶⁹⁵ «...он дождался пока монах со слезами на глазах удалится, чтобы, вне себя *отдаться приступу гнева*».

codos y rodillas, como *poseído de un pasajero acceso de fiebre*⁶⁹⁶ (Sánchez Espeso, 20).

Ср. также корреляции с безлично-дательными образованиями:

(71) *A Chalán le da un acceso de risa que roza la histeria*⁶⁹⁷ (Ribera, 18);

(72) *Y ni siquiera me dejaste que te hiciera una tisana después, cuando te entró el acceso de tos*⁶⁹⁸ (Moncada, Caprichos, 17).

Что касается каталанского, то следует отметить, что в современном языке примеров функционирования настоящей модели с глаголом *tenir* не зафиксировано, а в драматургии XIX века она встречается спорадически, ср.: *Lo senyor Ambrós tindrà tos, y quant s' enfadi sobre tot tindrà uns exessos terribles*⁶⁹⁹ (Soler, 5). В современном каталанском можно отметить лишь корреляции с чисто субъектными глаголами, например, с глаголом *sofrir* ср.: *La veritat és que Martirià, algunes nits, sofria accessos de febre, per causa d'una malaltia inconfessada*⁷⁰⁰ (Faner, 132); с глаголом *anar*: *...de seguida es deixà anar a un dels accessos d'ira que feien tremolar les parets...*⁷⁰¹ (Moncada, 149); с глаголом *caure* отмечен только в прозе XIX века: *...l' Onofre se feya en llá dissimuladament, com temorós d' entendre's massa ó de caure tal volta en algun accés del seu mal*⁷⁰² (Oller, 142); с глаголом *entrar*: *... vaig témer que no entrés en un altre accés de deliri*⁷⁰³ (Pla, *Vodegó amb reixos*, 200). Как и в испанском здесь возможны корреляции с безлично-дательными образованиями, ср.: *Quan era a Espanya va agafar unes febres i, en venir-li l'accés, vaig veure'l tremolar*⁷⁰⁴ (Oliva, 26).

Следует отметить то, что в рассмотренных выше моделях, помимо смены субъектно-объектной характеристики, имело место и изменение значения

⁶⁹⁶ «Он почувствовал некоторую дрожь в локтях и коленях, как будто *охваченный* минутным приступом лихорадки».

⁶⁹⁷ «Чалана *охватил приступ* смеха, граничащий с истерикой».

⁶⁹⁸ «Ты даже не позволил мне приготовить тебе настой трав, когда у тебя *разразился приступ* кашля».

⁶⁹⁹ «У сеньора Амброса, наверное, кашель, а когда он рассердится, то *приступы* у него особо жуткие».

⁷⁰⁰ «Дело в том, что Мартирия иногда по ночам страдала от приступов лихорадки, вызванной неизвестной болезнью».

⁷⁰¹ «...и тут же позволял себе *прийти в такой гнев*, от которого сотрясались стены».

⁷⁰² «...Онофре вел себя при этом как-то скрытно, как будто боялся слишком втянуться или что с ним случится *вдруг очередной приступ* его болезни».

⁷⁰³ «...я испугался, как бы он не *впал в очередной приступ* безумия».

⁷⁰⁴ «Когда он был в Испании, он подхватил какую-то лихорадку, и, когда с ним случался *приступ*, я видел, как его трясет».

существительного *acceso* (*accés*). Но это отнюдь не обязательное условие функционирования подобных моделей. Ср., например, такие тривиальные примеры, как:

(73) *Mañana tengo clases* = 1) «Завтра я даю уроки»; 2) «Завтра я беру уроки (чего-то)», так как *Mañana tengo clases* может означать как *las tengo, porque las imparto*, букв. «я их имею, так как я их провожу», так и *las tengo porque me las tomo*, букв. «я их имею, потому что я их беру».

Отметим, что двойственное значение сохраняется в испанском даже в коррелирующей модели с глаголом *dar*, ср.: *Dijo que le gustan las clases como la que hemos dado hoy, con pocas alumnas, pero que le extraña el poco interés que tienen las chicas de todos los cursos*⁷⁰⁵ (*Entre visillos*, 182).

В каталанском *tenir classe* не отмечается. Ее наиболее точным коррелятом является структура с каузативным *fer*⁷⁰⁶, причем субъектная или объектная направленность последней зависит от интенции субъекта речи. Так – субъектная:

(71.1') *El seu pare, a les tardes, anava a l'Ateneu a fer classe d'esgrima; tenia un professor valencià que es deia Bea*⁷⁰⁷ (*Mirall trencat*, 148);

Ср. также объектная:

(71.2') – *Aquella professora ens fa classe. – Aquella? Si no és professora!*⁷⁰⁸ (*Vallverdú*, 80).

Системный характер диалектичности настоящей модели в каталанском подтверждается наличием пассивных перифраз:

(71.3') *Avui, la classe de Dret mercantil s'ha fet en llengua catalana*⁷⁰⁹ (*Pla*, *El quadern gris*, 530).

⁷⁰⁵ «Он сказал, что ему нравятся такие занятия, как мы (букв. дали) сегодня, когда мало студенток, но его удивляет слабый интерес к обучению на всех курсах».

⁷⁰⁶ О важности *fer* в каталанском, в частности, о субъектно-объектном размежевании см. [Зеликов 2001].

⁷⁰⁷ «Его отец по вечерам ходил в Атенео заниматься фехтованием; у него был учитель из Валенсии, которого звали Беа».

⁷⁰⁸ «Вот эта преподавательница дает нам уроки. – Эта? Она же не преподавательница!»

⁷⁰⁹ «Сегодня занятия по коммерческому праву проводились на каталанском языке».

Помимо рассмотренного общего для сопоставляемых языков результативного и дуративного значения модели *tener / tenir + причастие* (см. раздел 1), отметим часто встречающийся в испанском итеративный характер отмечаемых образований. Последнее особенно характерно для *моделей с фиктивным объектом* и глаголами говорения и чувственного восприятия, ср.:

(74) ¡Quizá que *no se lo tengo yo dicho eso un montón de veces, pero grande!*⁷¹⁰ (Jarama, 164).

Ср. также:

(75) – Las cosas de los pueblos aquéllos — dijo el otro —. Allí no es como en éstos de cerca de Madrid, que está la gente ya muy maliciada y *todo lo tienen visto*⁷¹¹ (Jarama, 208).

Ср. также пример, в котором реитеративность выражена не только использованием настоящей модели, но и морфологически с помощью аффикса *-ísimo*:

(76) Es raro encontrar a un tío que te erotice por el pelo, lo *tengo experimentadísimo*⁷¹² (Reina, 188).

Итеративный характер конструкции сохраняется и в *моделях с одушевленным объектом*. Ср.:

(77) Yo lo *tengo afeitado la mar de veces*, y sabía ser un tío cordial cuando quería⁷¹³ (Jarama, 69).

В каталанском функционирование этих форм с *tenir* в реитеративном значении не отмечено. В таких случаях наиболее употребительны образования с *haver* в Pretérit Indefinite, ср.: *T'he dit mil vegades que la realitat no m'agrada*⁷¹⁴ (Pla, El quadern gris, 278). Модели с *tenir* и причастием от глаголов мыслительной активности встречаются в текстах современных каталанских

⁷¹⁰ «Можно подумать, что я ему не говорила этого кучу раз, еще какую кучу!»

⁷¹¹ «Это свойственно таким селеньям – сказал другой. – Там не так, как в этих вблизи Мадрида, где люди уже очень испорченные и все (букв.) перевидавшие».

⁷¹² «Очень редко встретишь кого-то, кто заводит тебя с полюброта, сколько раз в этом убеждалась».

⁷¹³ «Я его брил много раз, и он умел быть душевным человеком, когда хотел».

⁷¹⁴ «Я говорил тебе тысячу раз, что реальность меня не радует».

авторов лишь эпизодически, ср.: – *Sóc partidari de tenir pocs llibres. Tinc observat que com més se'n tenen menys se'n llegeixen*⁷¹⁵ (Pla, Cuadern gris, 144).

Итеративный характер моделей присущ в испанском не только моделям с причастием от типичных переходных глаголов, но и от глаголов движения, ср.:

(78) ...*todo eso me lo tengo yo corrido en Peugeot, y Zamora y Peñaranda y Salamanca...!*⁷¹⁶ (Jarama, 216).

В каталанском – отсутствует.

Подчеркнем, что в итеративной функции и в функции результата замена *tener* аналитической конструкцией с *haber* не равноценна и прагматически не оправдана. Ср. в связи с этим расширение функций двухместного глагола *ver* «видеть» и функционирование последнего как трехместного, благодаря причастной модели с *tener*:

(79) *De todos modos te tengo vista otra un poco mayor, bella y también virgen*⁷¹⁷ (Memoria, 62).

В каталанском – не отмечено.

Особого внимания заслуживают причастные модели с *tener*, потенциально *имеющие* в испанском *неоднозначную субъектно-объектную интерпретацию*. Для определения характера последней необходимо учитывать несколько факторов в их совокупности:

- *семантика актанта*, занимающего субъектную позицию, по признаку активности / неактивности (о целесообразности опоры именно на этот критерий в отличие от признака одушевленности/неодушевленности имени см. подробнее в Главе 1, в разделе о диатезных типах аналитического перфекта);

⁷¹⁵ «Я сторонник того, чтобы иметь мало книг. Я пришел к выводу, что чем больше их имеешь, тем меньше их читаешь».

⁷¹⁶ «...все это я объехал на своем Пежо, и Самору, и Пеньяранду, и Саламанку...!»

⁷¹⁷ «В любом случае, я тебе уже присмотрела другую: постарше немного, красивую и тоже невинную».

- *семантика глагола*, от которого образовано причастие (принадлежность к группе т. н. адресатных);
- *наличие / отсутствие* в структуре предложения-высказывания актанта, выполняющего семантическую функцию *адресата*. Наличие последнего указывает на то, что настоящее предложение-высказывание представляет собой активную центробежную объектную структуру, а его отсутствие – показатель того, что адресатом является актант, занимающий субъектную позицию, и в этом случае рассматриваемое предложение-высказывание является неопределенно-личным или пассивным по своей залоговой характеристике.

Так, в испанском, ср.:

(80) Claro que el amado es un poco amante, y el amante, algo correspondido; pero la actitud previa y esencial *la tiene cada uno señalada*⁷¹⁸ (Pasión turca, 29).

Здесь позиция субъекта занята актантом, выраженным местоимением *cada uno* «каждый», замещающим некое одушевленное лицо («человек») *предположительно* активной семантики (=> первый критерий в отдельности не дает окончательной интерпретации); причастие образовано от глагола *señalar* «указывать, показывать» - трехместный глагол, относящегося к группе адресатных (наличие этого факта позволяет применить третий из выделенных критериев); актант, играющий роль адресата, формально не выражен (=> адресатом является актант, занимающий субъектную позицию). Последнее позволяет заключить, что анализируемая структура представляет собой неопределенно-личное предложение-высказывание, что и нашло отражение в переводе на русский язык, не обладающий широким диапазоном образований с глаголом «иметь». Ср. также:

⁷¹⁸ «Конечно, тот, кого любят, и сам немного любит, а тот, кто любит, в некоторой степени любим в ответ; однако изначальное, глубинное отношение к другому у каждого уже предопределено».

(81) Todo funciona a través de los encargados de invitar a los transeúntes a pasar a las tiendas, y que sólo *tienen permitido* hablarles o seducirlos hasta que traspasan el límite de la tienda próxima...⁷¹⁹ (Pasión turca, 71).

В настоящем примере, уже семантика имени *los encargados* «служащие, сотрудники, уполномоченные» предполагает, что в большинстве потенциально возможных контекстов они будут мыслиться как неактивные (а подчиняющиеся чужой воле) субъекты. Два других фактора также свидетельствуют о необходимости псевдосубъектной интерпретации.

При рассмотрении причастных моделей с *tener* следует отметить также случаи функционирования глагола *alquilar*, имеющего два противоположных (энантиосемических) значения – «снимать (жилье)» / «сдавать (жилье)». При интерпретации последних решающим оказывается третий из предложенных выше критериев (наличие / отсутствие актанга-адресата). Ср.:

(82) Los pisos *nos los tiene alquilados* por un precio ridículo; no se ha enterado de que la inflación crece, ni de nada⁷²⁰ (Pasión turca, 92).

Здесь наличие адресата действия, выраженного косвенно-объектной (дательной) формой личного местоимения *nosotros* означает, что предложение по своей субъектно-предикатно-объектной структуре является личным и активным.

В каталанском настоящие модели *tenir* с причастиями от адресатных глаголов мало продуктивны. При отборе материала для корпуса примеров нам встретилось всего лишь два случая, оба с глаголом *prohibir* «запрещать», ср.:

(72') *¿Ho tenim prohibit per una mecànica natural que converteix els presoners en guardians d'ells mateixos?*⁷²¹ (Pedrolo, Baixeu..., 74).

Ср. также: *Els senyors de la gavardina deuen tenir prohibit pel reglament carregar les maletes i els paquets dels detinguts*⁷²² (Pàmies, 39).

⁷¹⁹ «Все функционирует благодаря агентам уполномоченным приглашать прохожих зайти в магазинчики, и которым разрешено только говорить с ними и искушать их, пока те не перешагнут порог ближайшей лавки».

⁷²⁰ «Жилье он сдает *нам* по смешной цене; он не в курсе, что инфляция растет, и вообще...»

⁷²¹ «Нам это запрещено естественным механизмом, который превращает узников в надзирателей над самими собой».

⁷²² «Этим людям в плащах должно быть запрещено по уставу грузить чемоданы и сумки задержанных».

Отметим, что в структуре высказывания в обоих примерах присутствует агенс действия, выраженный именным сочетанием с предлогом *por*, что а priori исключает амбивалентную интерпретацию подобных моделей в каталанском.

Структура предложения-высказывания, в которой оба актанта – лица, семантика которых по линии активности / инактивности не столь очевидна, также может вызвать затруднения при интерпретации субъектно-объектных отношений. Так, в испанском следует обратить внимание на функционирование модели *tenerle sin cuidado a uno* с фиктивным субъектом, ср.:

(83) *Vamos, Andrea! Mírame!... ¡Tonta! A las sobrinas de todas clases les suelen tener sin cuidado los tíos...*⁷²³ (Laforet, 64).

Позицию грамматического субъекта в настоящей модели занимает логический объект (ср.: *los tíos*), тогда как логический субъект выражен дательным падежом (ср.: *a las sobrinas...*). Последнее вполне закономерно. Напомним, что в десяти категориях Аристотеля, субъект выражался дативом именно с предикатами, относящимися к категории «Обладание»⁷²⁴. Это еще раз доказывает, с одной стороны, универсальность выделенных Аристотелем типов предикатов для всех европейских языков, а с другой показывает, что семантика посессивности (обладания) – это ключ к интерпретации субъектно-объектных отношений в простом предложении-высказывании.

Ср. также пример возможной корреляции с *traer*, букв. «нести, приносить», не меняющей распределения семантических ролей субъекта и объекта, ср.:

(84) *La gente va a lo suyo y lo de los demás le trae sin cuidado*⁷²⁵ (Marías, 175).

В каталанском аналоги этой модели с глаголом *tenir* не отмечены.

⁷²³ «Ну же, Андреа! Посмотри на меня!... Дурочка! Племянницам любого толка обычно наплевать на своих дядь».

⁷²⁴ Аристотель. Указ. соч.

В соответствии с псевдотранзитивным характером *verba habendi*, У. Чейф указывает, что в позиции подлежащего с ними выступает не «агенс», а «бенефициант». Ср. также группу глаголов *verba sentiendi*, которые функционируют с подлежащим в дательном падеже, которое представляет собой «экспериенцер». – Цит. по: Chafe W. L. *Meaning and the Structure of Language*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1970. – P. 144 - 147.

⁷²⁵ «Люди думают только о своей выгоде, а на дела других им наплевать».

В разделе 3.1.1 были рассмотрены модели с *tener / tenir*, выражающие состояние субъекта. Помимо последних, следует указать на наличие в испанском моделей, выражающих состояние объекта, в которых субъект является каузатором презентного состояния в результате некоего действия (бездействия), имевшего место в пресуппозиции, ср.:

(85) – Hay que bailar. *Tenemos a las chicas muy solas*⁷²⁶ (Entre visillos, 99),
← ... tenemos [dejado] a las chicas muy solas ← ... las chicas, que tenemos,
están solas, porque las hemos dejado solas.

В каталанском – отсутствует. Имеют место только субъектные корреляты с *estar, anar*. Так, в оригинальном тексте романа М. Родореды – модель с *anar*, ср.: ...jo m'hauria volgut enfonsar sota terra de vergonya, perquè va dir: ja va plena⁷²⁷ (Plaça, 71). Тогда как в опубликованном переводе на испанский язык известный переводчик Э. Сордо использует рассмотренную выше модель с *tener*, ср.: ...yo habría querido que me tragara la tierra de vergüenza, porque dijo: ya la tengo llenita (Plaça, 24), «то же», но букв. «... я уже имею ее наполненной».

В числе моделей четвертого типа (с неодушевленным субъектом и одушевленным объектом) нами были выявлены в испанском формы, коррелирующие с безличными экзистенциально-локативными структурами на базе *haber / haver*, ср.:

(86) *Tendrán* los campanarios de Soria sus cigüeñas⁷²⁸ (Machado, 209) ср. = ...
Habrà en los campanarios de Soria sus cigüeñas...

Ср. также: Ya *tiene la vida suficientes verdugos* para que uno vaya haciendo doblete y ejerciendo de Torquemada con uno mismo⁷²⁹ (Zafón, 382), ср.: = En la vida *hay suficientes verdugos*...

В каталанском эти образования с *tenir* не отмечены.

⁷²⁶ «Надо пойти потанцевать. А то девушки у нас совсем одни».

⁷²⁷ «... я готова была провалиться сквозь землю от стыда, когда он сказал: она уж понесла», букв. «...(она) уже ходит полная (не пустая)».

⁷²⁸ «Будут ли на колокольнях Сории свои аисты?»

⁷²⁹ «В жизни и так достаточно истязателей, чтобы делать из себя еще одного и чинить инквизицию над самим собой».

Как видно из представленного материала, парадигмы возможных моделей с глаголом обладания в испанском и каталанском языках, как в количественном, так и в качественном отношении, являются вполне сопоставимыми. Так, в испанском выявлено в общей сложности 86 моделей, в каталанском – 72, при этом из общего числа рассмотренных моделей 60 полностью совпадают, 8 представляют собой случаи частичного сходства и 18 моделей каталанских параллелей не имеют.

3. 2. Местоименные конструкции с семантикой посессивности в испанском и каталанском языках

Как было показано во второй главе нашей работы, семантические контуры категории обладания охватывают не только глагольные конструкции, в которых непосредственно используется глагол «иметь» и его корреляты, но и широкий спектр местоименных моделей, как предикативных (*У меня (мне) есть время* и т. п.), так и атрибутивных (*мое время* и т. п.).

В традиционных описательных грамматиках испанского языка аспект функционирования местоименных посессивных образований освещен весьма однобоко. Львиная доля материала посвящена атрибутивным моделям, проблеме терминологии и классификации приименных посессивов, на наш взгляд, малопродуктивной даже в лингводидактических целях, не говоря уже об общелингвистических проблемах, в частности, основное внимание уделено вопросу о том, чем, в сущности, являются посессивы: местоимениями или прилагательными и т. п.

Учитывая подробное освещение вышеупомянутых вопросов в соответствующей литературе на испанском и каталанском материале, в нашей работе основной акцент сделан на выявлении парадигмы местоименных конструкций с семантикой посессивности (дативные модели), в то время как вопросы функционирования именных посессивных структур отражены лишь в той их части, которая касается взаимодействия последних с глагольными, т. е.

внимание сфокусировано на тех вопросах, которые в большинстве случаев оказываются вне поля зрения лингвистов, а именно – рассмотрению континуума промежуточных явлений между двумя парадигмами именной и глагольной посессивности.

В сопоставляемых языках посессивные модели образуют определенную номинативно-дательную парадигму. Датив часто выражает идею обладания, заменяя посессив (в виде притяжательного местоимения). Например, исп. “*se le llenaron los ojos de lágrimas*” вместо “*sus ojos se llenaron de lágrimas*”, «*ee* глаза наполнились слезами». Последнее доминирует во французском, ср.: “*Ses yeux se remplirent de larmes*”, «то же», в то время как в каталанском, несмотря на неоднократные попытки отнести его к галло-романской подгруппе языков, и в данном случае преобладает иберо-романская тенденция, ср.: *se li van omplir els ulls de llàgrimes*, «то же».

Так же как и в разделе о глагольных моделях, в этой части нашей работы мы будем придерживаться аналогичного принципа представления языкового материала, т. е. исходя из основополагающего критерия субъектно-объектных отношений, и учитывая прагматику высказывания, рассмотрим парадигмы *местоименных конструкций* с семантикой посессивности в испанском и каталанском языках, выявляя при этом образования, полностью совпадающие в сопоставляемых языках (3.2.1) и модели, имеющие структурно-семантические отличия (3.2.2).

3.2.1. Модели, полностью совпадающие в сопоставляемых языках

Модели, указывающие на смену посессора

Как в испанском, так и в каталанском широко распространены *модели со сменной посессора* при глаголах приобретения / утраты (*comprar* «купить», *robar* «украсть» и др. синонимичные им). При этом дательный падеж может кодировать как *реципиента* (нового обладателя объекта) (см. примеры 1a; 1a’),

так и *контрагента* (по терминологии Ю. Д. Апресяна⁷³⁰) (см. примеры 1б; 1б'; 2; 2'). Так, в испанском:

(1a) Y usted, Fermín, acérquese a lo de don Federico y vea si necesita algo, que se le vaya a la farmacia o que *se le compre algo* en el mercado⁷³¹ (Zafón, 187).

(1б) Si usted *me lo compra* como auténtico, tendrá que pagarme un precio de auténtico⁷³² (Marías, 304).

(2) Nicolau *me ha robado* algo que aprecio mucho⁷³³ (Torres, 108).

То же – в каталанском:

(1a') Si l'espanta caminar, faci's embenar els turmells i digui que *li comprin un bastó*⁷³⁴ (Mirall trencat, 180).

(1б') ... m'ho vaig vendre tot: els llençols brodats, el joc de taula bo, els coberts... *m'ho compraven* les que treballaven amb mi a l'ajuntament⁷³⁵ (Plaça, 177).

(2') ... i en Quimet de tant en tant deia, potser *ens estan robant* el carretó...⁷³⁶ (Plaça, 36).

Ср. то же с глаголом *prendre*: I em va dir que *li havien pres l'americana*...⁷³⁷ (Plaça, 19).

Субъектные модели с реальным активным субъектом-посессором

В сопоставляемых языках можно отметить в данном типе моделей преимущественное использование местоименных дативных образований. Приименный посессив (см. пример (4)) используется только при тех глаголах, в глубинной структуре которых не имеется валентности на заполнение

⁷³⁰ Апресян Ю. Д. Указ. соч. 2010. С. 373.

⁷³¹ «А Вы, Фермин, пойдите-ка к дону Федерико и узнайте, не надо ли ему чего, может сходить в аптеку или купить ему что-нибудь на рынке».

⁷³² «Если Вы ее (картину) у меня покупаете как подлинник, так уж извольте платить настоящую цену».

⁷³³ «Николау у меня украл одну вещь, которая мне очень дорогá».

⁷³⁴ «Если Вам страшно ходить, перебинтуйте себе щиколотки и попросите, чтобы Вам купили трость».

⁷³⁵ «... я продала все: вышитые покрывала, красивый сервиз, столовые приборы...у меня их покупали те, кто работал со мной в городском совете».

⁷³⁶ «... а Кимет время от времени говорил, что, может, у нас там сейчас нашу тележку воруют».

⁷³⁷ «И он мне сказал, что у него увели куртку...».

инструментальной функции, т. н. глаголы *психической каузации* (по терминологии Е. В. Рахилиной⁷³⁸).

Так, в испанском:

(3) *Se secaba la mano derecha en el paño y luego se la ofrecía*⁷³⁹ (Jarama, 209).
(Ср.: en el paño / con el paño «полотенцем, куском ткани» - инструментальная функция).

(4) *Paseó un momento sus ojos sin pestañeo por toda aquella masa agrupada de la ciudad...*⁷⁴⁰ (Entre visillos, 73) (зд.: инструмент = Ø).

В каталанском:

(3') Quan no em veia ningú *m'olorava el braços i m'olorava els cabells* quan em pentinaba i no entenia com podia dur enganxada al nas aquella pudor de colom...⁷⁴¹ (Plaça, 125) (ср. потенциально восстановимый вариант ... *m'olorava amb el nas*, букв. «нюхала носом» - инструментальная функция).

(4') Aleshores jo sabia que el drama duraria tota la tarda de diumenge i *deixava volar els meus pensaments*⁷⁴² (L'opera, 34).

Помимо рассмотренных примеров, объект обладания в которых выражен именем с семантикой «неотторжимой принадлежности», ср. также модели с объектом «отторжимой принадлежности». Ср. в испанском:

(5) ...Gertru tenía prisa por volver a las siete, y además *no quería arrugarse el vestido de organza amarilla*⁷⁴³ (Entre visillos, 12).

В рассматриваемом примере структура предложения имеет компрессивный характер с элиминацией каузативного *hacer*, ср. <...> = ...no quería arrugar su vestido ← ... no quería *hacer* que se arrugase su vestido.

То же – в каталанском:

⁷³⁸ Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 25.

⁷³⁹ «Он вытирал свою правую руку о тряпку и затем протягивал ее им».

⁷⁴⁰ «Она блуждала неморгающим взглядом по всей этой скученной массе города...».

⁷⁴¹ «Когда меня никто не видел, я обнюхивала свои руки и обнюхивала свои волосы, когда расчесывалась, и не понимала, как я могу выносить неотступный запах голубей...».

⁷⁴² «Короче я знала, что этот спектакль будет длиться весь воскресный день, и позволила своим мыслям воспарить».

⁷⁴³ «Гертру торопилась, чтобы вернуться в семь и, кроме того, она не хотела помять свое платье из желтой органзы».

(5') En Quimet no veia que necessitava una mica d'ajuda en comptes de *passar-me la vida* ajudant...⁷⁴⁴ (Plaça, 132) = ... en comptes de *passar la meva vida* ajudant.

Субъектные модели с фиктивным / неактивным субъектом-посессором

а. объект обладания = имена с семантикой «неотторжимой принадлежности».

В этом случае действие субъекта-посессора произвольно и каузировано извне неким зарамочным субъектом, находящимся в пресуппозиции. Ср. в испанском:

(6) A Nardo, de repente, sobre su taza de café, *le sonrieron los ojos...*⁷⁴⁵
(Regla..., 193) ← [Algo] hizo sonreír los ojos de Nardo ← [Alguien hizo algo],
que [causó] que los ojos de Nardo sonrieron.

То же – в каталанском:

(6') Ens vam donar la mà i *el llavi de baix li tremolava* una mica⁷⁴⁶ (Plaça, 67).

Следующие примеры позволяют констатировать, что в качестве субъекта-посессора в образованиях данного типа могут выступать неодушевленные существительные, занимающие низшие ступени в иерархии имен по шкале «активности / инактивности». Так, в испанском:

(7) Pensó que quizá era mejor entretenerlo sin que aplicara la llama ...hasta que *al mechero no recargable se le acabara la carga*⁷⁴⁷ (Marías, 160).

То же – в каталанском:

(7') [El noi va dir...] Que era un defecte de la paret *que se li havia rebentat alguna cosa per dintre*⁷⁴⁸ (Plaça, 44).

б. объект обладания = имена с семантикой «отторжимой принадлежности»

⁷⁴⁴ «Кимет не замечал, что я нуждалась в некоторой помощи, а не в том, чтобы *проводить свою жизнь* все время помогая...»

⁷⁴⁵ «У Нардо, склонившегося над чашкой кофе, вдруг заблестели (зд. букв. «заулыбались») глаза».

⁷⁴⁶ «Мы протянули друг другу руку, и нижняя губа у него немного задрожала».

⁷⁴⁷ «Он подумал, что, может быть, лучше как-то отвлечь его так, чтобы он ничего не поджег... пока в одноразовой зажигалке не закончится газ».

⁷⁴⁸ «[Парень сказал], что это дефект стены, что у нее там что-то внутри вздулось».

Для этого типа моделей характерно функционирование глаголов движения в качестве предиката, при этом посессор может выступать как место протекания процесса (см. прим. (8), (8')), так и как собственно обладатель (см. прим. (9), (9')). Так, в испанском:

(8) *Me bailan las fechas en la cabeza*⁷⁴⁹ (Gaité, 50).

(9) *Mientras tanto eché una mirada de reojo a mi tío y vi que tampoco a él parecían irle bien las cosas*⁷⁵⁰ (Nada, 89).

То же - в каталанском, ср.:

(8') *Vaig llegir de pressa, però les lletres em ballaven i no tenia les ulleres a mà*⁷⁵¹ (L'opera, 17).

(9') *En Quimet deia que la feina se li girava d'esquena però que tot es posaria bé a l'últim...*⁷⁵² (Plaça, 98).

Объектные модели с реальным активным субъектом

Как показывает материал, при анализе объектных местоименных конструкций также целесообразно разделение моделей по характеру объекта обладания (семантика «отторжимой/неотторжимой» принадлежности). Этот тип моделей очень продуктивен как в испанском, так и в каталанском языке. Кроме того, можно утверждать, что заметное предпочтение использовать конструкцию с возведением посессора в актантную позицию отводится предикатам, выраженным глаголами физического контакта/воздействия или глаголами чувственного восприятия/мыслительной активности.

а. объект обладания = имена с семантикой «неотторжимой принадлежности»

с глаголами воздействия / физического контакта:

В испанском:

(10) - *Calla – dijo Eddie poniéndole su dedo índice en los labios...*⁷⁵³ (Marías, 35).

⁷⁴⁹ «Даты пляшут у меня (букв. 'мне') в голове».

⁷⁵⁰ «Тем временем, я взглянула краем глаза на своего дядю и поняла, что и у него, кажется, дела или не очень».

⁷⁵¹ «Я стала быстро читать, но буквы плясали у меня (перед глазами) и у меня не было с собой очков».

⁷⁵² «Кимет говорил, что работа его (букв. повернулась к нему спиной), но что все в конце концов наладится».

То же – в каталанском:

(10') Vaig fer per espolsar-me la mà, <...> però **em** va agafar el canell i em va dir, no l'escampis...⁷⁵⁴ (L'opera, 28).

с глаголами чувственного восприятия и мыслительной активности:

В испанском:

(11) No **te** conocía yo tales habilidades⁷⁵⁵ (Jardín, 65).

Очевидно, что эта модель представляет собой результат компрессии глагольной модели с *tener*, ср.: ← No conocía, que tú *tienes tales posibilidades*.

То же – в каталанском, ср.:

(11') ...valia més que no **em** conegués els punts febles⁷⁵⁶ (Plaça, 59). Ср.: ... ← que no conegués els punts febles que tinc.

Ср. также в испанском:

(12) Quico **le** miraba el hueco negro de la fila de dientes de abajo...⁷⁵⁷ (Príncipe, 45).

В каталанском:

(12') - Si el torno a veure que **et** mira el darrera amb aquells ulls, entraré i ja em sentirà⁷⁵⁸ (Plaça, 37).

То же – в безличном предложении, ср. в испанском:

(13) Te has fijado en que en un momento dado **se le** ve la barbilla? -me dijo⁷⁵⁹ (Marías, 242).

То же – в каталанском:

(13') Quan parlava o reia, **se li** veia la cadeneta de les dents...⁷⁶⁰ (Plaça, 60).

b. объект обладания = имена с семантикой «отторжимой принадлежности»

⁷⁵³ «Замолчи, – сказал Эдди, приложив свой указательный палец к ее губам».

⁷⁵⁴ «Я хотела было оттряхнуть руку, <...> но он схватил мою ладонь и сказал: не стряхивай его ...».

⁷⁵⁵ «Я не знал, что у тебя есть такие способности».

⁷⁵⁶ «...было бы лучше, чтоб он не знал мои слабые стороны».

⁷⁵⁷ «Кико смотрел на черную дырку у него в нижнем ряду зубов».

⁷⁵⁸ «Если я еще раз увижу, как он смотрит на твою задницу такими глазами, я войду, и он у меня тогда узнает...»

⁷⁵⁹ «Ты обратил внимание, что в определенный момент у него видна редкая борода?» - сказала она мне».

⁷⁶⁰ «Когда он говорил или смеялся, была видна цепочка его зубов».

с глаголами воздействия / физического контакта:

В испанском, ср.:

(14) <...> no dejes a ese gandul que **te pise el terreno**⁷⁶¹ (Ratas, 100).

Ср. последнее как результат наложения двух пропозиций: <...> ←... que te^{Acc.} pise a ti + <...> que pise el terreno tuyo^{Pron.poss.} [≈ no dejes ... que te^{Acc.} pise a ti por pisar el terreno que te^{Dat.} pertenece]. В связи с этим, уместно еще раз упомянуть о прямом влиянии прагматики высказывания для различения именной посессивной конструкции от дативной. Как известно, в случае дативной модели речь идет о прямой вовлеченности посессора в действие, так как при подъеме, особенно в ядерную позицию, посессор эксплицитно вводится в число актуализированных участников события. Ср.: *Он прострелил мне шляпу* (т. е. шляпа была на мне или у меня в руке, а я был непосредственно вовлечен в действие) и *Он прострелил мою шляпу* (т. е. шляпа могла быть где угодно, в том числе у меня дома, когда я сам находился на работе и не был прямо вовлечен в действие)⁷⁶². Те же акценты сохраняются и в рамках неопределенно-личной структуры предложения, ср.: *No se le encontró nada en los bolsillos, ni un papel, ni un carnet*⁷⁶³ (Marías, 290). С прагматической точки зрения при интерпретации настоящего предложения следует, что владелец предмета одежды лично присутствовал при обыске, тогда как в предложении, постороеном по модели именной посессивной конструкции, типа: *No se encontró nada en sus bolsillos*, «В его карманах ничего не нашли...» – это факт не очевидный.

То же – в каталанском:

(14') Doncs, com li deia, la Maria era una dona molt neta, **em tenia la casa com una patena...**⁷⁶⁴ (L'opera, 28).

Особо отметим, что в рассматриваемом типе моделей объект обладания может быть выражен одушевленным существительным, что не исключается ни

⁷⁶¹ «...не позволяй этому бездельнику ступать на твою землю».

⁷⁶² Апресян Ю. Д. Указ. соч. 1974. С. 259-260.

⁷⁶³ «У него в карманах ничего не нашли, ни какой-нибудь бумажки, ни документов».

⁷⁶⁴ «В общем, как я вам говорила, Мария была женщиной очень аккуратной, она содержала мой дом в полнейшей чистоте...»

в испанском, ни в каталанском. Так, в испанском:

(15) Ahora estarán riéndose los dos de mí, - se decía, - y él doblemente, porque se me lleva a Rosario⁷⁶⁵ (Niebla, 140).

То же – в каталанском:

(15') ... la Julieta va venir i de seguida va dir-me que tenia molta por que *li matessin el promès* i que si se li moria ella es tiraria al mar...⁷⁶⁶ (Plaça, 160).

Следует отметить, что в моделях последней разновидности, при сопоставлении их с синтаксическим вариантом приименного посессива для выражения отношения принадлежности, последний не только узуально неприемлем в испанском и в каталанском, но и не синонимичен с прагматической точки зрения. Выделяя семантический признак «заинтересованности» в качестве критерия для анализа материала, Е. Н. Рахилиной были сопоставлены три синтаксических варианта выражения отношения принадлежности в русском языке с Д.п. / у + Р.п. / притяжательное местоимение. Ср.: 1) *Он нянчил моих детей* (заинтересованность не выражена языковыми средствами); 2) *Он нянчил мне детей* (= 'моих' детей + 'для меня')⁷⁶⁷. То же – в рассматриваемых языках.

Так, в испанском:

(16) ¿Quién *me ha cuidado al loro*, mamá?⁷⁶⁸ (Nada, 47) ← ¿Quién ha cuidado a *mi loro*?

В каталанском:

(16') La mare d'en Quimet *em guardava el nen* el dilluns...⁷⁶⁹ (Plaça, 79).

- с глаголами чувственного восприятия и мыслительной активности:

В испанском:

(17) ¿Quién *le ha visto el cuadro*?⁷⁷⁰ (Marías, 310).

Аналогично – в каталанском:

⁷⁶⁵ «Теперь они, наверное, смеются вдвоем надо мной, - говорил он, - и он вдвойне, потому что он увел у меня Росарио».

⁷⁶⁶ «... пришла Джульета и тут же стала говорить мне, что она очень боится, как бы не убили ее жениха, и что, если он у нее погибнет, она бросится в море...».

⁷⁶⁷ Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 24.

⁷⁶⁸ «Кто ухаживал за моим попугаем, мама?»

⁷⁶⁹ «Мать Кимета сидела с моим ребенком по понедельникам».

⁷⁷⁰ «Кто уже видел вашу картину?»

(17') ¡Ei!... ¿que *m'heu vist l'americana?*⁷⁷¹ (Plaça, 19).

Модели с одушевленным объектом обладания при предикатах, выраженных глаголами чувственного восприятия и мыслительной активности возможны как в испанском, так и в каталанском:

(19) *Nunca había ido al Casino ni se le había conocido novia*⁷⁷² (Entre visillos, 191).

(19') ...així que *li van conèixer la Griselda* de seguida van dir que la Griselda era una nina i que en Mateu era massa home per una nina⁷⁷³ (Plaça, 157).

Как показывает проведенный анализ, критерий одушевленности / неодушевленности объекта, а шире – отторжимой / неотторжимой принадлежности, определяющим для возможности функционирования подобных моделей в испанском и в каталанском не является, в отличие, например, от французского, ср.: фр. * *Je me nettoye les chaussures* (только *je nettoye mes chaussures*) «Я чищу свои ботинки» ≠ исп. *Me limpio los zapatos* (= *limpio mis zapatos*) «то же».

Отсутствие указанных ограничений предопределило дальнейшее развитие испанской структуры *me limpié tus zapatos*, в которой датив является не посессивным, а аспектуальным. Если в первом случае датив может быть коррелентен и субъекту и объекту, то во втором позиция объекта закрывается притяжательным местоимением 2 лица, а датив коррелентный субъекту, датив приобретает новую функциональную нагрузку способную к выражению видовой характеристики конструкции.

Особо отметим функционирование т. н. псевдовозвратных глаголов, типа: *fumarse*, *beberse*, *tomarse*, *comerse*. В разговорном испанском структура предложений с указанными глаголами свидетельствует о прагматическом стремлении говорящего выделить субъект как место протекания процесса с целью перенесения объектного процесса в сферу субъекта путем уподобления

⁷⁷¹ «Эй, кто-нибудь видел мою куртку?»

⁷⁷² «Он никогда не ходил в казино, и его ни разу не видели с девушкой».

⁷⁷³ «...как только они познакомились с его Гризельдой, сразу сказали ему, что Гризельда еще девочка, и что Матеу слишком стар для девочки».

транзитивного глагола нетранзитивному (возвратному). Местоимение *se*, по мнению М. Сорракино, в данном случае скорее имеет *локативную*⁷⁷⁴ функцию (*locativo-implícito*). О том, что перфективность / результативность может быть выражена с помощью локативного члена не раз отмечалось в языках мира (подробнее см. в Главе 1). Местоименная частица *se* привносит некий оттенок перфектности в семантику глагольной структуры. Ср.:

(20a)... *у se fumaba un purito* (“и он **вы**куривал сигарку”)

(20б)... *у fumaba su purito* (“и он курил свою сигарку”), т. е. функционирует здесь как своего рода перфективирующая частица, несмотря на имперфект самой глагольной формы.

То же – в каталанском:

(20a') [Les rates] ...*rosegaven els sacs i es menjaven el gra*⁷⁷⁵ (Plaça, 197);

(20б') *El dependent dormia i menjava al primer pis*⁷⁷⁶ (Plaça, 197).

Учитывая, существование на внутреннем уровне определенной посессивной семантики рассмотренных дативных моделей, можно отметить, что в данном случае мы сталкиваемся с тем, что идея обладания в очередной раз служит для выражения семы перфектности.

3. 2. 2. Модели, имеющие структурно-семантические отличия

В тех случаях, когда в качестве предиката активной семантики используется глагольная лексема с амбивалентной субъектно-объектной направленностью в связи с расплывчатостью категории «переходности/непереходности» иберо-романского глагола, для испанского предложения характерно функционирование компрессивных моделей с опущенным каузативным *hacer*, ср.:

⁷⁷⁴ Еще Э. Бенвенист, рассматривая противопоставление «внешнего» и «внутреннего» в языке, предлагал эксплицировать подобные случаи с точки зрения оппозиции активный – средний залог в глаголе. Последний, как известно, служит для характеристики субъекта как *внутреннего* по отношению к процессу. – Цит. по: Бенвенист Э. Указ. соч. С. 188 - 190.

⁷⁷⁵ «(Крысы) прогрызли мешки и поели все зерно»/

⁷⁷⁶ «Продавец спал и ел на первом этаже».

(21) *Le* dormí la niña a él⁷⁷⁷ = ... ← *Le* hice dormir la niña ← *Hice* que su niña durmiera⁷⁷⁸.

В каталанском, наоборот, преимущественное использование полной модели с эксплицитно выраженным *fer*, ср.:

(21') ...la Guerra i la gana *els* havien *fet* créixer l'enteniment més aviat⁷⁷⁹ (Plaça, 208).

Та же тенденция, связанная с компрессией каузативного глагола в испанском, наблюдается и в моделях с фиктивным субъектом, ср.:

(22) ...Gertru *no quería arrugarse el vestido* de organza amarilla⁷⁸⁰ (Entre visillos, 12) ← ... *no quería hacer que se arrugase su vestido*.

Следует отметить, что в каталанском каузативный *fer* в подобных моделях компрессии также преимущественно не подвергается, ср.:

(22') Abans de *fer-me embenar les cames*, ¡més m'estimo no caminar!⁷⁸¹ (Mirall trencat, 88).

К разряду контрастивных особенностей функционирования дативных местоименных конструкций следует отнести наличие в каталанском местоименной частицы *en* (n',ne), заменяющей в отдельных случаях дативную форму личного местоимения, ср.:

(23') ...quan passejo i passo al costat d'una dona bufona, que fa goig, em tombo per *veure-li el cul*, aleshores és quan puc *apreciar-ne la gràcia*⁷⁸² (L'opera, 34).

Как показано в работе Г. Е. Крейдлина и Е. В. Рахилиной⁷⁸³ «сема заинтересованности является конституирующим элементом смыслового представления конструкции с дательным посессивным» и ее наличие

⁷⁷⁷ «Я уложил спать его дочку».

⁷⁷⁸ «Я сделал так, чтобы *ego* дочка спала».

⁷⁷⁹ «...война и голод заставили их (букв. «их сознание») повзрослеть гораздо раньше...»

⁷⁸⁰ «Гертру не хотела помять *svoe* платье из желтой органзы».

⁷⁸¹ «Вместо того, чтобы перебинтовывать ноги, я уж лучше вообще ходить не буду!»

⁷⁸² «... когда я прогуливаюсь и прохожу мимо какой-нибудь красотки, которая радует глаз, я останавливаюсь, чтобы посмотреть на ее зад, ибо только так я могу оценить всю ее прелесть».

⁷⁸³ Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. Сопоставительный анализ способов выражения притяжательности в русском языке // Категория при-тяжательности в славянских и балканских языках: тезисы совещания. – М.: Наука, 1983. – С. 57.

обуславливает запрет на использование неодушевленных имен в роли посессора в русском синтаксисе, ср.: * *Отрезать пирогу кусок*. Тем не менее, последнее вполне допустимо в испанском, ср.:

(23) ...se puso a sacar discos de sus fundas de papel y a *mirarles los títulos*⁷⁸⁴

(Entre visillos, 153) = ... y a mirar *sus* títulos.

В каталанском аналогичные образования не выявлены.

Выводы по главе 3

1. Семиотический анализ глагольных моделей, проведенный в этой главе исследования, подтверждает тезис о «беспрецедентной роли глагола обладания как важнейшего строевого элемента предикативности в языках иберороманского ареала»⁷⁸⁵, в частности – в испанском и в каталанском.
2. Собранный и проанализированный материал испанского языка и сопоставление его с каталанским, позволяет утверждать, что тенденция к активизации высказывания на основе глагола обладания, свойственная всем иберо-романским языкам, достигает своего максимума в испанском (максимальное количество разнообразных моделей с *tener*, способных с помощью разного рода трансформаций и перифраз передавать значения остальных базовых глаголов испанского языка и синтаксических образований с ними).
3. Учитывая отмеченный выше факт того, что каталанский находится на более ранней ступени формирования системы базовых глаголов, чем испанский, становятся очевидными причины расхождений в функционировании экзистенциально-локативного *estar*, а также того, что каталанскому не свойственна амбивалентность предикативных моделей с семантикой обладания, связанная во многом с доминированием каузативного *fer*, который в большинстве моделей, в отличие от испанского, компрессии не подвергается.

⁷⁸⁴ «... он принялся вытаскивать диски из их бумажных обложек и смотреть *их* названия».

⁷⁸⁵ Цит. по: Зеликов М. В. Указ. соч. 2005.

4. Подводя итог сопоставительному анализу местоименных конструкций с дательным посессивным, можно сделать вывод о том, что парадигмы дативных местоименных моделей в испанском и в каталанском имеют преобладающее число общих черт. Так, из 23 выявленных моделей 20 совпадают, а 3 представляют те или иные особенности функционирования местоименных конструкций в сопоставляемых языках. Обобщая последние, отметим тесную связь глагольной и местоименной парадигмы моделей с семантикой обладания.

Заключение

Рассмотрение особенностей функционирования структур с семантикой посессивности в испанском и каталанском языках осуществлялось в нашей работе согласно принципам семиотического анализа, который подразумевает анализ объекта исследования, по крайней мере, в трех аспектах: во-первых, с точки зрения синтаксической реализации (грамматический аспект), во-вторых, с точки зрения выражаемого смысла (семантический аспект) и, в-третьих, с точки зрения функционирования в тексте с определенной коммуникативной целью (прагматический аспект). Одновременный учет трех факторов в большей степени способствует объективному отображению особенностей реализации категории посессивности в сопоставляемых языках как динамических системах и помогает избежать искажения реальных языковых фактов на всех этапах исследования. Так, игнорирование вопроса о полноте/неполноте анализируемых структур чревато заблуждениями об их реальной субъектно-объектной характеристике, нагромождением новой терминологии для объяснения традиционных и вполне устоявшихся феноменов. Намеренный или невольный отказ от учета семантических и синтаксических критериев ведет к однобокой интерпретации тех или иных моделей предложения, акцент делается на объектной составляющей, тогда как роль субъекта, столь важного звена в структуре посессивного высказывания, зачастую не выявляется. Невнимание к прагматической составляющей при анализе языкового материала и попытка представить язык в виде «совокупности представлений» как неких стабильных структур (фреймов, образов и т. д.) не позволяет рассматривать язык «в действии», как динамическую систему, особенно в том случае, когда в фокусе внимания исследователей оказываются только стандартные коммуникативные высказывания, представляющие собой наиболее общий способ выражения ядерного значения посессивности, в то время как периферийные посессивные значения, равно как и альтернативные способы их кодирования (напр., аблативное, дативное и др.) игнорируются.

Методологически наше исследование, основывающееся на достижениях отечественного и зарубежного традиционного языкознания, опирается на положение о том, что часть универсальных смыслов находит свое отражение в явной грамматике изучаемого языка, а другая их часть проявляется на периферии грамматической системы. Такой подход позволяет сопоставить способы выражения категории обладания в испанском и каталанском языках не только на уровне поверхностных языковых явлений, но и на уровне глубинных структур, восходящих к постулату *verbum cordis* Августина.

Собранный и проанализированный материал испанского языка и сопоставление его с каталанским позволяет сделать следующие выводы:

1. Критический обзор существующих точек зрения на проблему посессивности в концепциях исследователей, принадлежащих к различным теоретическим школам и направлениям, позволил выработать адекватную поставленной цели исследования методику анализа конкретного языкового материала, которая, основываясь на трех принципах современной семиотики, заключается в комплексном учете качественной характеристики как именных (1,2), так и глагольных (3,4) элементов структуры предложения, а именно:

- 1) характеристика субъекта (реальный / фиктивный; активный / неактивный; одушевленный / неодушевленный и т. п.);
- 2) характеристика объекта (отторжимая / неотторжимая принадлежность; одушевленный / неодушевленный; кванторные характеристики имени или именной синтагмы и т. п.);
- 3) диатеза глагола (*субъектная* или *объектная*), во избежание ошибочных интерпретаций, обусловленных нечеткостью критерия *переходность / непереходность* глагола;
- 4) семантический класс глагола (глаголы движения / чувственного восприятия / адресации / смены посессора и т. п.);
- 5) рассмотрение прагматических особенностей предложения-высказывания.

2. В ходе анализа были выявлены факторы, предопределяющие выбор

центральной или периферийной формы перфекта при построении конкретного высказывания в рассматриваемых языках: функционально-семантические (необходимость аспектуальной нюансировки) и прагматические (интенция говорящего субъекта). Решающими характеристиками при анализе диатезных типов результативных конструкций можно квалифицировать субъектную или объектную направленность глагола, от которого образована причастная форма, а также семантику актантов (отчуждаемость / неотчуждаемость). Особо следует подчеркнуть, что интерпретация залоговых отношений в простом предложении должна опираться не только на анализ валентностной схемы глагольного значения, обязательным условием которого является учет влияния фактора компрессии, позволяющий увидеть реальное число актантов глагола «в действии», а не в пассивном словарном «бытии», но и на семантику имен, выступающих в роли актантов. Установлено, что анализ языкового материала с учетом амбивалентного характера посессивности позволяет максимально точно эксплицировать субъектно-объектную направленность любого высказывания и обеспечить тем самым дальнейшую адекватную интерпретацию его окончательного смысла.

3. В процессе сбора эмпирического материала было проанализировано 3200 предложений, содержащих единицы, выражающие отношения посессии в сопоставляемых языках, из них 1620 на испанском и 1580 на каталанском языке. Из этого корпуса примеров в ходе исследования было выявлено в общей сложности 109 испанских и 95 каталанских моделей, среди которых глагольных моделей (86 испанских и 72 каталанских) и 23 местоименных (дативных) модели в каждом из сопоставляемых языков.

4. Результаты сопоставительного анализа выявленных моделей приведены в третьей главе работы. В первом разделе систематизирован материал по глагольным моделям с исп. *tener* / кат. *tenir* и их потенциальным синтаксическим коррелятам (86 испанских и 72 каталанские модели). Из общего числа рассмотренных образований 60 полностью совпадают, 8

представляют собой случаи частичного сходства и 18 не имеют каталанских параллелей. Эти данные позволяют утверждать, что тенденция к активизации высказывания, эксплицируемая глаголами обладания, отмечаемая для всех иберо-романских языков, в сопоставляемой паре языков достигает своего максимума именно в испанском. При этом в последнем в некоторых моделях с *verba habendi* нейтрализуется противопоставление актив / пассив, в результате чего раскрывается связь между посессивностью, активизацией высказывания и переходностью, что, в свою очередь, обусловлено импликацией каузативного фрагмента высказывания, нехарактерной, как показывает анализируемый материал, для каталанского языка.

Во втором разделе третьей главы систематизирован материал по местоименным моделям. В целом можно утверждать, что парадигмы дативных местоименных моделей в испанском и в каталанском языках имеют преобладающее число общих черт. Так, из 23 выявленных моделей 20 совпадают, а 3 иллюстрируют контрастные случаи функционирования, при этом в обоих языках отмечается узуальное преимущество дативных моделей с семантикой обладания перед номинативными. Кроме того выявлено, что в дативной структуре снимается грамматическая омонимия притяжательного местоимения 3 лица по числу актанта, ср.: исп. Como un sueño dulce *se les iba* la vida⁷⁸⁶ (Niebla, 43) / <...> se iba *su* vida. Здесь референтом выступает 3-е лицо, при выражении которого притяжательным местоимением было бы неясно, чья жизнь проходила – *ego* (ее) или *ux*. Также было установлено, что при использовании дативной местоименной конструкции раскрывается семантическое отношение, которое в именной посессивной группе могло бы толковаться двояко: как субъектное или как объектное, ср.: En la cara de la mujer que le abrió la puerta vio grabado el horror, y la mano que *se* pasó por la frente salió roja de sangre⁷⁸⁷ (Borges) / <...> la mano que pasó por *su* frente salió roja de sangre.

⁷⁸⁶ «Как сладкий сон проходила *ux* жизнь (букв.: 'им проходила')».

⁷⁸⁷ «На лице женщины, открывшей ему дверь, он увидел ужас: рука, которой он провел себе по лбу оказалась красной от крови».

Здесь замена приглагольной дативной частицы *se* в медиальном значении на притяжательное местоимение исказила бы смысл предложения, т. к. приименная посессивная конструкция анафорична⁷⁸⁸ и использование ее в данном предложении скорее указывало бы на принадлежность *frente* другому актанту – женщине, открывшей дверь.

5. Выявленные контрастивные случаи реализации категории посессивности в сопоставляемых языках (в числе которых 8 глагольных моделей, представляющих собой случаи частичного сходства и 18 моделей, не имеющих каталанских параллелей, а также 3 местоименные конструкции) демонстрируют своеобразие сопоставляемых языков на синтаксическом уровне.

Таким образом, выявленный в ходе диссертационного исследования внушительный корпус различных посессивных моделей в испанском и каталанском языках, представленный конструкциями с глаголами обладания и их синтаксическими коррелятами, а также местоименными конструкциями, свидетельствует о том, что языковые средства посессивной семантики, как материальная реализация рассматриваемой категории посессивности, играют в сопоставляемых языках важную роль в организации структуры простого предложения, смысловое ядро которого находится в системе основных пространственно-временных координат, обусловленных взаимодействием категорий бытийности, посессивности и локативности.

⁷⁸⁸ Вольф Е. М. Указ. соч. 1977. С. 171.

Библиография

1. Александров Н. М. К вопросу о форме развития языковых явлений // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Т. XXI. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1956.
2. Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию: Учебник. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1987. – 344 с.
3. Андреева М. Д. Значения среднего залога в эпическом санскрите // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. (Отв. ред. Н.Н.Казанский). – Т. IV. – Ч.1. – СПб.: Наука, 2008. – 588с.
4. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974.
5. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967.
6. Апресян Ю. Д. Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект // Апресян Ю. Д. [и др.]. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 408 с.
7. Аристотель, Категории. // Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Том 2. – М.: Мысль, 1978.
8. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1976.
9. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
10. Бехерт И. Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XI. – М.: Прогресс, 1982.
11. Бондарко А. В. Функциональная грамматика / [Отв. ред. В.Н.Ярцева]. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
12. Бондарко А. В. Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 231 с.

13. Вайсс Д. Евразийский облик посессора в современном русском языке // Типологические обоснования в грамматике: сб. науч. ст. к 70-летию проф. В. С. Храковского [под ред. А.П. Володина]. – М.: Знак, 2004. –С. 99 - 118.
14. Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи: Учебник. – 2 изд. – М.: Высшая школа, 1972. – 336 с.
15. Виноградов В. С. Грамматика испанского языка. – М.: Высшая школа, 1965.
16. Виноградова Н. Г. Категория обладания и ее языковая онтология в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. фиол. наук. – Иркутск: ИГЛУ, 2001.
17. Витгенштейн Л. Избранные философские работы. – Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994.
18. Волоцкая З. М. К вопросу о прагматическом аспекте категории посессивности // Славянское и балканское языкознание: Проблемы диалектологии. Категория посессивности. – М.: Наука, 1986. – 248 с.
19. Вольф Е. М. Устойчивые сочетания глагола с существительным без предлога в современном испанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1954.
20. Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений (на материале иберо-романских языков). – М.: Наука, 1974. – 224 с.
21. Вольф Е. М. Некоторые особенности местоименных посессивных конструкций (иберо-романские языки) // Категория бытия и обладания в языке. – М.: Наука, 1977. – С. 144 – 193.
22. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. М.: Наука, 1978.
23. Вольф Е. М. История португальского языка. – М.: Высшая школа, 1988. – 264 с.
24. Гак В. Г. Пространство вне пространства. / Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. – С. 127–134.
25. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. I-II. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.

26. Гращенков П. В. Типология посессивных конструкций // Вопросы языкознания. – № 3. – 2007. – С. 25 – 55.
27. Григалюнене Й. Й. Синтаксический посессив и коррелирующие с ним модели в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т языкознания. – М., 1986.
28. Длугош А. М. Английский аналитический каузатив со служебным глаголом «get»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1980.
29. Друзина Н. В. Фундаментальные глаголы бытия и обладания. Функциональный и когнитивный аспекты: дис. ... д-р. филол. наук. – Саратов, 2005.
30. Дымшиц З. М. Грамматика языка хинди (в 2-х томах). – М., 1986.
31. Журинская М. А. Именные посессивные конструкция и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания в языке. – М.: Наука, 1977. – С. 194 – 258.
32. Зеликов М. В. Синтаксис вспомогательного глагола в баскском языке и его иберороманские параллели // Синтаксис испанского языка и инженерная лингвистика. – Л., 1979.
33. Зеликов М. В. Баскское и иберо-романское предложение (параллели субъектно-объектного отношения) // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. – Т. 44. – № 4. – 1985. – С. 318 – 328.
34. Зеликов М. В. Модели с глаголом действия в языках Западной Романии // Вопросы языкознания. – № 4. – 2001. – С. 107 – 129.
35. Зеликов М. В. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберороманских языков. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2005. – 448 с.
36. Зеликов М. В. Западнороманская дивергенция как фрагмент причинно-следственных отношений (некоторые особенности структурно-семантического развития *habēre* и *sapere* в западно-романском ареале) // Вопросы иберороманского языкознания: сб. статей к 80-летию проф. В. С. Виноградова. – Вып. 7. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – С. 60 – 65.

37. Зеликов М. В. Функциональная парадигма глагола обладания в испанском и португальском языках // Сб. научн. статей, посв. памяти Е. М. Вольф. – М.: МГУ (в печати).
38. Зеликов М. В. Аллокутив как выражение специфики субъектно-объектных отношений в баскском языке // Вопросы языкознания. – № 5. – 2010. – С. 78 – 88.
39. Зеликов М. В. Происхождение и статус наиболее частотных иберо-романских неопределенно-личных моделей с глаголом в III лице // Древняя и Новая Романия. – Т. 12. – № 2. – 2013. – С. 49 - 78.
40. Зеликов М. В. Происхождение и референция неопределенно-личных моделей в иберо-романских языках // Древняя и Новая Романия. – Т. 13. – № 1. – 2014. – С. 169 – 189.
41. Зеликов М. В. К вопросу о структурно-семантическом статусе составляющих “антипассивных” конструкций в языках аккумулятивного строя // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Том 73. № 4. – 2014. С. 3 – 23.
42. Золотова Г. А. О структуре простого предложения в русском языке // Вопросы языкознания. – № 6. – 1967. – С. 90 – 101.
43. Зубова Т. Е. Сопоставительный анализ глаголов, восходящих к латинскому «habere» во французском и испанском языках (на материале XII – XIII вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1970.
44. Иванов Вяч. Вс. Заметки по категории притяжательности // Категория притяжательности в славянских и балканских языках: тезисы совещания. – М.: Наука, 1983.
45. Иванова А. В. Испанские глаголы обладания в когнитивной лингвистике // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. Книга III. / Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения член. корр. АН СССР Ф.П.Филина. / Отв. редактор А.П.Юдакин, академик РАЕН. – М.: РАН, 2008. – С. 110 – 115.

46. Краткий курс философии: Учебное пособие. – Уфа: Изд-во БашГУ, 2000. – 161 с.
47. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. – Л.: Наука, 1986. – 298 с.
48. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 213 с.
49. Кашкин В. Б. Функциональная типология перфекта. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 128 с.
50. Кашкин В.Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации. Серия "Аспекты языка и коммуникации". Выпуск 5. - Воронеж: Воронежский государственный университет; Издатель О.Ю.Алейников, 2010. - 382 с.
51. Кибрик А. Е. Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Слово в тексте и в словаре: сб. научн. статей к 70-летию Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 647 с.
52. Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. – М.: Наука, 1973. – 264 с.
53. Кортава Ю. Г. Глаголы обладания в грузинском языке // Проблемы внутренней и внешней лингвистики: сб. статей / под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Наука, 1978. – С. 34 – 44.
54. Категория посессивности в славянских и балканских языках: сб. науч. статей. / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. – М.: Наука, 1989. – 264 с.
55. Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. Сопоставительный анализ способов выражения притяжательности в русском языке // Категория при-тяжательности в славянских и балканских языках: тезисы совещания. – М.: Наука, 1983.
56. Крылов К. А. Эти десять [Электронный ресурс] // Материалы свободной русской энциклопедии «Традиция». – 2009. – URL: <http://traditio-ru.org/krylov/10.html> (дата обращения: 22.07.12)
57. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 1. – 2004. – С. 6 – 17.

58. Ландер Ю. А. Рецензия на кн.: Dimensions of possession/ Ed. by I. Baron, M. Herslund, F. Sorensen. - Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2001. - 337p. (Typological studies in language.V.47) // Вопросы языкознания. – 2003. - № 6. – С. 132 – 134.
59. Лосев А. Ф. Средневековая диалектика // Имя: Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. / Сост. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи. – СПб.: Алетейя, 1997. – 616 с.
60. Лухт Л. И. Категории бытия и обладания (французско-румынские параллели) // Категория бытия и обладания в языке. – М.: Наука, 1977. – С. 125 – 144.
61. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и позиции: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002.
62. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. – Т. 42. – М.: Издательство политической литературы, 1975.
63. Маслов Ю. С. К вопросу о происхождении посессивного перфекта // Уч. зап. ЛГУ. Серия филол. наук. – Вып. 14. – № 97. – 1949. – С. 76 – 104.
64. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 263 с.
65. Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.
66. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М. – Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938.
67. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – 322 с.
68. Милованова М. В. Лингвокультурологические характеристик категории посессивности в русском и немецком языках: автореф. дис. ... д-р. филол. наук. – Волгоград, 2007.
69. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика / Сб. переводов под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 37 – 89.
70. Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций. – Л.: Наука, 1983. – 264 с.

71. Папка Н. В. Эволюция германской языковой картины мира (на примере семантического гнезда значений «*брат*» / «*давать*» в английском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2002.
72. Пестов В. С. Об отражении субъектно-объектных отношений в глаголе кечуа // Вопросы языкознания. – № 4. – 1980. – С. 129 – 132.
73. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
74. Писаркова К. Посессивность как грамматическая проблема (на примере польского языка) // Грамматическое описание славянских языков. – М.: Наука, 1974. – С. 171 – 176.
75. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Том IV: Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 318 с.
76. Пупынин Ю. А. Взаимосвязи категорий вида и залога в русском языке при функционировании форм несовершенного вида в пассивных конструкциях // Теория грамматического значения и аспектологические исследования / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – С. 175 – 188.
77. Рахилина Е. В. Отношение принадлежности и способы ее выражения в русском языке (дательный посессивный) // Научно-техническая информация. – Серия 2. – № 2. – 1982. – С. 24 – 30.
78. Рерих Ю. Н. Тибетский язык. – М.: Восточная литература, 1961. – 136 с.
79. Реферовская Е. А. Бытийность во французском языке // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. / Отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – С. 80-98.
80. Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. – М.: Высшая школа, 1974. – 412 с.
81. Селиверстова О. Н. Экзистенциальность и посессивность в языке и речи. – М.: Наука, 1983.
82. Серебренников Б. А. Общее языкознание. М.: Наука, 1970. – 602 с.

83. Сильницкий Г. Г. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва: РГБ, 2002.
84. Сичинава Д. В. Типология глагольных систем с синонимией базовых элементов парадигмы: дис. ... канд. филол. наук. – М.: фил.фак. МГУ, 2005.
85. Соболев А. Н. О предикативном употреблении причастий в русских диалектах // Вопросы языкознания. – № 5. – 1998. – С. 74 – 89.
86. Степанов Г. В. Формирование романских литературных языков / Отв. ред. Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1984. – 357 с.
87. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания: Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
88. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. – Т. 40. – № 4. – 1981. – С. 325 – 332.
89. Степанов Ю. С. Семиотика - Издательство: М.: Радуга, 1983.
90. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. – М.: Наука, 1989. – 248 с.
91. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. (Семиологическая грамматика). – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 360 с.
92. Топоров В. Н. К генезису категории притяжательности // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. – М.: Наука, 1983. – С. 99 – 107.
93. Топоров В. Н. О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности // Балканское и славянское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. – М.: Наука, 1986. – С. 147 – 156.
94. Тронский И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние (Вопросы реконструкции). – Л.: Наука, 1967. – 103 с.
95. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. / Отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – 230 с.

96. Уленбек Х. К. Agens и patiens в падежной системе индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения. – М.: Издательство иностранной литературы, 1950. – С. 101 – 103.
97. Уорф Б. Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 44 – 60.
98. Филлмор Ч. Дело о падеже // Зарубежная лингвистика. III. / Общ. ред. В. Ю. Розенцвейга и др. – М.: Прогресс, 2002. – С. 127 – 259.
99. Фромм Э. Иметь или быть // Величие и ограниченность теории Фрейда. – М.: АСТ, 2000. – 448 с.
100. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. – Л.: Наука, 1979. – 303 с.
101. Циммерлинг А. В. *Обладать* и *быть* рядом // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Арутюнова Н Д., Левонтина И.Б. – М: Языки русской культуры, 2000. – С. 179-188.
102. Чинчлей К. Г. Категория посессивности в типологическом освещении // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – Т. 46. – № 2. – 1987.
103. Чинчлей К. Г. Типология категории посессивности. – Кишинев: Штиинца, 1990. – 155 с.
104. Шафранов С. Н. О видах русского глагола в синтаксическом отношении / С. Н. Шафранов. – М., 1852.
105. Янко Т. Е. Бытование и обладание: конструкции с глаголом *быть* // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Арутюнова Н Д., Левонтина И.Б. – М: Языки русской культуры, 2000. – С. 198 – 211.
106. Abraham W. Kasus, Aspekt und nominale Referenz // Linguistische Berichte. – № 7. – Sonderheft, 1996. – S. 22 – 70.
107. Agud A. Historia y teoría de los casos. – Madrid: Gredos, 1980.
108. Alarcos Llorach E. Gramática de la lengua española / Colección Nebrija y Bello. – Madrid: Espasa Calpe, 2003.
109. Alcaraz Varó E., Martínez Linares M. A. Diccionario de lingüística moderna. – Barcelona: Editorial Ariel, 1997.

110. Alcina Franch J., Blecua J. M. Gramática española. – Barcelona: Ariel, 1975.
111. Alvarez Martínez M. A. El pronombre. Vol I: Personales, artículo, demostrativos, posesivos. – Madrid: Arco Libros, 1989.
112. Anderson J. M. An essay concerning aspect. – The Hague-Paris: Mouton, 1973.
113. Aranovich R. The semantics of auxiliary selection in Old Spanish // Studies in language. – № 27. – V.1. – 2003. – P. 1 – 37.
114. Badia i Margarit A. M. Fisiognómica comparada de las lenguas catalana y castellana / A. Badía Margarit, Luis Pericot García. – Barcellona: Real Academia de Buenas Letras de Barcelona, 1955.
115. Badia i Margarit A. M. Gramática catalana (2 vols.). – Madrid: Gredos, 1962.
116. Bally Ch. Le language et la vie. – Paris: Payot, 1926.
117. Barker, Ch. Possessive Descriptions. Stanford: CSLI Publications, 1995.
118. Baron I., Herslund M. Possessive Structures in Danish / Ed. by I. Baron, M. Herslund. – Copenhagen, 1997.
119. Barra Jover M. Dativo de interés, dativo aspectual y las marcas de aspecto perfectivo en español // Verba. – № 23. – 1996. P. 121– 146.
120. Bello A. Gramática de la lengua castellana destinada al uso de los americanos. – Santiago de Chile: Imprenta del Progreso, 1847.
121. Bonneau J., Bruhn-Garavito J., Libert A. Feature Checking and Spanish SE // WECOL 24 Proceedings / Ed. by V. Samiian & J. Schaeffer, 1994.
122. Bosque I., Demonte V. Gramática descriptiva de la lengua española. – Vol. 1, 2. – Madrid: Espasa, 1999.
123. Bosque I. Repaso de sintaxis tradicional: Ejercicios de autocomprobación. – Madrid: Arco/Libros, 1999.
124. Breu W. Überlegungen zu einer Klassifizierung des grammatischen Wandels im Sprachkontakt (am Beispiel slavischer Kontaktfälle' / Haase and Nau (eds.). – 1996. – S. 21 – 38.
125. Bybee J. et al. The Evolution of Grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. – Chicago: University of Chicago Press, 1994.

126. Campos H. Transitividad e intransitividad // Gramática descriptiva de la lengua española / Bosque I., Demonte V. (eds.). – Vol. 2. – Madrid: Real Academia Española / Espasa Calpe, 1999.
127. Cano R. Estructuras sintácticas transitivas en el español actual. – Madrid: Gredos, 1981.
128. Cartagena N. Sentido y estructura de las construcciones pronominales en español. – Chile: Universidad de Concepción, 1972.
129. Cela C. J. Diccionario secreto (2 vols). – Barcelona: Alfaguara, 1968.
130. Cennamo M. Passive auxiliaries in Late Latin // Festschrift Herman / S. Kiss, G. Salvi (eds). – Tübingen: Niemeyer, 2005. – P. 179 – 196.
131. Clark E. V. Locational: existential, locative and possessive constructions // Universals of human language. Vol. 4: Syntax / Ed. by J. H. Greenberg. – Stanford University Press, 1978. – P. 85 – 126.
132. Chafe W. L. Meaning and the Structure of Language. – Chicago: The University of Chicago Press, 1970.
133. Company Company C. Gramaticalización, debilitamiento semántico y reanálisis. El posesivo como artículo en la evolución sintáctica del español // Revista de Filología Española. – № 81, 1º- 2º. – 2001. – P. 49 – 87.
134. Comrie B. Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems. – Cambridge, 1976.
135. Corominas J. Diccionario crítico etimológico de la lengua castellana. – Madrid: Gredos, 1954 - 1957.
136. Criado de Val M. El Verbo español. – Madrid: Editorial S.A.E.T.A., 1969.
137. Criado de Val M. Fisonomía del Español y de las Lenguas Modernas. – Madrid: Editorial S. A. E. T. A., 1972.
138. Cuervo R. J., Bello A., Gramática de la lengua castellana. – Buenos Aires: Sopena, 1954.
139. Demonte V. El ‘artículo en lugar del posesivo’ y el control de los sintagmas nominales // Nueva Revista de Filología Hispánica. – № 36. – 1988. – P. 89 – 108.

140. Detges U. Time and truth: The grammaticalization of resultatives and perfects within a theory of subjectification // *Studies in Language*. – № 24. – 2000. – P. 345 – 377.
141. Detges U. How cognitive is grammaticalization? The history of the Catalan perfect perifràstic II // *Up and down the Cline. The Nature of Grammaticalization* / Fischer O., Norde M., Perridon H. (eds.). – Amsterdam: Benjamins, 2004. – P. 211 – 227.
142. Dick S. C. *Studies in Functional Grammar*. – Londres: Academic Press, 1980.
143. Baron I., Herslund M., Sorensen F. Dimensions of possession / Baron I., Herslund M., Sorensen F. (eds.). – Amsterdam: John Benjamins, 2001.
144. Du Marsais C.-Ch. *Les véritables principes de la grammaire*. - Paris, 1769.
145. External possession / Ed by D. L. Payne, I. Barshi. –Amsterdam: Philadelphia, 1999.
146. Fernández Ramirez S. *Gramática española*. – Madrid: Arco Libros, 1987.
147. Garachana M. Acerca de los condicionamientos cognitivos y lingüísticos de la sustitución de *aver* por *tener* // *Verba*. – № 24. – 1997. – P. 203 – 235.
148. García Álvarez M. T. Morfología verbal en el bable de Bimenes // *Archivum*. – Vol. 10. – Universidad de Uviéu: Facultad de Filología, 1960. – P. 405 – 424.
149. García-Hernandez B. Gramática de casos y disociación intrasubjetiva: dativo profundo y dativo funcional // *Cuadernos de Filología Clásica*. – Vol. XX (1986-87). – Madrid: Ed. Universidad Complutense, 1987. – P. 231 – 248.
150. García-Hernández B. El dativo llamado posesivo: una confusión terminología y conceptual // *BCILL 70: De Vsu, Études de syntaxe latine offertes en hommage à Marius Lavency* / D. Longrée (ed.). – Lovaina, Peeters, 1992. – P. 155 – 162.
151. García-Hernández B. El dativo con *svm* y la vulgarización de la noción de posesión / *Revista Española de Lingüística*. - № 22. – 2. – 1992. – P. 325 – 337.
152. García-Miguel J. M. La voz media en español: las construcciones pronominales con verbos transitivos // *Verba*. – № 12. – 1985. – P. 307 – 343.
153. Gili y Gaya S. *Curso superior de sintaxis española*. – México: Minerva, 1943.
154. Gómez Molina C. Las formas pronominales de tercera persona en los verbos transitivos // *Lingüística Española Actual*. – III/1. – 1981. – P. 73 – 157.

155. Gutiérrez Ordóñez S. Los dativos // Gramática descriptiva de la lengua española / Bosque I., Demonte V. (eds.). – Madrid: Real Academia Española / Espasa Calpe, 1999.
156. Fabra P. Qüestions de gramatica catalana. – Barcelona: Biblioteca popular de “L’Avenç”, 1911.
157. Fabra P. L’idioma català enfront del castellà. – Barcelona, 1932.
158. Fabra P. Gramàtica catalana. – Barcelona: Ed. Teide, 1979.
159. Falk J. Ser y estar con atributos adjetivales. Anotaciones sobre el empleo de la cópula en catalán y en castellano // I Acta Universitatis Upsaliensis / Studia Romanica Upsaliensa. – Vol. 29. – Uppsala, 1979.
160. Fernández Ramírez S. Gramática española: El pronombre. – Madrid: Arco/Libros, 1987.
161. Hanssen F. Gramática Histórica de la lengua castellana. – Buenos-Aires: El Ateneo, 1945.
162. Harre C. E. Tener + Past Participle: A Case Study in Linguistic Description. – Routledge, 1991.
163. Havers W. Untersuchungen zur Kasusyntax der Indogermanischen Sprachen. – Strassburg: Trubner, 1911.
164. Hawkins R. Towards an account of the possessive constructions: NP’s and the N of NP // Journal of Linguistics. – № 17. – 1981. – P. 247 – 268.
165. Heine B. Possession: Cognitive sources, forces, and grammaticalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
166. Heine B., Kuteva T. The rise of possessive perfects // The changing languages of Europe / Ed. by Heine B., Kuteva T. – Oxford University Press, 2006. – P. 141 – 182.
167. Herrero Ingelmo J. L. Tener como verbo soporte // III Jornadas de Reflexión Filológica. (Departamento de Lengua Española de la Universidad de Salamanca, Febrero – Marzo de 2002). – Salamanca: Ed. de la Universidad de Salamanca, 2002.

168. Hilferty J., Valenzuela J. Maximality and idealized cognitive models: the complementation of Spanish *tener* // *Language Sciences*. – Vol. 23. – № 4 – 5. – 2001. – P. 629 – 637.
169. Hopper P. J. On some properties of grammaticization // *Approaches to grammaticalization* / Ed. by E. Traugott, B. Heine. – Amsterdam: Benjamins, 1991. – Vol. 1. – P. 17 – 35.
170. Jové y Vergés F. Partícules pronominals hi, en, ho // *Primer Congrés Internacional de la Llengua Catalana (1906)*. – Barcelona: Estampa d'En Joaquim Horta Méndez Núñez, 1908.
171. Kany Ch. *Sintaxis hispanoamericana*. – Madrid: Gredos, 1976.
172. Kliffer M. D. Beyond Syntax: Spanish Inalienable Possession // *Linguistics*. – № 21. – 6(268). – 1983. – P. 759 – 794.
173. König E., Haspelmath M. Les constructions à possesseur externe dans les langues d'Europe // *Actance et Valence dans les langues de l'Europe* / Ed. by Feuillet J. – N.Y., 1998.
174. Lägheid, A. The Scandinavians in Russia: On the extra-linguistic factors in the language contact between North Germanic and East Slavic peoples in the early Middle Ages // *Scandinavian Language Contacts* / Ed. by S. Ureland, I. Clarksson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – P. 97 – 110.
175. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. – Chicago: University of Chicago, 1987.
176. Lamiroy B., Delbecque N. The possessive dative in Romance and Germanic languages // *The Dative (vol. I)* / Ed. by W. van Belle and W. van Langendonck. – Amsterdam: John Benjamins, 1996. – P. 29 – 74.
177. Langaker R. W. Noms et verbes // *Communications*. – № 53. – 1991. – P. 103 – 154.
178. Langacker R. Possession and Possessive Constructions // *Language and the Cognitive Construal of the World* / Ed. by John R. Taylor and Robert E. MacLaury. – Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 1995. – P. 51 – 79.
179. Lázaro Carreter F. *Diccionario de términos filológicos*. – Madrid: Gredos, 1988.

180. Lehmann Ch. Thoughts on grammaticalization: A programatic sketch. – Volume I. – Koln: Institut fur Sprachwissenschaft, 1982.
181. Lindstedt J. The Perfect - Aspectual, Temporal and Evidential // Tense and Aspect in the Languages of Europe / Ed. by Ö. Dahl. – New York: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 365 – 384.
182. Lorenzo E. El español de hoy, lengua en ebullición. – Madrid: Gredos, 1971.
183. Losada Durán J. R. El artículo y el posesivo en español e inglés // *Analecta-Malacitana: Revista de la Sección de Filología de la Facultad de Filosofía y Letras (Málaga)*. – № 14 – 1. – 1991. – P. 141 – 157.
184. Lyons J. A note on possessive, existential, and locative sentences // *Foundations of Language*. – № 3. – 1967. – P. 390 – 396.
185. Marín Galvéz R. El componente aspectual de la predicación: Unpublished Ph. D. Diss. – Barcelona: Universitat Autònoma de Barcelona, 2000.
186. Meillet A. Le développement du verbe ‘avoir’ // *Zeitschrift Wackernagel*. – Göttingen, 1923. – S. 9 – 13.
187. Menéndez Pidal R. El dialecto Leonés // *Revista de Archivos, Bibliotecas y Museos*. – № 14. – 1906. – P. 128 – 172, 294 – 311.
188. Meulen A. An Intensional Logic for Mass Terms // *Philosophical Studies*. – № 40. – 1981. – P. 105 – 125.
189. Millán Urdiales J. El habla de Villacidayo (León) // *Anejo del Boletín de la Real Academia Española*. – № 13. – Madrid, 1966.
190. Molho M. Sistemática del verbo español (2 vols). – Madrid: Gredos, 1975.
191. Moll Francesc de B. Gramàtica històrica catalana. – Madrid: Gredos, 1952.
192. Monzón C. Hacia una aclaración de la función dativo en español // *RSEL*. – № 14/1. – 1984. – P. 63 – 84.
193. Morimoto Y. El aspecto léxico: delimitación. – Madrid: Arco/Libros, 1998.
194. Müller H. H. Spanish N+de+N structures from a cognitive perspective // *Dimensions of possession* / Ed. by I. Baron, M. Herslund & F. Sorensen. – Amsterdam: John Benjamins, 2001. – P. 169 – 186.

195. Olivieri D. Dizionario Etimologico Italiano concordato coi dialetti, le lingue straniere e la topo-onomastico. – Milan: Casa Editrice Ceschina, 1953.
196. Paiva Boléo M. O Perfeito e o pretérito em português em confronto com as outras línguas románicas. – Coimbra, 1936.
197. Par A. Sintaxi Catalana segons los escrits en prosa de Bernat Metge (1398). – Halle (Saale): Max Niemeyer, 1923.
198. Payne D. Prolegomenon to the typology of external possession constructions // Conference on EP and noun incorporation. – Eugene, 1997.
199. Picallo M. C. Possessive pronouns in Catalan and the avoid pronoun principle // Catalan Working Papers in Linguistics / Ed. by A. Branchadell. – Bellaterra: Univ. Autònoma de Barcelona, 1991. – P. 211 –234.
200. Picallo M. C., Rigau O. G. El posesivo y las relaciones posesivas // Gramática descriptiva de la lengua española / Ed. por I. Bosque, V. Demonte. – Vol. 1. – Madrid: Espasa, 1999. – P. 973 – 1023.
201. Pinkster H. Lateinische Syntax und Semantik. – Tübingen: Francke, 1988.
202. Porto Dapena J. Á. Los posesivos personales del español: intento de descripción funcional // Dicenda. Cuadernos de Filología Hispánica. Facultad de Filología. Universidad Complutense de Madrid. – Nº 1. – 1982. – P. 55 – 108.
203. Pott A. F. Verschiedene Bezeichnung des Perfects in einigen Sprachen und Lautsymbolik // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. – Bd. 15. – 1884.
204. Pottier B. Sobre el concepto de verbo auxiliar // Nueva Revista de Filología Hispánica. – Nº 15/3 – 4. – 1961. – P. 325 – 331.
205. Ramos Alfajarín J. R. Ésser, estar i haver-hi en català antic: estudi sintàctic i contrastiu. – València: Universitat de València, 2000.
206. Roca Pons J. Verbs auxiliars afins a estar en català antic // Estudis romànics. – Nº 6. – 1957. – P. 165 – 168.
207. Roca Pons J. Estudios sobre perífrasis verbales del español // Revista de Filología Española. – Anejo 67. – Madrid, 1958.

208. Rohlfs G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. – Torino: Einaudi, 1966-69.
209. Ruiz de Loizaga J. H. Algunas consideraciones en torno al complemento agente // RSEL. – № 22 / 2. – 1992. – P. 339 – 359.
210. Santos Vaamonde G. Las relaciones posesivas y la estructura argumental de la cláusula // Actas del XXXV Simposio Internacional de la Sociedad Española de Lingüística / Ed. por Milka Villayandre Llamazares. – León: Universidad de León, 2006.
211. Sanz M. M. Telicity, Objects and the Mapping onto Predicate Types. – Rochester PhD, 1996.
212. Sanz Cr., González M. J. Ser y estar in Tortosí Catalan: Language contact, language variation and language change // Sintagma. – № 7. – 1995. – P. 5 –25.
213. Saragossà i Alba A. Els adjectius possessius // Llengua & Literatura: Revista anual de la Societat Catalana de Llengua i Literatura. – Volum 11. – 2000. – P. 199 – 280.
214. Seco M. Diccionario de dudas y dificultades de la lengua española. – Madrid: Espasa-Calpe, 1986.
215. Seifert E. Haber y tener como expresiones de la posesión en español // Revista de Filología Española. – T. XVII. – Cuaderno 3º- 4º. – 1930.
216. Seiler H. Possession as an Operational Dimension of Language. – Tübingen, 1983.
217. Solà J. Qüestions controvertides de sintaxi catalane. – Barcelona: Edicions 62, 1987.
218. Studies in Relational Grammar / Ed. by David Perlmutter. – Chicago; London, 1983.
219. Terry M. The Simple Past and Present Perfect in Afro-American English // Proceedings to the Conference “Perspectives on Aspect” (The Utrecht Institute of Linguistics OTS: December 12 – 14). – Utrecht: The Utrecht Institute of Linguistics, 2001.
220. Thieroff R. On the areal distribution of the tense-aspect categories in Europe // Tense and Aspect in the Languages of Europe / Ed. by Ö. Dahl. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 265 – 305.
221. Vallcorba i Rocosa J. Els verbs ésser i estar en català. – Barcelona: Ed. Curial, 1978.

222. Vallcorba i Rocosa J. Els verbs ésser i estar en català // Obra gramatical i lingüística completa / Vallcorba i Rocosa J. – Vol. 1. – Barcelona: Publicacions de l'Abadia de Montserrat, 2010.
223. Veenker W. Die Frage des finnougriſchen Substrats in der russischen Sprache. – Bloomington, 1967.
224. Vincent N. The development of the auxiliaries *habere* and *esse* in Romance // / Studies in the Romance verb / Ed. by N. Vincent and M. Harris. – London: Croom Helm, 1982. – P. 71 – 96.
225. Wierzbicka A. Ethno-syntax and the Philosophy of Grammar // Studies in Language. Vol. 3. – № 3. – 1979. – P. 313 – 383.
226. Yllera A. Sintaxis històrica del verbo español: las perífrasis medievales. – Zaragoza: Prensas Universitarias de Zaragoza, 1980.
227. Zélikov M. V. Problemas clave de la estructura del predicado verbal simple en español moderno // XIV Congreso de la Asociación Alemana de Hispanistas «Hispanistik 2003» (Regensburg, 2003). – La Paz: Arellano, AMGD, 2007. - P. 103 – 118.
228. Zorraquino M. M. Las construcciones pronominales en español. Paradigma y desviaciones. – Madrid: Gredos, 1979.

Словари

1. DCC = Diccionari Català – Castellà. – Barcelona: Enciclopèdia Catalana, 2006.
2. DIEC = Diccionari de la Llengua Catalana de L'Institut d'Estudis Catalans. – 2a edició. – Barcelona: Edicions 62, 2007.
3. DGLC = Diccionari general de la llengua catalana. – Barcelona: EDHASA, 1994.
4. DRAE=Diccionario de Real Academia Española. – Madrid: Espasa Calpe, 1999.
5. CTILC = El Corpus textual informatitzat de la llengua catalana (<http://ctilc.iec.cat>)
6. Borao J. Diccionario de voces aragonesas. – Zaragoza, 1908.
7. Moliner M. Diccionario de uso del español (2 ed.). – Madrid: Gredos, 1998.

Источники и принятые сокращения

на русском языке:

1. Абрамов Ф. А. Повести и рассказы. – Л.: Лениздат, 1985.
2. Булгаков М. Мастер и Маргарита. – М.:РИК Милосердие, 1991.
3. Ерофеев В. Пять рек жизни: роман-река. – Москва: Издательский Дом Подкова, 1998.
4. Пастернак Б. Л. Сочинения в двух томах. – Том 1. Стихотворения. – М.: Филин, 1993.

на испанском языке:

5. Aguirre F. J., Uña Zugasti J. Nuevas leyendas del Monasterio de Piedra. – Huesca: Mira editores, 2000.
6. Arrabal F. La torre herida por el rayo. – Barcelona: Destino, 1983.
7. El mayorazgo = Baroja P. El mayorazgo de Labraz. Madrid, 1919.
8. El árbol = Baroja P. El árbol de la ciencia. – Madrid: Alianza editorial, 1972.
9. Urtubi = Baroja P. La dama de Urtubi. – Madrid, 1963.
10. Arizona = Cela C. J. Cristo versus Arizona. – Barcelona: Plaza y Janés, 1993.
11. Colmena = Cela C. J. Colmena. – СПб.: КАРО, 2008.
12. FPD = Cela C. J. La familia de Pascual Duarte. – Barcelona: Ediciones Destino, S.A., 2002.
13. Mazurca = Cela C. J. Mazurca para dos muertos. – Barcelona: Editorial Seix Barral, S.A., 1983.
14. Ratas = Delibes M. Las ratas. – Barcelona: Destino, 2002.
15. Hereje = Delibes M. El hereje. Barcelona: Ediciones Destino, S.A., 2002.
16. Principe = Delibes M. El príncipe destronado. – Barcelona: Ediciones Destino, S.A., 1997.
17. Mario = Delibes M. Cinco horas con Mario. Barcelona: Ediciones Destino, S.A., 1993.
18. Jarama = Ferlosio R. S. El Jarama. – Barcelona: Ediciones Destino, S.A., 2001.

- 19.Ferlosio R.S. Dientes, polvora, febrero. – Barcelona, 1999.
- 20.Entre visillos = Gaité C.- M. Entre visillos. – Barcelona: Ediciones Destino, S.A., 2000.
- 21.La reina = Gaité C.- M. La reina de las nieves. – Barcelona, 1994.
- 22.Pasión = Gala A. La pasión turca. – Barcelona: Ed. Biblioteca El mundo, 2001.
- 23.Regla = Gala A. La regla de tres. – Barcelona: Planeta, 2007.
- 24.Jardín = Gala A. Los invitados al jardín. – Barcelona: Planeta, 2002.
- 25.Manuscrito = Gala A. El manuscrito carmesí. – Barcelona: Planeta, 1990.
- 26.Gómez de la Serna R. La mujer de ámbar. – Madrid: Espasa-Calpe, 1981.
- 27.Hernández R. El secreter del Rey. – Barcelona: Seix Barral, 1995.
- 28.Laforet, Nada = Laforet C. Nada. – Oxford: Oxford University Press, 1958.
- 29.Landero L. Juegos de la edad tardía. – Barcelona: Tusquets, 1993.
- 30.Lorca F. G. La casa de Bernarda Alba. Espasa-Calpe, S. A., 1976
- 31.Llosa M. V. La ciudad de los perros. – Barcelona: Seix Barral, 1978.
- 32.Machado A. Poesías completas. – Madrid: Espasa Calpe, 1997.
- 33.Marías J. El corazón tan blanco. – Madrid: Ed. Mateu Cromo, S.A., 2002.
- 34.Márquez, Memoria = Márquez G.G. Memoria de mis putas tristes. – Barcelona, 2004.
- 35.Márquez G.G. Cien años de soledad. – México: Editorial Diana, 1999.
- 36.Mendoza E. La ciudad de los prodigios. – Barcelona: Editorial Seix Barral, 1993.
- 37.Millás J. J. Dos mujeres en Praga. – Madrid: Espasa-Calpe, 2002.
- 38.Moix A.-M. Vals negro. – Barcelona: Lumen, 1994.
- 39.Moncada, Caprichos = Moncada S. Caprichos. – Madrid: SGAE, 1993.
- 40.Moncada S. Cena para dos. – Madrid: SGAE, 1993.
- 41.Moncada, Taj Mahal = Moncada S. El hombre del Taj Mahal. – Madrid: SGAE, 1993.
- 42.Muñoz Molina A. El invierno en Lisboa. – Barcelona: Seix Barral, 1995.
- 43.Pedraza P. La Pequeña Pasión. – Barcelona: Tusquets, 1990.

44. Quiñones F. Las mil noches de Hortensia Romero. – Barcelona: Planeta, 1979.
45. Ribera J. La sangre de mi hermano. – Barcelona, 1988.
46. Rodoreda M. La plaza del Diamante (Traducción: Enrique Sordo). – Barcelona: Ediciones Orbis S.A., 1987.
47. Sánchez Espeso G. La mujer a la que había que matar. – Madrid: Mondadori, 1991.
48. Sinisterra Sanchis J. El retablo de Eldorado. – Madrid, 1992.
49. Sepúlveda L. El viejo que leía novelas de amor. – Barcelona: Tusquets, 1994.
50. Tomás García J. L. La otra orilla de la droga. – Barcelona: Destino, 1985.
51. Tomeo J. Amado monstruo. – Barcelona: Anagrama, 1995.
52. Torres M. Hombres de lluvia. – Barcelona: Planeta, 2004.
53. Umbral F. Leyenda del César visionario. – Barcelona: Seix Barral, 1995.
54. Niebla = Unamuno M. Niebla. – Madrid: Espasa-Calpe, S. A., 1970.
55. El espejo = Unamuno M. El espejo de la muerte. – Madrid: Espasa-Calpe, S. A., 1977.
56. Valle-Inclán R. Sonatas. – Madrid: Espasa-Calpe, S. A., 1975.
57. Vázquez Montalbán M. La soledad del mánager. – Barcelona: Planeta, 1988.
58. Zafón, Ruiz C. La sombra del viento. – Barcelona: Planeta, 2003.

на каталанском языке:

59. Barbero J. Vint per vint / Llibres de l'Escorpí (Teatre 'El Galliner', 102). – Barcelona: Edicions 62, 1987.
60. Bas G. Diàlegs de Carmelites. – Barcelona, 1964.
61. Benet i Jornet J. M. Berenàveu a les fosques. – Barcelona, Edicions 62, 1972.
62. Benet i Jornet J. M. Estricta vigilància. – Barcelona: Edicions 62, 1973.
63. Casp X. Proses en carn. – Editorial Torre, València, 1952.
64. Delmón P. Bocins de vida. – Barcelona: Pagès editors, S.L., 1995.
65. Faner P. Lady Valentine / Narracions. Premi Victor Catala 1983. Col. Antilop 29. – Barcelona: Selecta, 1984.

- 66.História oral = Montcau La Mola, El blog “História oral” (<http://historia-oral.flog.cat/>).
- 67.Manent M. El vel de Maia: dietari de la guerra civil (1936-39). - Barcelona: Destino, 1975.
- 68.Maragall J. Una calaverada / Poesía completa. – Barcelona: Edicions 62, 2011.
- 69.Moncada J. Camí de sirga. – Barcelona: Edicions de la Magrana, 1988.
- 70.Oller N. Notas de color. – Barcelona: Llibreria d’Àlvar Verdaguer, 1883.
- 71.Pàmies T. Va ploure tot el dia. – Barcelona: Edicions 62, 1974.
- 72.Pedrolo, Manuel de. La nostra mort de cada dia. – Palma de Mallorca: Moll, 1958.
- 73.Pedrolo, Manuel de. Baixeu a recules i amb les mans alçades. – Barcelona: La Magrana, 1979.
- 74.Pere Calders = Calders P. Aquí descansa Nevares i altres narracions mexicanes. – Barcelona, Edicions 62, 1998.
- 75.Perucho J. Les històries naturals. – Barcelona: Destino, 1960.
- 76.Pla J. Bodegó amb peixos. – Barcelona: Selecta, 1950.
- 77.Pla J. El quadern gris. – Barcelona: Destino, 1966.
- 78.Pla J. El que hem menjat. – Barcelona: Destino, 1972.
- 79.Quim Siles = Siles Q. El temps i altres narracions. – Barcelona: Badosa, 1996.
- 80.Riera C. Jo pos per testimoni les gavines. – Barcelona: Laia, 1977.
- 81.Robert R. Barcelonines. – Barcelona: Biblioteca Popular de "L'Avenç", 1907.
- 82.Plaça = Rodoreda M. La Plaça del Diamant. – Barcelona: Club Editor Jove, 2005.
- 83.Cristina = Rodoreda M. La meva Cristina i altres contes. – Barcelona: Edicions 62, 1967.
- 84.Mirall trencat = Rodoreda M. Mirall trencat. – Barcelona: Edicions 62, 1974.
- 85.Aloma = Rodoreda M. Aloma. – Barcelona, 1938.
- 86.Quanta, quanta guerra... = Rodoreda M. Quanta, quanta guerra... – Barcelona: Edicions 62, 1980.

- 87.L'òpera = Roig M. L'òpera quotidiana. – Barcelona: Edicions 62, 1992.
- 88.El temps = Roig M. El temps de les cireres. – Barcelona: Edicions 62, 1977.
- 89.Rubió i Tudurí N. No ho sap ningú. – Barcelona: Club Editorial, 1961.
- 90.Soler F. Liceistas y cruzados. – Barcelona, 1865.
- 91.Vallverdú J. El venedor de peixos. – Barcelona: Biblioteca infantil, 1960.
- 92.Vallverdú J. En Roc drapaire. – Barcelona: Edicions 62, 1971.
- 93.Villalonga Ll. La Lulú o la princesa que somreia a totes les conjunctures. –
Barcelona: Edicions 62, 1970.

на итальянском языке:

- 94.Bassani G. Dietro la porta. – Torino: Einaudi, 1964.

на английском языке

- 95.Warren = Warren, R. P. All the king's men. - Houghton Mifflin Harcourt,
2006.